

"Шёлковый шнурок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Владимир Кириллович Малик

Шёлковый шнурок

ОТ АВТОРА

«Шёлковый шнурок» — заключительная часть тетралогии «Тайный посол», первые две книги которой вышли на русском языке в 1973 году под общим названием «Посол Урус-Шайтана», а третья — «Чёрный всадник» — в 1981 году.

В основу первых трех книг положены события русско-турецкой войны 1677—1678 гг., а также последующих лет вплоть до заключения Бахчисарайского мирного договора 1681 года. В этой тяжёлой, изнурительной для обеих сторон войне, известной в истории под названием Чигиринских походов, русский и украинский народы отстояли в совместной борьбе свою свободу и независимость от захватнических посягательств турецких феодалов и крымских ханов.

Главный герой тетралогии — молодой казак Арсен Звенигора. Это лицо не совсем вымышленное. У него был реальный прототип — запорожец-разведчик, которого атаман Иван Сирко накануне назревавшей войны послал с важным заданием в Турцию — выведать военные планы будущего неприятеля. Владея в совершенстве турецким языком, этот смелый и находчивый «тайный посол» сумел раздобыть и привезти на Запорожье фирман (указ) султана Магомета IV о предстоящем походе на Украину. Понимая исключительную важность этого документа, Сирко немедленно отправил его в Москву, где он и сохранился до наших дней в архиве бывшего Посольского приказа.

Так стали известны стратегические и тактические планы Порты. Русские и украинские войска, заблаговременно подготовленные и стянутые под Чигирин, нанесли сильному противнику значительный урон, вынудили его отступить и отказаться от планов завоевания Украины, которые, будь они реализованы, привели бы к полному уничтожению её народа.

Но угроза нового нашествия не была полностью ликвидирована. Арсен Звенигора и его друзья — донской казак Роман Воинов, русский стрелец Кузьма Рожков, поляк Мартын Спыхальский, воевода болгарских повстанцев-гайдуков Младен с сыном Ненко — продолжали героическую борьбу против ненавистного врага. И тут тяжёлое горе вдруг постигло Арсена: в водовороте военного лихолетья исчезла его любимая девушка Златка. Долгие поиски на Украине, в Крыму и Буджакской орде оказались напрасными. Наконец стало известно, что она в самом Стамбуле, в гареме великого визиря Кара-Мустафы...

Туда и направились Арсен и Ненко, дав друг другу клятву освободить Златку или погибнуть в неравной борьбе с могущественным врагом...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОДАЛИСКА

1

Великий визирь Асан Мустафа Кепрюлю, или Кара-Мустафа, как называла его вся Турция, стоял перед большим, в позолоченной раме, зеркалом венецианской работы. В нем он видел сухощавого, среднего роста мужчину в белой, как и положено великому визирю, одежде и такой же белоснежной чалме, украшенной большим самоцветом и серебряным челенком [1].

Приблизившись к зеркалу почти вплотную, он начал внимательно рассматривать своё лицо.

Оно было тёмным, продолговатым, с хрящеватым — не тюркским, а греческим — носом, ибо предки Кепрюлю были греками и, подобно многим, отуречились после завоевания Константинополя османами. Две глубокие морщины пролегали от крыльев носа и резко очерчивали плотно сжатые губы. Эти морщины придавали лицу особую суровость. На груди лежала чёрная, с проблесками седины борода. А из-под крутых бровей смотрели пытливые чёрные глаза, пронизательного взгляда которых не выдерживал никто, даже сам султан Магомет.

Вспомнив султана, великий визирь криво улыбнулся.

Ребёнок! Взрослый ребёнок, волей судьбы поставленный управлять гигантской империей! Ему бы веселиться, развлекаться с одалисками [2], в султанском гареме их более полутысячи. Или — охотиться... Охота — его стихия и самая большая страсть. Ради неё султан, не задумываясь, бросает государственные дела, войско, гарем и мчится в дикие чащи Родопских гор погоняться за вепрями, косулями, зайцами или лисами. Не зря же он и прозвище получил — Авджи, то есть Охотник...

Кара-Мустафа вновь улыбнулся. На этот раз печально. Ведь ему, истинному правителю Османской империи, приходится гнуть спину перед этим ничтожеством, этим лёнтяем, корчащим из себя великого завоевателя и мечтающим о лаврах Александра Македонского... А кто вознёс его на такую невероятную высоту? Род Кепрюлю, вот уже тридцать лет бесменно дающий Турции великих визирей! Могущественнейший род не только империи, но, пожалуй, и всего мира. Из этого рода вышел и он, Асан Мустафа Кепрюлю! Это его род привёл к власти Магомета IV, которого давно бы сгноили в Семибашенном замке его братья, куда более достойные претенденты на престол... Ничтожество! Но попробуй лишь пальцем шевельнуть вопреки его воле! Лишишься не только сана великого визиря, но и головы...

Ну нет! Рано или поздно наступит время, когда он, Асан Мустафа, не будет склоняться ни перед кем, ибо сам станет правителем, султаном или императором Великой империи! Она будет создана на руинах Австрии, Венеции, Польши и немецких княжеств. Уже готовится громадное войско, перед которым падут, как трава на морозе, объединённые силы врагов Порты. Во главе войска он пройдёт вдоль Дуная, станет грозой и бичом пророка для проклятых гяуров! На их землях он насадит ислам, пол-Европы обратит в мусульманство, а Вену, прекрасную столицу эрцгерцога Австрии и императора Священной Римской империи [3] Леопольда, сделает своим главным городом!

Все складывается как нельзя лучше. С царём московским Фёдором, слава аллаху, подписано перемирие. Значит, на севере руки развязаны. Император Леопольд, подстрекаемый иезуитами, затопил кровью Западную Венгрию в беспощадной борьбе с повстанцами. Используя это, турки сумели переманить на свою сторону молодого графа Имре Текели, ставшего вождём венгров. Чтобы помочь османам в войне против Австрии, Текели поведёт за собой многие тысячи опытных воинов. Когда же он свершит это дело и станет ненужным, его надо устранить, а Венгрию, этот благодатный край на Дунае, он, Асан Мустафа, сделает пашалыком [4] вновь созданной империи, её житницей.

Лазутчики доносят, что Леопольд засылает тайных послов к королю Франции Людовику XIV, надеясь после многих лет неприязни, вражды и войн склонить его к дружбе или хотя бы к нейтралитету. Напрасные усилия! Великий визирь получил заверения Людовика в том, что Франция никогда не пойдёт на сговор с Австрией, своей давнишней соперницей на континенте. Более того, через королеву Ляхистана [5] Марию-Казимиру, дочь обнищавшего французского маркиза капитана д'Аркена, Людовик потребовал от Яна Собеского сохранения мира с Турцией и поддержки венгров против Австрии... Ян Собеский, давний враг Порты, пока что колеблется... Пусть колеблется! Для этого у него есть основания: он не имеет ни войска, ни денег...

Великий визирь погрузился в раздумья. В них чудовищно переплетались действительность с домыслами, трезвые рассуждения опытного государственного мужа и воина с иллюзорными юношескими мечтами.

Глядя в зеркало, он уже не замечал морщин на своём лице и мешков под глазами, появившихся в последнее время, а видел себя молодым и могучим императором безграничной империи, что будет простираться от берегов Дуная у Железных Ворот до прозрачного Рейна, а может, и далее. То, чего не удалось сделать на севере, он осуществит на западе.

Пожалуй, это к лучшему?

Вместо полупустынных украинских степей, раскинувшихся по берегам многоводной реки Озу, которую гяуры называют Днепром, к его ногам лягут густонаселённые, богатые провинции страны Золотого Яблока [6]. Его конь высечёт своими подковами искры на каменистых берегах Сумеречного океана, о котором мечтали и Аттила, и Чингисхан, и узкоглазый, женоподобный толстяк Батухан... Его рука пронесёт зеленое знамя пророка до самого края земли!

вернуться

1

Челенк (тур.) — медаль за храбрость.

вернуться

2

Одалиска (франц.) — рабыня или прислужница в гареме.

вернуться

3

Священная Римская империя — так называлась тогда Германия вместе с захваченными ею в Европе землями.

вернуться

4

Пашалык (тур.) — провинция, область, управляемая пашой.

вернуться

5

Ляхистан (тур.) — Польша.

вернуться

6

Страна Золотого Яблока — Западная Европа.

Да, все это будет! Все это он свершит. Но позднее. В будущем. А сейчас...

Кара-Мустафа усмехнулся и подмигнул, как мальчишка, отражению в зеркале. Потёр пальцами морщину между бровями и подмигнул ещё раз.

А сейчас он отправится в левое крыло своего огромного дворца, пройдёт тайным ходом в башню и заглянет в комнату, где по его приказу вот уже который месяц держат «цветок рая», девушку-пленницу, чья необычайная красота нарушила покой первого сановника империи.

Он оставил кабинет, миновал зал приёмов, полутёмной прохладной галереей дошёл до сторожевой башни, примыкающей ко дворцу и сообщающейся с ним незаметной для постороннего глаза дверью.

Охраны здесь не было.

Кара-Мустафа отодвинул лёгкий декоративный шкаф, без усилий отворил массивную дубовую дверь — её петли были всегда хорошо смазаны. Переступив порог, остановился в просторной нише.

Густой сумрак был вокруг. Но он не обращал на это внимания — уверенно протянув руку

вперёд, нащупал на стене картину в раме, снял её.

В нише стало чуть светлее: за картиной было скрыто небольшое оконце, пропускавшее немного тусклого света.

Осторожно поставив картину на пол, Кара-Мустафа приблизил лицо к стеклу.

Его взору открылась большая круглая комната, обставленная с исключительной даже для дворца визиря роскошью. Стены задрапированы пёстрым шёлком и коврами. Слева от двери — высокое зеркало, справа — шкаф с бронзовыми ручками. Посредине, в ажурной мраморной чаше, плясали прозрачные струи маленького фонтанчика, а над ним раскинула ветви нежно-зелёная пальма. По другую сторону фонтана стояла широкая, застеленная тяжёлым персидским ковром тахта. На ней лежала девушка. Возле тахты, на полу, сидела пожилая женщина.

Только решётка в проёме окна резко диссонировала со сказочным убранством комнаты.

Полюбовавшись красотой девушки, Кара-Мустафа тихонько вздохнул, повесил картину на место.

В последние дни у него появилась привычка, даже потребность — хотя бы несколько минут понаблюдать за пленницей. И как он ни был занят государственными делами, он каждый день находил время побывать здесь, у этого оконца.

Вот и сегодня — джумеат, святая пятница. Еэр халифа, торжественный султанский намаз [7]. И ему, великому визирю, вместе с другими высшими сановниками империи нужно через час сопровождать падишаха к мечетям Сулеймание и Ая София. А он не мог не заглянуть сюда, не мог не увидеть прекрасное лицо, чудесные косы и нежные округлые плечи молодой красавицы.

2

Тем же путём Кара-Мустафа вернулся в свой кабинет, подойдя к зеркалу, ещё раз внимательно осмотрел белоснежную чалму с сияющим челенком, такой же ослепительной белизны доломан [8] с горностаевой опушкой, пышную чёрную бороду, припорошенную кое-где, словно изморозью, сединой, и, оставшись вполне довольным собою, направился к выходу.

Во дворе уже ждала свита. Старший конюший держал за уздечку серого в яблоках коня. Ехать было недалеко — до пристани.

Великий визирь чуть задержался на крыльце, быстрым взглядом окинул двор. Полной грудью вдохнул свежий утренний воздух.

О аллах, как здесь красиво! Нет, что ни говори, его усадьба Эйюб, расположенная за стенами столицы, на берегу залива Золотой Рог, — райское место!

Большой двухэтажный дворец, с примыкающими к нему гаремом, кухней и другими службами, утопает в зелени тенистого сада. Повсюду — море цветов. Напротив входа во дворец — пристань, где всегда стоит наготове галера. С Золотого Рога веет прохладой и запахами моря. Истинный рай, да и только! Не удивительно, что сам султан, посетив Эйюб, это небольшое пригородное селенье, сказал: «Если б не было на свете султанского сераля [9], то я хотел бы жить в Эйюбе».

Кара-Мустафа спустился по ступеням, легко вскочил в седло и направил коня к пристани.

Свита тронулась за ним.

На мачте галеры развевалось знамя великого визиря. По парадному трапу он поднялся на палубу. Корабельный ага отсалютовал ему саблей.

Без малейшего промедления галера отчалила от берега, проплыла по Золотому Рогу и, обогнув почти весь город и выйдя в Мраморное море, взяла курс на султанский мобейн [10]...

Кара-Мустафу встречали все члены дивана [11] — визири, а также бесчисленные придворные, о должностях и роли которых даже он, великий визирь, имел весьма туманное представление. Испокон веку существовали они, и без них, казалось, не мог обойтись ни один султан.

Вся эта толпа последовала за великим визирем к дворцу падишаха. По пути она постепенно уменьшалась — придворным полагалось ожидать выхода султана в трех дворах и в многочисленных помещениях сераля.

В большой тронный зал Кара-Мустафа вошёл один. Постоял немного, а затем не торопясь направился к высоким позолоченным дверям, по обе стороны которых стояли на страже два чернолицых великана-нубийца.

В это время через открытые окна со двора послышался протяжный напев рожков, удары тулумбаса — большого сигнального барабана.

Позолоченные двери распахнулись, и в зал вошёл султан Магомет. Его сопровождал всего один придворный — главный евнух.

Кара-Мустафа молча поклонился и, быстро выпрямившись, пошёл впереди султана, как бы возглавляя эту небольшую процессию.

Перед ними бесшумно открывались двери. Стража брала на караул. Пока проходили анфиладами комнат, к ним присоединялись шейх-уль-ислам [12], визири, советники, паши, чауши [13]. И вскоре уже сотни придворных шествовали за «наместником бога на земле».

В третьем дворе сераля султану подвели белоснежного красавца коня. Несколько ближайших янычаров мгновенно бросились вперёд и, согнув спины, составили живые ступени. Султан взошёл по ним и сел в седло.

Раздалась дробь барабанов. Распахнулись ворота второго и первого дворов — и процессия двинулась. Вновь запели зурны, флейты, рожки. Загромыхали тулумбасы. Из тысяч глоток вырвался восторженный крик: «Уй я уй!» [14]

Первым из ворот Топ-капу вышли четыреста янычаров при всем оружии, в красивой парадной одежде.

Тысячные толпы, запрудившие улицы и площади города, расступались перед ними, освобождая широкий проход. Рослые, дюжие янычары грубо отталкивали тех, кто замешкался, своевременно не убравшись с дороги, а некоторых таким тумачком награждали, что зазевавшиеся летели вверх тормашками. Но потерпевшие как ни в чем не бывало вскакивали и продолжали тарачить глаза на пышное, пёстрое и торжественное зрелище.

Янычары из охраны султана выделялись цветастыми шёлковыми поясами, разнообразным дорогим оружием, отличались друг от друга головными уборами. У одних они были из белого

сукна, у других — жёлтые, у третьих — синие. А янычарские аги украшали свои уборы яркими перьями, серебром или самоцветами, так и сверкавшими на солнце всеми цветами радуги. Впереди важно шагали старейшие и заслуженные военачальники с золотыми «обручами» и пучками перьев на долбандах [15].

За янычарами следовал отряд стражей-силачей. Потом выехали айабашы — конные стражи в серебряных шлемах с золототкаными плюмажами. Они сжимали в руках луки со стрелами.

Вслед за айабашы выехали пышно разодетые чауши султана во главе с чаушбашы. Их резвые кони были покрыты парчовыми попонами, уздечки сияли позолотой, а седла — серебром.

Не успели стамбульские жители насмотреться на чаушей, как появились свирепые на вид скороходы-пайеки, до пояса обнажённые, мускулистые, с саблями и ятаганами наголо, готовые наброситься на врагов падишаха, как голодные псы. На их головах отливали серебром и позолотой круглые, как короны, шлемы.

вернуться

7

Намаз (араб.) — мусульманская молитва, которую читают пять раз в день.

вернуться

8

Доломан (тур.) — длинная верхняя одежда.

вернуться

9

Сераль (тюрк.) — дворец, его внутренние покои.

вернуться

10

Мобейн, или селямлик (тур.) — мужская часть султанского дворца.

вернуться

11

Диван (тур.) — правительство султана.

вернуться

12

Шейх-уль-ислам (тур.) — великий муфтий, глава мусульманской церкви.

вернуться

13

Чауш (тур.) — чиновник для особых поручений, посланец.

вернуться

14

Уй я уй (тур.) — земной бог.

вернуться

15

Долбанд (тур.) — высокий головной убор знатных особ.

И только затем показались знатные вельможи — аги и займы, паши, два кази-аскера, муфтий. На тонконогих арабских скакунах важно восседали визири.

На некотором расстоянии от них шёл пешком — так велел обычай и придворный этикет — великий визирь Кара-Мустафа.

За ним ехал падишах.

Грациозный белый конь, распустив пышный хвост, казалось, едва касался копытами земли. Седло, чепрак и вся сбруя на нем сияли золотом, жемчугом, дорогими камнями.

Ослеплённые этим богатством, восклицая «уй я уй», люди не могли оторвать взгляда от коня, который нёс на себе «тень бога на земле», «падишаха всего мира».

Султан Магомет IV, сорокалетний, слегка располневший мужчина с мягким невыразительным лицом, сидел в седле привычно, как прирождённый наездник, — сказывалось пристрастие к верховой езде и охоте. Одежда его была так густо украшена золотом и самоцветами, что могла своим блеском соперничать с самим солнцем. Всеобщее внимание привлекал султанский долбанд с двумя плюмажами, усеянными множеством драгоценных камней, любой из которых стоил поместья.

Вплотную за султаном ехали два бородатых богатыря с саблями на боку, ятаганами, луками и колчанами, заполненными стрелами. Каждый из них держал наготове тяжеленный боздуган [16] с блестящими стальными шипами. Позади шествовали верховные казнадары [17] и главный евнух.

От сераля до мечети Сулеймание, у которой султан, спешившись, почтил поклоном память своих предшественников, падишахов минувших времён, и дальше до Ая Софии, где должен был быть совершён еэр халифа — султанский намаз, волновалось необозримое людское море. По мере приближения султана тысячные толпы с возгласами «уй я уй» падали на колени, а потом

вскакивали и лавиной двигались следом за кортежем, топча тех, кто имел неосторожность споткнуться и оказаться под ногами...

3

Когда султан вернулся после намаза в сераль, сошёл с коня и удалился в покои мобейна, его многочисленная свита быстро растаяла. Янычары разошлись по своим сейбанам — казармам, придворные вельможи разъехались по домам. Простые горожане, налюбовавшись блистательным зрелищем, торопливо возвращались к своим будничным делам.

Из высших сановников во дворце остались только наиболее приближённые к султану люди — главный евнух и великий визирь.

Кара-Мустафа, медленно прохаживаясь вдоль окон под развесистыми пальмами, которые были украшением большого зала, злился. Ещё бы! Султан не принял его сразу, а велел подождать, пока он немного отдохнёт. В другое время великий визирь не стал бы дожидаться, уехал бы и сам отдыхать в Эйюб, но два дела были такими важными, что откладывать их на завтра он никак не мог.

Вот-вот придёт, как сообщил чауш, отряд янычар из Немирова. Он привезёт гетмана Юрия Хмельницкого и его казну. Султан уже дал согласие отстранить его от власти на Украине, а теперь нужно добиться, чтобы разрешил казнить или заточить в Еди Куле [18]. Тогда можно будет беспрепятственно заполучить его богатства.

Кроме того, с Дуная, от будского паши Ибрагима, приехал посланец с новыми сведениями из Вены. Задумав войну с Австрией, Порта давно и пристально следила за каждым шагом венского двора. Эти последние вести тоже следует немедленно сообщить падишаху. Вот почему так нетерпелось великому визирю.

Когда часовая стрелка огромных золочёных часов, стоящих в углу зала на высоком столике, дважды обошла круг, он направился к покоям султана. Навстречу поднялся главный евнух, как верный пёс, дежуривший у «порога счастья».

— Пора! — коротко кинул Кара-Мустафа.

— Я спрошу соизволения, эфенди, — поклонился тот и исчез за дверями.

Через некоторое время он вернулся и, сообщив, что падишах дал согласие выслушать великого визиря, с ещё более низким поклоном впустил его в опочивальню султана.

Это была просторная нарядная комната. Султан полулежал на широкой, расшитой по краям серебром оттоманке, а на ковре, у его ног, сидела молодая красивая одалиска, играла на лютне и тихонько напевала итальянскую песенку.

Кара-Мустафа низко поклонился.

Одалиска мгновенно прервала пение, опустила на лицо вуаль и удалилась в боковую дверь. Главный евнух тоже вышел.

Султан приподнялся. На его располневшем, холёном лице промелькнуло выражение напускного недовольства и досады.

— Великие визири, вероятно, придуманы аллахом для того, чтобы султаны не имели спокойной

жизни, — сказал он капризно. — Ты напугал эту маленькую итальянскую пташку, и она убежала...

Кара-Мустафа поклонился ещё раз.

— Признаю свою вину, мой властелин, но, к сожалению, и у преемника пророка на земле есть обязанности, хотя, не скрою, их значительно меньше, чем у великих визирей... И эти обязанности заставляют меня беспокоить моего падишаха даже в светлую пятницу.

Султан в знак согласия кивнул головой.

— Ну ладно, ладно... Рассказывай, что случилось!

— Мой повелитель, — начал тихо Кара-Мустафа, — после победной войны против урусов...

— Эта победа очень дорого мне обошлась, — мрачно перебил его султан. — Пусть в будущем хранит нас аллах от таких побед!

Великому визирю не понравились слова султана, он сделал вид, что не расслышал их, и вновь повторил то, с чего начал. Но теперь в его голосе зазвучали металлические нотки, которые он иногда позволял себе в разговоре с султаном, когда подсознательно чувствовал, что тот пребывает в состоянии душевной расслабленности и не разгневается на него.

— Мой повелитель, после нашей победы на севере мы сразу же начали готовиться к войне на западе... Сейчас настало время принять решение. От паши Ибрагима есть донесение. Наши разведчики в Австрии сообщают, что венский двор тоже не дремлет... Император Леопольд с благословения папы Иннокентия направил послов в Варшаву к королю Яну Собескому, чтобы договориться о союзе...

— Что? Они все ещё хотят подписать договор?

— Да. К ним присоединяются немецкие курфюрсты [19].

Магомет вскочил с оттоманки. Сообщение взволновало его.

— Мы уничтожим их всех до единого! — воскликнул он. — Мы загоним их всех на галеры! Ведь у Собеского и десяти тысяч воинов не наберётся!

— Однако говорят, что он обязуется выставить сорок тысяч.

— Хотел бы я видеть эти сорок тысяч! Откуда он их возьмёт? Казна его пуста!

— Зато у папы много золота... Даст Ватикан!

— Гм... ты, кажется, прав... Какое же войско может собрать этот бездельник Леопольд?

— Леопольд, как доносят лазутчики, будто бы обещает будущим союзникам выставить против нас шестьдесят тысяч... Ну а если точнее, то, я думаю, тысяч сорок...

— А курфюрсты?

— Те приведут тысяч двадцать... самое большее — тридцать...

— Ну что ж, тогда мы бросим на Вену вдвое больше! — запальчиво воскликнул Магомет. — я

сам поведу это войско — сотру в порошок Австрию и Ляхистан! Уничтожу проклятых гяуров...

Последние слова султан произнёс уже без пафоса, вяло, и великий визирь чуть заметно улыбнулся в бороду, потому что знал: запальчивости падишаху хватает ненадолго.

— Мы должны разбить их, прежде чем они объединятся, мой повелитель, — почтительно, но твёрдо сказал великий визирь. — Я уже послал Ибрагим-паше приказ склонить на нашу сторону Текели...

— Правильно сделал.

— И подтягиваю войска к столице, чтобы наияснейший падишах, как только сочтёт нужным, мог направить их на врага. На этих днях соберём диван — сообщим высочайшее решение.

— И это правильно... Что ещё?

Кара-Мустафа понизил голос:

— Мой могущественный повелитель, светоч божественной мудрости, тот презренный гяур, гетман Юрий Ихмельниски, как я докладывал, оказался недостойным высочайшего доверия...

— Что он такое натворил?

— Верные люди доложили: его шурина, полковник Яненченко, находится сейчас в Ляхистане и ведёт там тайные переговоры с коронным гетманом Яблоновским [20], а может, и с самим королём. Подозреваю, что переговоры с нашими врагами за нашей спиной — это...

вернуться

16

Боздуган (тур.) — боевая палица, булава.

вернуться

17

Казнадар (тур.) — казначей, хранитель.

вернуться

18

Еди Куле — крепость в Стамбуле, тюрьма.

вернуться

19

Курфюрсты (нем.) — буквально: князья-избиратели. В Священной Римской империи крупные феодалы (имперские князья) являлись непосредственными вассалами императора. Самые

влиятельные из них составляли коллегия курфюрстов, имевших право избирать императора.

вернуться

20

Станислав Яблоновский — коронный гетман Воеводства Русского, как называлась тогда Галиция.

Великий визирь выдержал паузу, прежде чем закончить, но гнев уже охватил султана.

— Гяур! Собака! Смерть для него — не самое тяжкое наказание!

— Истинно так, славный повелитель трех континентов... Я велел схватить негодяя. Прикажешь повесить?

Султан задумался.

— Повесить?.. Гм... это проще всего... Но для чего торопиться? Нет, лучше спровадь его в подземный каземат Еди Куле! — И, немного помолчав, спросил: — А кто же теперь будет править Украиной?

Кара-Мустафа хитро прищурился.

— Мы сделали ход конём... как в шахматах, мой повелитель...

— Что именно?

— Я приказал правителю Афлака [21] купить у нас этот обширный и благодатный край, и ему не осталось ничего иного, как открыть свои сундуки, которые трещат от золота. Мы получим немалые деньги и покроем значительную часть затрат на предстоящую войну...

— Ты это ловко придумал... Ха-ха-ха! Так вытрясти карманы старого афлакского скупердяя! Ха-ха-ха! — хохотал султан. — И как это пришло тебе в голову?

— Когда государственная казна пустеет, то поневоле становишься ловким и хитрым, как сам шайтан.

— Ну, и что же он? Долго сопротивлялся?

— Представь себе, яснейший, — нет... Видимо, польстился на безграничные просторы Правобережной Украины... Сразу же велел перенести резиденцию тамошнего правителя из Немирова в Печеру, что в Брацлавском полку [22], а в Чигирин назначил полковником какого-то казака Гримашевского...

— Ладно, пускай хозяйничает... Но дай ему понять, что джизье [23] в Валахии теперь увеличится вдвое... И чтобы платил исправно! Кроме того, к весне пусть выставит десять тысяч конных воинов с обозом и приведёт их под Белград!

— Мой повелитель мудро решил, — склонился в поклоне Кара-Мустафа. — Правитель Афлака выполнит этот приказ, я позабочусь об этом.

— У тебя все?

— Все, мой повелитель. Позволь удалиться?

— Иди!

Кара-Мустафа ещё раз поклонился и попятился к дверям: придворный этикет не позволял подданным падишаха поворачиваться к нему спиной. Но когда он протянул руку назад, чтобы открыть дверь, султан остановил его:

— Подожди, Мустафа!

Великий визирь поклонился.

— Подойди сюда! — приказал Магомет и, когда Кара-Мустафа вновь приблизился к нему, спросил, пристально глядя ему в глаза: — До меня дошли слухи, что в твоём гареме зацвела «райская роза»... Правда ли это?

— Что мой повелитель имеет в виду?

— Ну как же! Говорят, такой красавицы и в султанском гареме нет!

Кара-Мустафе стоило больших усилий скрыть охватившее его волнение. Он сразу понял, о какой красавице спрашивает султан.

— Злые языки преувеличивают, мой богоданный повелитель, — сказал Кара-Мустафа. — Действительно, в моем гареме есть несколько новых... но чтобы они сравнились с красавицами султанского гарема! Не верится мне... Нет, не могу догадаться, о которой из них идёт речь. — И он смело посмотрел на султана.

— Ту пленницу привезли тебе из Камениче [24].

«Он-таки знает все, — пронеслось в голове Кара-Мустафы. — Интересно, кто это из моих людей соглядатай султана? Дознаюсь, выжгу глаза собаке и вырву язык!»

Вслух же он произнёс:

— А-а, теперь мне все ясно... Такая девушка есть! Хорошенькая. Тебя, мой повелитель, не обманули, когда описывали её прелесть... И все же среди роз султанского гарема она оказалась бы обыкновенным полевым цветком.

— Так это чудесно! — воскликнул Магомет. — Розы колючи и, несмотря на свою красоту, быстро надоедают. Менее яркие полевые цветы порой милее нашему сердцу... Не так ли?

Кара-Мустафа прекрасно понимал, к чему клонит султан, и не посмел на этот раз возражать. Хотя Магомет говорил, как казалось, милостиво и доброжелательно и ничего прямо не требовал, за внешней его мягкостью скрывалась мстительная и завистливая натура — из-за одного неосторожно сказанного слова султан мог вспыхнуть в любую минуту. А сейчас, накануне похода на Австрию, на который великий визирь возлагал такие большие и честолюбивые надежды, он опасался осложнить своё положение. Поэтому смиренно поклонился и, подавляя досаду, с приветливой улыбкой сказал:

— Бесспорно так, хранитель мудрости пророка! Настанет время — и этот скромный полевой цветок расцветёт пышно, как драгоценнейшая роза. Тогда рука преданного слуги преподнесёт

его тебе во всей непорочной красе! Думаю, это будет лучшим подарком моему повелителю в тот день, когда презренные, обуреваемые гордыней гяуры падут под ударами сабель непобедимых воинов нашего грозного хондкара [25], величайшего завоевателя всех времен!

Лицо султана прояснилось: он любил лесть.

— На все воля аллаха! Я всегда знал тебя, Мустафа, как моего преданнейшего слугу... Можешь идти!

4

На галере, когда в лицо подул свежий морской ветерок и слуги подали на верхнюю палубу кувшин холодного шербета, Кара-Мустафа постепенно начал успокаиваться.

Собственно, что произошло? Ведь все складывается как нельзя лучше! Султан поручил ему готовить войско для большой войны в Европе и, можно не сомневаться, назначит на время похода сердаром [26], так как у самого вряд ли хватит сил и желания нести тяготы военного похода. А это — верный путь к осуществлению его мечтаний и намерений! Пусть Магомет думает, что поход готовится для возвеличивания его особы. Ха-ха! Зазнавшийся мальчишка! Нет, он, Мустафа, не настолько глуп, чтобы, стоя у руля империи, не позаботиться о себе, о своём и своих потомков будущем! Не был бы он достоин рода Кеprüлю, если бы, став великим визирем, не мечтал о большем — о троне падишаха или короне императора! И первый успешный шаг на этом пути сделан.

Удалось также без осложнений избавиться от Юрия Хмельницкого. Казна украинского гетмана существенно пополнит казну великого визиря. Чего ещё желать?

Правда, беспокойство терзает сердце из-за красавицы невольницы, о которой проведал султан... Это, конечно, очень неприятно. Да, султаны, как и все смертные, любят подарки. Было бы неосмотрительно не понять намёка... Видно, придётся подарить девушку, хотя красота её пленила его самого.

Тьфу, шайтан! Как скверно получилось! И все из-за какого-то султанского соглядатая.

Кара-Мустафа начал мысленно перебирать своих слуг, охранников, чаушей, советников: кто из них стал глазами и ушами султана в его доме? Но вскоре оставил эту пустую затею — людей, окружавших его, так много, что он не смог припомнить и половины их.

Возвратившись в Эйюб, великий визирь прежде всего позвал старшего евнуха.

В комнату вкатился невысокий толстяк в бархатной одежде, мягких, расшитых серебром чувяках и в белоснежной чалме. Приблизившись, он с трудом согнул в поклоне короткий, бочкообразный стан и молча устоялся на своего повелителя.

«Неужели он — султанский глаз?» — подумал великий визирь и произнёс:

— Ну, как она, кизляр-ага? [27]

— Все то же, эфенди... Сегодня её осматривал Пьетро-ага, лекарь-итальянец. Говорит, девушка здорова телом, но больна душой.

— Ох уж этот мне римлянин!

— Пьетро-ага — чудесный лекарь, эфенди, — мягко возразил кизляр-ага. — Всем это известно... К тому же он читает будущее по звёздам...

— Но у него слишком доброе сердце! Он всех жалеет... Особенно рабов.

— Это понятно: он долгие годы сам был рабом.

— Ну, хватит, тебя не переговоришь... Веди меня к ней!

— Прошу, эфенди... Девушка все тоскует, отказывается принимать пищу — по-видимому, хочет умерить себя голодом... День и ночь её стережёт старая Фатима...

Они спустились по мраморным ступеням на первый этаж, и кизляр-ага провёл Кара-Мустафу в комнату пленницы.

вернуться

21

Афлак (тур.) — Валахия, феодальное княжество между Карпатами и Дунаем.

вернуться

22

Полк — военная единица и административно-территориальный округ на Украине в XVII—XVIII вв.

вернуться

23

Джизье (тур.) — подушный налог с немусульман.

вернуться

24

Камениче (тур.) — Каменец-Подольский.

вернуться

25

Хондкар (тур.) — один из титулов султана, говорящий о его неограниченной власти. Дословно — человекоубийца.

вернуться

26

Сердар (перс.) или сераскер (тур.) — главнокомандующий действующей армией.

вернуться

27

Кизляр-ага (тур.)—девичий начальник, евнух-надсмотрщик.

У окна на диване сидели две женщины — старая и молодая. Увидев великого визиря, они мигом вскочили и застыли в низком поклоне.

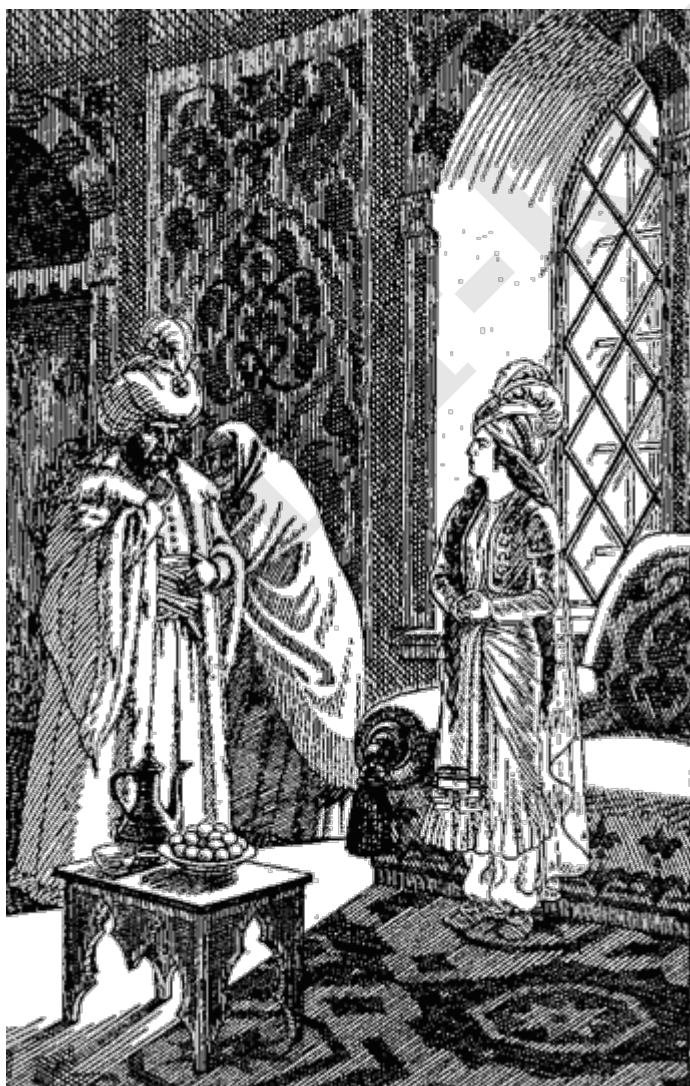
Кизляр-ага качнул головой:

— Фатима, иди за мной!

Старуха быстро вышла. Молодая попыталась задержать её, но тут же, гордо выпрямившись, смело взглянула на Кара-Мустафу.

Это была Златка.

Как она изменилась за время, проведённое в неволе! Если бы её смог сейчас увидеть Арсен, её возлюбленный, навеки утраченный Арден, то не сразу узнал бы девушку.

Одетая в роскошные шелка, обутая в расшитые золотыми и серебряными нитками башмачки, только что вышедшая из гаремной бани, где в подогретую воду льют розовое масло, от чего кожа приобретает нежность и аромат роз, она показалась бы ему ещё красивей, но вместе с тем и чужой. Арсен заметил бы, как она осунулась, что под глазами залегли тени, придавшие её личику томную привлекательность, высоко ценимую во дворцах здешних вельмож, но которая совсем не к лицу красавицам Старой Планины или украинской степи.

Кара-Мустафа, любясь девушкой, подумал о том, что красавицу прислал ему Юрий Хмельницкий, а он его единым жестом выбросил из жизни, как мусор на свалку, но тут же отогнал это воспоминание. Стоит ли тревожить себя из-за какого-то тщедушного гетмана-гяура? Совсем иное дело — собственные чувства.

А чувства эти вот уже которую неделю волнуют его. Смешно сказать: он влюбился, как мальчишка! С тех пор как в Эйюбе появилась эта девушка, великий визирь утратил покой. Сначала думал, что Златка станет одной из многих сотен одалисок его гарема, к которым Кара-Мустафа был совсем равнодушен. Но когда неожиданно получил отпор и услышал угрозу, что она умертвит себя, если только он осмелится её коснуться, сердце Кара-Мустафы вдруг запылало юношеским огнём, и он понял: это серьёзно.

Любовь и радовала его, ибо он почувствовал, что ещё достаточно молод и полон страсти, и злила, ибо упрямица и слушать не желала его признаний. А потом — заболела...

Веский визирь таил свои чувства от всех. Догадывались о них только старуха Фатима да кизляр-ага. Ну и, конечно, знала Златка...

От его зоркого взгляда не скрылось, что за последнее время девушка изменилась. Вместо обречённости и страха в её глазах светилась отчаянная решимость, а в плотно сжатых устах и гордо поднятой голове угадывалась сильная воля.

О аллах экбер! [28] И такую нежную, как весеннее утро, и гордую, подобную царевне, красавицу отдать султану? Чтобы она стала его кадуной? [29] Ни за что!

Нет, он не уничтожит своё счастье собственными руками! Во что бы то ни стало обхитрит султана и не отдаст ему эту девушку! А когда сам станет султаном страны Золотого Яблока, тогда... Тогда он сделает её своею бах-кадуной, то есть первой женой, а ещё лучше — императрицей... Вступит с нею в законный брак в венском соборе Святого Стефана, который после завоевания Вены будет превращён в мечеть Ая Стефано, и у них родится шах-заде, принц, наследник престола. Так он положит начало новой династии. Династии Кепрюлю! Не великих визирей Кепрюлю, а императоров!

Но пока это свершится, пока на голове ещё не сияет императорская корона, нужно быть хитрым и осмотрительным, чтобы эти мысли не узнала ни одна собака! А с султаном надо вести тонкую игру до последнего дня, и главным козырем в этой игре станет теперь прекрасная пленница! Как хорошо, что ему пришло в голову дать султану такое туманное обещание: подарить девушку после победы над гяурами! Значит, у него достаточно времени, чтобы маневрировать и сохранить Златку для себя... Хотя в любой день можно ждать нового напоминания султана — тогда придётся пожертвовать своими чувствами и отправить пленницу в султанский гарем. Но до этого, хотелось бы надеяться, далеко!

Он ещё раз внимательно посмотрел на девушку. «Да, лекарь Пьетро правильно определил её болезнь: у неё болит душа. Однако издавна известно, что душу лечат не травами, не мазями и даже не целебными водами, а временем и добрым словом».

Златка в напряжённом ожидании не сводила с него тревожного взгляда. Она была прекрасна. «Действительно, как нежный полевой цветок...»

Кара-Мустафа сдержал вздох. Аллах экбер, если б не султан!..

Златка по-своему расценила мысли и чувства великого визиря, которые невольно отразились на его лице, и отступила на шаг.

— Не бойся меня, пташка. Я не причиню тебе зла, — ласково произнёс Кара-Мустафа, делая шаг вперёд.

— Я не боюсь. Аллах защитит меня, — с вызовом бросила Златка.

— Не аллах, а я, красавица... Я защищу тебя от всего злого на свете! Я властен творить добро и зло. Это ты понимаешь?

— Понимаю. Тогда сделай добро — отпусти меня...

Кара-Мустафа улыбнулся.

— Глупышка, нигде тебе не будет лучше, чем здесь. Сколько красавиц со всех стран света сочли бы за честь и счастье поселиться в моем доме!

— Я не соглашусь быть наложницей даже самого падишаха! — Златка гордо выпрямилась, и в её голосе прозвучала такая твёрдость, что Кара-Мустафа удивился.

— Будто у тебя есть выбор!

— Да, у меня есть другая возможность...

— Какая же?

— Смерть... Я не раз говорила тебе об этом!

— Смерти никто не минует... Но такой молодой и красивой девушке нужно ещё долго жить. Жить в роскоши, в любви. И все это тебе могу дать только я!

— Роскошь — да, любовь — нет.

— Почему?

— Я не люблю тебя и никогда не полюблю!

Кара-Мустафа разгладил пальцами, украшенными драгоценными перстнями, чёрную бороду. Давно он не слышал, чтобы кто-нибудь, если он в здравом уме, перечил ему или говорил неприятное. А вот эта девчонка посмела! Её откровенная отповедь больно ударила по его самолюбию. Однако он сдержался, решив, что обижаться на неё — то же самое, что гневаться на пышную розу, уколотившую тебя колючкой.

— Я подожду, пока ты изменишь своё отношение ко мне, — тихо сказал великий визирь. — Месяц, два... год...

— Этого не случится вовек! Не надейся!..

По лицу Кара-Мустафы пробежала тень.

— Смотри, как бы я сам не разлюбил тебя.

— Что же будет тогда?

— Лучше не говорить о том, что станет с тобой...

— Ты прикажешь убить меня?

— Нет, зачем же. Просто я подарю тебя человеку, который тебя не любит.

Златка задумалась. Потом сказала:

— Спасибо за откровенность, эфенди... Значит, я имею некоторое время на размышление?

— Да.

— Хорошо, я подумаю, а ты мне не досаждай!

— Ты злоупотребляешь моей добротой! — воскликнул задетый за живое Кара-Мустафа. — Помни, даже у влюбленного терпение может иссякнуть!

Златка ничего не ответила. Она понимала, что находится в безвыходном положении: освободиться от пут великого визиря нет никакой возможности. Не могла она рассчитывать и на то, что Арсен, отец или брат найдут её здесь. Но любому человеку, в каком бы тяжёлом положении он ни находился, свойственно уповать на лучшее. И она надеялась, а надеясь, боролась. Боролась за жизнь, за честь, за будущее...

Кара-Мустафа прошёлся по комнате, окинул взглядом вещи, которыми по его приказу кизляр-ага окружил эту строптивую пленницу. Здесь были десятки мелочей, к которым женщины очень быстро привыкают и потом не представляют свою жизнь без них.

Он остался доволен. Пройдёт время — и Златка тоже привыкнет ко всему. К изысканной пище и лакомствам, к дорогой одежде, ко всяким фонтанчикам, пальмам, мягким оттоманкам, к зеркалам в позолоченных рамах и баночкам с ароматными мазями и духами. А привыкнет — и сама не захочет никуда уходить отсюда.

Точно так же привыкнет она и к нему, совсем ещё не старому и, как он думал, красивому мужчине. А тогда...

Златка следила за каждым жестом великого визиря, за его непроницаемым лицом — а им он за долгие годы жизни при султанском дворе научился владеть мастерски — и ничего угрожающего для себя не заметила. Наоборот, его взгляд был скорее ласковым, чем враждебно-грозным.

вернуться

28

Аллах экбер (тур) — великий аллах.

вернуться

Кадуна (тур) — жена султана, которую он выбирает себе из чужеземных рабынь. На турчанках султаны, как правило, не женились.

— Может, у тебя есть какая-либо просьба, Златка? Говори, и твоё желание будет сразу же исполнено, — тихо произнёс Кара-Мустафа.

— Нет.

— Если появится, скажи Фатиме. Она доставит тебе все, что ты пожелаешь... Поверь мне, великий визирь, перед которым трепещут многие народы и державы, рад лишний раз увидеть тебя, райский цветок, и удовлетворить самое трудноисполнимое твоё желание!

Последние слова Кара-Мустафа произнёс с искренним чувством. Но ответ Златки был сдержан:

— Благодарю. Мне ничего не нужно.

Кара-Мустафа взглянул на неё и, не прощаясь, медленно вышел из комнаты.

Златка продолжала молча стоять, словно ожидая, что великий визирь может вернуться. Но его шаги, глухо отдаваясь под высокими сводами, затихали вдаль. И когда их совсем не стало слышно, девушка сразу как-то увяла, плечи её опустились, из груди вырвался тяжёлый стон. Она протянула перед собой руки и в отчаянии воскликнула:

— Арсен! Любимый мой! Пропаду я здесь, навеки пропаду!..

И, забившись в глухих рыданиях, бросилась ничком на покрытую мягким ярким ковром тахту.

5

В Эйюб, усадьбу великого визиря, отряд янычар Сафар-бея, — как вновь начал называть себя Ненко, — прибыл в полдень и расположился на внешнем дворе. Оставив возле повозок с военным снаряжением, казной гетмана и возле самого гетмана небольшую охрану, голодные янычары кинулись к кухне, чтобы чем-нибудь поживиться.

Сафар-бей и Арсен, отряхнув с себя дорожную пыль и умывшись прохладной водой из колодца, направились к покоям великого визиря.

Арсен не был уверен, что ему следует появляться перед Кара-Мустафой, но Сафар-бей настоял.

— Нужно узаконить твоё пребывание в моем отряде. И лучше всего, если это сделает сам Кара-Мустафа.

— А если нам это не удастся?

— Ну и что? Одно то, что ты был на приёме у великого визиря, поднимет тебя в глазах янычар и свиты визиря так высоко, что никому и в голову не придёт спросить когда-нибудь, кто ты и откуда.

— Вдруг он узнает меня и вспомнит, что это я под Чигирином читал ему письмо Сирко?

— Это было так давно, — возразил Сафар-бей. — Неужели ты думаешь, что он помнит какого-то там казака-уруса? Перед ним каждый день проходят десятки, если не сотни, новых лиц... Он, скорее, вспомнит нашу с ним встречу в Каменце. А это будет только к лучшему.

— Может, ты и прав, — тяжело вздохнув, согласился Арсен. — Не думай, что я боюсь... Чувствует моё сердце, что наша Златка где-то здесь... Совсем близко... И теперь, когда мы добрались сюда, чтобы вызволить её, было бы совсем некстати попасть впросак.

— Я с тобой согласен. Будем надеяться на лучшее. Об одном хочу напомнить и предостеречь тебя...

— О чем?

— Забудь здесь моё настоящее имя. Даже находясь наедине со мной, не называй меня Ненко. Такая оплошность может оказаться для нас роковой. Зови Сафар-беем!

Арсен невесело улыбнулся:

— Понял, Сафар-бей. Буду помнить.

— Вот и хорошо. А теперь — идём!..

Они открыли тяжёлые крашенные двери и вошли в просторную приёмную дворца. Навстречу им торопился дородный высокий капуджи-ага — начальник телохранителей-янычар. Внимательно выслушав Сафар-бея и приказав подождать, он исчез в глубине коридора. А когда спустя некоторое время вернулся, повёл прибывших за собой.

Кара-Мустафа сидел в глубине кабинета за столиком с вычурными золочёными ножками и что-то писал. Закончив, присыпал написанное песком и только тогда поднял голову.

— Подойдите поближе! — Голос его прозвучал холодно, резко. — А ты, капуджи-ага, выйди!

Тот бесшумно скрылся за дверями. Сафар-бей с Арсеном сделали несколько шагов вперёд и низко поклонились.

— Вы прибыли из Камениче? — спросил Кара-Мустафа.

— Нет, великий визирь, славный защитник трона падишаха, мы прибыли из Немирова, — ответил Сафар-бей.

— Гетмана Ихмельниски привезли?

— Да, великий визирь.

— А... — Кара-Мустафа помолчал, словно раздумывал, говорить дальше или нет.

Догадливый Сафар-бей поклонился.

— Казну гетмана тоже привезли, великий визирь, — сказал он тихо, но чётко.

Кара-Мустафа удовлетворённо кивнул.

— Это хорошо! — И, внимательно присматриваясь, добавил: — Мне кажется, я уже видел вас обоих где-то... Или тебя одного, чорбаджи [30], — указал он на Арсена. — Вот только не

припомню где...

— В Камениче, великий визирь, — поклонился Арсен. — Это было прошлым летом, у паши Галиля... Мы тогда привезли из Немирова известие о том, что гетман Ихмельниски послал своего родича, полковника Яненченко, в Ляхистан...

— А-а, припоминаю...

Кара-Мустафа слегка прикрыл глаза. Он действительно сразу вспомнил этих молодых чорбаджиев: разговор с ними и навёл его на мысль сместить Юрия Хмельницкого и завладеть его богатством.

— Я рад видеть вас. — На лице великого визиря появилось подобие улыбки.

Чорбаджии снова поклонились. А Сафар-бей спросил:

— Что великий визирь прикажет сделать с гетманом и его казной? Может, сам желает посмотреть?

Кара-Мустафа встал, подошёл к чорбаджиям.

— Как тебя звать?

— Сафар-бей, эфенди.

— А тебя? — повернулся к Арсену.

— Асен-ага.

— Я доволен вами, — похвалил Кара-Мустафа. — Хотели бы вы оба служить у меня? Такие толковые и смелые воины мне нужны! Вот ты, — он указал на Сафар-бея, — был бы моим чаушагой, а ты, Асен-ага, — чаушем...

— Мы рады служить великому визирю, защитнику трона падишаха!

— Ладно. О вас позаботятся... Теперь пошли к обозу! — И Кара-Мустафа первым направился к выходу.

Шагая позади великого визиря, друзья молча переглянулись. Сафар-бей даже подмигнул: мол, все идёт хорошо!

Миновав анфиладу комнат, где у каждой двери стояло по два молчаливых стража, спустились вниз, в приёмную, и вышли во двор. За ними следовали капуджи-ага с телохранителями.

Великий визирь в своём белоснежном длинном одеянии шёл плавно и легко, напоминая гордого лебедя, плывущего по спокойной поверхности пруда.

Вдруг сбоку, совсем рядом, послышался звон разбитого стекла и вслед за этим раздался отчаянно-болезненный девичий крик.

— А-а-а!..

Кара-Мустафа вздрогнул и остановился.

Остановились и сопровождавшие его чорбаджи.

Крик этот ударил Арсена в сердце, как стрела, — он узнал голос Златки.

Казак побледнел и повернулся в сторону башни, примыкающей ко дворцу. Из разбитого окна, прижавшись лицом к решётке, выглядывала Златка. Она вцепилась в толстые железные прутья и не замечала, как из порезанной руки тонкой струйкой стекает к локтю кровь.

— Кизляр-ага! Джалиль! Я прикажу вырвать тебе язык, паршивый шакал! — крикнул Кара-Мустафа. — Почему не следишь за девушкой? Что там делает Фатима, эта старая ведьма?

Из-за плеча Златки выглянуло перепуганное жёлтое лицо евнуха. Он пытался оторвать руки девушки от решетки. Рядом суетилась старуха. Но Златка держалась крепко, не обращая внимания на то, что кровь окрасила уже и плечи, и грудь.

— Мы сейчас все устроим, яснейший мой эфенди, — бормотал кизляр-ага. — Сейчас, сейчас поможем ей... Только бы она не сопротивлялась... О аллах!

А Златка тем временем не сводила взгляда с Арсена и Ненко. В нем были мольба и просьба о спасении. Но ни одно слово, которое могло бы раскрыть перед великим визирем её отношения с этими двумя молодыми чорбаджиями, не слетело с губ девушки. Самообладание, к счастью, не оставило Златку.

Наконец Джалилю и Фатиме удалось оторвать Златкины руки от решётки и оттащить девушку от окна. Из комнаты доносились причитанья и оханья Фатимы.

Арсен весь дрожал от возбуждения. Но, стиснув зубы, сдерживал себя, понимая, что достаточно лишь неосторожного движения, чтобы вызвать подозрение великого визиря и погубить все. К тому же Сафар-бей сильно, как тисками, сжал его руку выше локтя, предупреждая о молчании.

Кара-Мустафа, углублённый в свои мысли, постоял у разбитого окна, а потом, как показалось Арсену, чуть заметно вздохнул и медленно пошёл по дорожке, усыпанной перемытым морским песком. О происшедшем он не обмолвился ни словом.

вернуться

30

Чорбаджи (тур.) — старшина, офицер.

6

На внешнем дворе великий визирь сразу же приблизился к тому возу, где под охраной янычар сидел в тени Юрий Хмельницкий.

Вид бывшего гетмана был жалок. Похудевший, запыленный, в стоптанных в дальнем пути сапогах и в выцветшем на солнце жупане, он безучастно уставился неподвижным взглядом в землю, ничего не замечая вокруг.

Но стоило ему увидеть перед собой великого визиря, равнодушие и усталость его как рукой сняло. Глаза заблестели радостью, в них загорелись живые огоньки. Он быстро встал, кинулся

к Кара-Мустафе, заговорил по-турецки:

— О мой наияснейший повелитель, я несказанно рад, что мой горестный, невольничий путь перекрестился с твоей светлой дорогой, и я смею надеяться на твою благосклонность и твоё заступничество!

Кара-Мустафа брезгливо сморщился.

— Ну, что скажешь, Ихмельниски?

— Великий визирь, прошу помиловать меня и вырвать из этого нестерпимого положения! Я ни в чем не повинен... Меня оболгали перед пашой Галилем мои тайные враги... И паша Галиль, не разобравшись, приказал схватить меня и, как татя, отправить в Стамбул.

— Это султан приказал схватить тебя, Ихмельниски! — сурово произнёс Кара-Мустафа. — Султан!

Юрий побледнел, нижняя челюсть, с редкой чёрной щетиной, отвисла.

— С-султан?! 3-за что? — пробормотал он запинаясь.

— За то, что ты хотел переметнуться на сторону Ляхистана, неверная собака!

— Я? Бог мне свидетель! И в мыслях не имел такого!

— Не ври, гяур! У меня достоверные сведения! К тому же мои лазутчики из Львова донесли, что полковника Яненченко, которого ты так неосмотрительно послал туда, коронный гетман Яблоновский приказал расстрелять за какое-то преступление. Вероятно, не поверил твоим лживым обещаниям. И правильно сделал.

Смертельный ужас обезобразил лицо Хмельницкого. Он позеленел. Серые, пепельные губы дрожали, как у сильно перепуганного ребёнка.

— Но в-все б-было н-не так! — взвизгнул он. — Яненченко сбежал от меня! Я сам застрелил бы его, как бешеную собаку!

— И потом, — не слушая гетмана, продолжал неумолимый Кара-Мустафа. — Ты, ничтожный, не оправдал надежд падишаха! Тебе вручили половину Украины, с тем чтобы ты собрал войско и завоевал другую половину, которой до сих пор владеет царь урусов. Но ты не только не сделал этого, не только не сумел собрать войска и перетянуть на свою сторону разбойников-запорожцев, но утратил и то, что доверил тебе падишах! От тебя, как от чумы, разбежались все твои подданные! Неужели ты думаешь, что блистательной Порте нужны такие правители в её владениях?

— Смилуйся, великий повелитель правоверных! — чуть слышно лепетал Юрась, и его плечи безвольно опускались все ниже и ниже. — Прости раба своего никчёмного, всемогущий повелитель!

— А ты и есть никчёмный... Не юродствуй! Не наделяй меня титулами падишаха! Не надейся льстивыми словами тешить мою гордыню и этим добиться себе прощения... Нет, прощения тебе не будет! — Кара-Мустафа хлопнул в ладоши, и тут же возле него появился капуджи-ага. — Немедленно взять этого человека, отвезти в Стамбул и бросить в Еди Куле! В одиночку!

— Великий визирь, постой! Дай мне сказать ещё... Я готов быть прахом у твоих ног, только не запирай меня в сырой и тёмный каземат! Я вдосталь намучился в Польше, в Мариенбургском замке... Вспомни, что я не только воин, но и улем, духовное лицо. Я был в Стамбуле архимандритом. Так отошли меня опять в православный монастырь — архимандритом, простым монахом, служкой... кем угодно... Только не в Еди Куле! Аллахом заклинаю тебя! Я верно служил тебе, был твоим соратником в Чигиринской войне, какие подарки посылал... и среди них — красавицу, какой и у самого султана, пожалуй, нет...

Последние слова будто ужалили Кара-Мустафу. Его глаза гневно вспыхнули.

— Ты ещё смеешь напоминать мне о подарках, подлец! Ты не достоин целовать следы моих ног за то добро, которым я оделял тебя и которого ты вовсе не заслуживал! Прочь с глаз моих! Стража, взять его!

Юрась не успел и глазом моргнуть, как его схватили и потащили со двора.

Арсен долго смотрел ему вслед, пытаясь найти в сердце хотя бы каплю жалости к поверженному врагу, но, кроме омерзения, не чувствовал ничего. Он был твёрдо уверен, что именно Юрась Хмельницкий — виновник не только его личного горя, но и горя всенародного, виновник гибели дела Богдана. Это на его чёрной совести десятки тысяч загубленных жизней, разрушение и запустение Правобережья, уничтожение семнадцати правобережных казацких полков. Нет, не должно быть сострадания к нему. По делам злодею и мука!

Из задумчивости Арсена вывел голос Кара-Мустафы:

— Так где же казна этого негодяя? Показывайте!

Сафар-бей и Арсен откинули полог крытого воза. Там стоял небольшой, окованный железными полосами дубовый сундук с ручками. Они поставили его на землю и вопросительно посмотрели на великого визиря. Что дальше?

— Несите за мной! — приказал Кара-Мустафа и направился ко дворцу.

Однако он повёл их не к главному входу, а к маленькой дверце, за которой был ход в подземелье. Евнух-казнадар отомкнул тяжёлый массивный замок, зажёл свечу и первым стал спускаться вниз.

Вскоре они оказались в совсем пустой небольшой комнате с низким сводчатым потолком. В противоположной стене виднелась ещё одна дверь с замком, но казнадар не торопился её открывать.

— Оставьте сундук здесь, — приказал Кара-Мустафа. — А сами ступайте на кухню — там вас покормят.

— Благодарствуем, эфенди. — Оба низко поклонились и вышли из подземелья.

Наконец-то они остались одни, облегчённо вздохнули и посмотрели друг другу в глаза.

— Ну как? — спросил Сафар-бей. — Кажется, начало у нас в Эйюбе прошло удачно.

— Да, не ожидал такого! Никак не думал, что сразу предстанем пред очи великого визиря и он возьмёт нас к себе на службу. Но менее всего я мог надеяться в первый же день увидеть Златку...

— Это она увидела нас и разбила окно, чтобы дать нам знать о себе, — сказал Сафар-бей.

— Бедная Златка! — вздохнул Арсен. — Как она измучилась, сколько горя перенесла... Ну, теперь ей недолго здесь томиться. Вырву из-за решётки — и домой!

— Какой ты быстрый все у тебя просто...

— Я уже осмотрелся немного... О том, чтобы напасть на дворец, перебив охрану, нечего и помышлять. Остаются две возможности...

— Какие?

— Или выломать решётку на окне, когда все уснут, или ждать какого-либо счастливого случая. Не могут же Златку держать все время под замком? Выпускают её, наверное, на прогулку? Тогда и выкрадем!

— Все это, Асен-ага, только предположения, — серьёзно сказал Сафар-бей. — Жизнь сама подскажет, как лучше поступить. Во всяком случае, торопиться не следует. Как у вас говорят, поспешишь — людей насмешишь!

— Я согласен с тобой, Сафар-бей, — глухо отозвался Арсен. — Только не уверен, выдержу ли я... Вот пойду и убью Кара-Мустафу!

— И погубишь нас всех — и Златку, и себя, и меня! — Строго глянул на друга Сафар-бей. — Даже думать об этом не смей!

— Если он сделает её своей наложницей, я убью его! — упрямо повторил Арсен. — А там — будь что будет!

— Ну и глупец! — вспыхнул Сафар-бей. — Я считал тебя умнее!

— Легко тебе говорить, Ненко. А мне... Каково мне!

— Не Ненко я, а Сафар-бей! Слышишь — Сафар-бей, шайтан тебя заberi! — прошипел чаушага. — И не забывай об этом!

— Прости... Сорвалось...

— Ладно, друг... И ещё тебе скажу: возьми себя в руки! Крепись! Мне тоже нелегко. Ведь Златка — сестра моя!

— Это совсем иное...

— Опять ты за своё... Раскис, как девица. А ведь у нас, кроме освобождения Златки, здесь ещё одно большое дело! И если нам удалось попасть сюда, в окружение великого визиря, то мы обязаны воспользоваться этим с наибольшей выгодой для тех, кто ждёт наши сообщения, — для моего отца, для твоих друзей...

Арсен сжал кулаки. Он уже мысленно ругал себя за минутную слабость, а вслух произнёс:

— Ты, конечно, прав, Сафар-бей. Если Кара-Мустафа не прихлопнет нас, чтобы избавиться от нежелательных свидетелей его лиходейства, мы освободим Златку. Понятно, с Кара-Мустафой нужно быть настороже, это не Гамид, не Чернобай и даже не Юрко Хмельницкий... Такого врага у меня ещё не было! Обхитрить, обвести вокруг пальца самого великого визиря и, если удастся, свалить его — это, скажу я тебе, дело серьёзное!

— Да, не лёгкое, — отозвался Сафар-бей. — Если в Немирове мы с тобой попали в осиное гнездо, то здесь ворвались прямо в логово льва! Но у нас все же есть некоторое преимущество...

— Какое?

— В этом логове мы появились под видом друзей. И до тех пор, пока нас не раскроют, можем надеяться на успех!

Арсен с Сафар-беем подошли к кухне, приземистой кирпичной постройке. Оттуда, навстречу им, вывалилась гурьба разомлевших от горячей пищи янычар.

7

Златка сидела на тахте и с каменным лицом смотрела, как Джалиль и Фатима суетятся вокруг неё, перевязывая раны на руке, а сердце её бушевало от радости.

«Конечно, Арсен и Ненко прибыли сюда не случайно, а узнав, что я здесь... Значит, Арсен не забыл обо мне! Нашёл свою Златку! Сколько же препятствий и опасностей им пришлось одолеть, чтобы добраться до Стамбула, а затем попасть в усадьбу самого Кара-Мустафы! Как вовремя я сообразила, что нужно немедленно дать о себе знать, иначе они, может статься, не

сумели бы найти меня в моей роскошной тюрьме во дворце великого визиря. Только увидела их в окно — стукнула рукой по стеклу и закричала... И хорошо, что не окликнула никого по имени, а то навлекла бы подозрения Кара-Мустафы и его охраны. Лишь прижалась лицом к решётке... И Арсен увидел! И Ненко тоже. С каким удивлением и испугом смотрел на меня Кара-Мустафа. Надеюсь, что он ничего не понял. А как Джалиль и Фатима перепугались. Они считают себя виновниками случившегося. Брызнувшая из моей руки кровь совсем доконала их. Теперь они трепещут в предчувствии наказания за то, что недосмотрели за мной... Ну что ж, я успокою их: съем все, принесённое ими. Пусть убираются отсюда... Чтобы не заметили в моих глазах радость, которую я не в силах больше таить...»

Фатима, закончив перевязывать Златке руку, затянула узел и печально покачала головой:

— Глупенькая! Зачем ты это сделала? И себе причинила боль, и нам теперь достанется...

— Ничего, Фатима, — сказала Златка. — Мне уже не больно. И я, кажется, захотела есть...

У старой служанки и у евнуха расцвели лица. Они ждали, что капризная красавица будет кричать на них, как делала это уже не раз, топтать ногами, выталкивать из комнаты... А тут вдруг такое... Если аллах не помутит разум этой девицы, то она, чего доброго, и заступится за них перед великим визирем...

Фатима, подавая еду, совсем уж было собралась намекнуть ей об этом, но Златка приказала:

— А теперь — уходите! Я хочу остаться одна... Поем и лягу отдыхать... И чтоб не тревожили меня!

Джалиль и Фатима торопливо вышли из комнаты.

Златка подождала, пока их шаги затихнут вдаль, а потом упала на тахту, и из глаз её полились слезы радости. «Арсен мой, любимый! Ты опять близко от меня! Как я счастлива! Теперь мне не так страшно, я буду спокойна, зная, что ты не разлюбил меня, милый мой!»

Она долго лежала неподвижно, мечтая о той счастливой минуте, когда судьба снова соединит её с Арсеном. Забыла о еде на серебряном блюде, о боли в руке, о ненавистном великом визире — обо всем на свете! Перед мысленным взором стоял Арсен — возмужавший, дочерна загорелый, такой дорогой и желанный.

Незаметно для себя Златка уснула.

Проснулась она от неприятного ощущения, что кто-то смотрит на неё. Тревожно забилося сердце — и она поднялась.

Посреди комнаты стоял Кара-Мустафа. Руки скрещены на груди. Чёрная борода длинной ровной лопатой покоится поверх рук, ярко выделяясь на фоне белых одежд. Горящие глаза, кажется, так и пронизывают насквозь.

Златке стало не по себе. Она молча поклонилась.

— Что случилось, пташка? — спросил Кара-Мустафа. — Почему ты бросилась в окно? Тебя напугал кто-нибудь?

— Нет, меня никто не напугал, эфенди, — вновь поклонилась Златка. — Просто я не хотела есть... Как видишь, я до сих пор не притронулась к пище.

Кара-Мустафа скользнул взглядом по нетронутым блюдам.

— Но все же нужно есть, голубка. Мне не нравятся сухощавые, костлявые женщины... Или, может, готовят невкусно?

— Нет, готовят вкусно, эфенди, и Фатима с Джалилем упрашивают, но... — Златка умолкла и печально посмотрела на великого визиря.

— Что — «но»? Говори, не бойся! — Кара-Мустафа подошёл и взял девушку за руку. — Я исполню твоё пожелание!

Златка хотела высвободить руку, но сумела сдержаться, подумав: а почему бы не воспользоваться любезностью Кара-Мустафы? И вслух произнесла:

— Разве захочешь есть, когда сидишь в четырех стенах, как в тюрьме? Совсем заскучала здесь, за решёткой...

Кара-Мустафа пристально посмотрел на девушку. Взгляд его потеплел.

— Я скажу Джалилю и Фатиме, чтобы они водили тебя на прогулку в сад, на море...

— Благодарю, эфенди, — искренне обрадовалась Златка: теперь появилась возможность во время прогулки встретить Арсена или Ненко и передать им весточку о себе.

Но вдруг, словно прочитав мысли девушки, Кара-Мустафа испугал её неожиданным вопросом:

— Скажи, голубушка, тебе знакомы те два чорбаджии, которые шли со мной?

Златка почувствовала, как под ногами качнулся пол. Неужели великий визирь догадался, что она разбила окно неспроста?

— Нет, я их не знаю, — ответила она как можно спокойнее, хотя голос предательски дрогнул. — Откуда я могу знать чорбаджиев, которые сопровождают тебя, эфенди?

— Дело в том, что это не простые чорбаджии... Они долгое время служили в Немирове у гетмана Юрия Ихмельниски. Вот там ты и могла их встретить.

— Может, и видела, но не помню, — более уверенно отвечала Златка, поняв, что Кара-Мустафа ничего подозрительного в поведении Арсена и Ненко не заметил, а только хочет найти объяснение её странной выходке. — У гетмана служило много янычарских чорбаджиев и татарских мурз... Я хорошо запомнила лишь того, кто выкрал меня и отвёз паше Галилю, но он не турок, а урус.

Кара-Мустафа как будто остался удовлетворён ответом Златки — он умолк на некоторое время, продолжая внимательно смотреть на девушку, любуясь её красотой, а потом слегка пожал ей руку и попытался привлечь к себе в объятия.

Златка осторожно высвободилась и отошла к окну. Кара-Мустафа тронулся было за ней, но передумал и остановился.

— Ты дикарка... Маленькая дикая зверушка! Но, видимо, за это я и полюбил тебя... Придёт время — и ты станешь моей! Да поможет мне в этом аллах!

Златка съёжилась от этих слов, как от удара бичом, и опустила голову. Но в сердце все равно

продолжала звучать радость. «Нет, не твоей, визирь! Только Арсена или ничьей!»

8

Вечером того же дня Кара-Мустафа опять направился к башне, но на этот раз, миновав потайную дверь, по винтовой лестнице поднялся наверх. Без стука вошёл в просторную круглую комнату с узкими окнами-бойницами, выходившими на все четыре стороны света. По всей комнате были расставлены необычные для дворца вещи — небольшая жаровня, глиняные тигли, стеклянные колбы с трубками, старинные книги, карты земли и большого круга небесной сферы со знаками зодиака и небесных светил, банки и горшочки с камнями, порошками и жидкостями...

Здесь жил ломбардец Пьетро, лекарь и астролог, бывший раб-гребец на галере, которого Кара-Мустафа выкупил для себя за большие деньги.

Пьетро лежал на диване и, поставив у изголовья свечу, читал книгу. Увидев в дверях высокого гостя, мгновенно вскочил и замер в низком поклоне.

Это был крепкий, средних лет человек с большой лысеющей головой и густыми чёрными бровями. Под пёстрым шёлковым халатом заметно выделялся кругленький живот.

— Гороскоп составил? — вместо приветствия спросил Кара-Мустафа, садясь на твёрдый деревянный стульчик, собственноручно изготовленный ломбардцем.

— Составил, высокочтимый эфенди, — подобострастно улыбнулся астролог. — Много ночей не покидал крышу — наблюдал за звёздами и созвездиями, обозначающими твою, о благословенный, судьбу...

Кара-Мустафа невольно взглянул на крутые ступени, прямо из комнаты ведущие на чердак, а затем и на крышу и ясно представил, как Пьетро, сидя на скамеечке, направляет в небо большую зрительную трубу, специально купленную для него в Италии.

— Ну и что? Покажи!

Пьетро быстро открыл дверцы громоздкого шкафа и осторожно достал свиток серой бумаги. Развернул его на столе, поближе к свету.

— Вот, пожалуйста!

Кара-Мустафа с опаской посмотрел на непонятные для него значки, рисунки и спросил:

— Так что предрекают звезды?

— Они благосклонны к тебе, эфенди, — кратко ответил астролог, но при этом нахмурил лоб.

Это не ускользнуло от внимания великого визиря. Он встревоженно переспросил:

— Что же сказали тебе звезды? Говори все — мне нужно знать правду! Слышишь? Я стою перед выбором — начинать или не начинать дело, от которого будет зависеть не только моя судьба, но также будущее империи и всего исламского мира! Понимаешь?

— Да, эфенди. Понимаю... Потому и отнёсся к составлению этого гороскопа с надлежащим тщанием. Ничем не занимался — только им. И рад сказать, что звезды вещают успех всем твоим, о благословенный, военным начинаниям. Бог войны Марс постоянно сопутствует тебе,

своему любимцу, эфенди...

— Так, так... А дальше?

— Путь твой проходит под знаком Марса... Много крови прольётся, много будет пожаров на земле и несчастий... Настанет великий мор: голод и разруха обрушатся на людей!

— А я? Что сказали звезды обо мне?

— Марс не отступает от моего повелителя, охраняя его и ведя через все жизненные невзгоды... Разве вот... — Пьетро замолчал.

Кара-Мустафа напряжённо слушал, отмечая мысленно, что устами этого ломбардца говорит сам аллах. Ведь ему ничего не известно о предстоящей войне, задуманной высочайшими сановниками Порты, а говорит он так, будто многое знает. Безусловно, все это подсказали ему звезды... Но Пьетро чего-то недоговаривает. Что именно?

— А дальше, дальше? — нетерпеливо потребовал Кара-Мустафа. — Почему ты сказал «разве вот»? Что кроется за твоими словами?

Пьетро опустил глаза.

— Эфенди, кроме бога войны Марса, на небе есть ещё и богиня Венера... Знаешь, мой повелитель...

— Знаю... Ну и что?

— Сейчас она неблагоприятна к эфенди...

— Враждебна?

— Не то, чтобы враждебна, — нет... Именно неблагоприятна. Что-то тревожит меня расположение этой звезды в сонме других светил. А что — не могу понять. Особенно смущает меня начало гороскопа. Венера словно предостерегает о каком-то несчастье, которое может постичь тебя, повелитель...

— А потом?

— А потом фортуна поворачивается к тебе, благословенный, лицом, и Венера, и Марс сулят только успех и счастье...

Кара-Мустафа вытер ладонью пот со лба. И при этом подумал: «Фу-у-у! Этот глупый Пьетро, сам того не желая, нагнал на меня страху! Но зря. Все просто и ясно. Речь идёт о девушке-пленнице Златке... Сейчас она для меня далёкая и чужая. Кроме того, ею заинтересовался султан, и это обстоятельство грозит мне большими неприятностями. А со временем — через полгода или год, — когда судьба вознесёт меня на высшую ступень власти, Златка станет моей... Вот почему Венера поначалу отворачивается от меня, а потом вдруг проявляет благосклонность. Все ясно... Что же касается главного — войны, то здесь двух мнений быть не должно: только большая победоносная война поможет мне осуществить задуманное. Война — это мой путь!»

Он долго сидел молча, размышляя, и совсем не обращал внимания на астролога, который замер перед ним. Затем великий визирь порывисто поднялся.

— Благодарю, Пьетро. Ты постарался, я тобой доволен. Теперь с лёгким сердцем начну дело, завещанное мне самим аллахом!

Он бросил на стол туго набитый кошелек и вышел.

Пьетро проводил его растерянным взглядом, а когда закрылась дверь, схватил кошелек и высыпал его содержимое на стол. Там было чистое золото. Этого Пьетро никак не ожидал. Целое богатство! Никогда раньше великий визирь не был таким щедрым! С чего бы это?..

В СТРАНУ ЗОЛОТОГО ЯБЛОКА

1

Прошла зима. С наступлением тепла Стамбул ожил, зашумел, засуетился. Во все концы помчались чауши с приказом пашам и наместникам немедля собирать войско, идти к Едирне, то есть к Адрианополю, откуда открывалась прямая дорога на запад, в страну Золотого Яблока.

А летом зашевелилась вся империя.

Двор великого визиря в Эйюбе походил на громадный муравейник. Сюда непрерывно прибывали гонцы, приезжали визири, паша. Уже все знали, что султан станет во главе войска и сам поведёт его на неверных. Но подготовкой к войне руководил Кара-Мустафа.

Ворота Айвасары-капу, расположенные в городской стене на берегу Золотого Рога, не закрывались ни днём, ни ночью. От них начинался путь из Стамбула в Эйюб, загородную резиденцию великого визиря. Пожалуй, в то время, осенью 1682 года, никакая другая дорога в Османской империи не была так забита военными людьми и высшими сановниками, как эта.

Сафар-бей с Асен-агой — Арсеном не имели ни минуты, чтобы встретиться и поговорить. Сафар-бей Кара-Мустафа быстро отметил как способного, опытного чорбаджия и назначил своим секретарём, наделив его званием чауш-паша. Теперь Сафар-бей стал доверенным лицом великого визиря и от восхода солнца дотемна выполнял всяческие его поручения.

Арсен был рядовым чаушем, но ему тоже хватало хлопот. Неудержимый поток событий закружил его в своём вихре... Он очень обрадовался, когда однажды ночью его разбудил Сафар-бей.

— Асен-ага, вставай! Выходи во двор к колодцу. Я подожду тебя там. Надо поговорить...

Ночь была тёмная. С севера дул холодный порывистый ветер, изредка срывались крупные капли дождя, и тогда Арсен втягивал голову в плечи. Осторожно ступая, пристально всматривался в темноту.

Сафар-бей уже был на месте.

— Что случилось? — спросил Арсен. — Что-нибудь новое о Златке?

— Нет, все мои старания проникнуть к ней закончились неудачей, — тихо ответил Сафар-бей. — Похоже, мы не скоро увидим её...

— Почему?

— Завтра мы оставляем Эйюб...

Арсен схватил Сафар-бея за руку. Понял, что речь идёт о войне.

— Рассказывай!

— Сегодня я присутствовал при разговоре Кара-Мустафы с визирями и пашами... Зять султана, паша будский Ибрагим, в чьём подчинении пашалыки в Сербии и Восточной Венгрии, сообщил, что австрийский эрцгерцог Леопольд непрерывно шлёт гонцов в Польшу к Яну Собескому, пытаясь заручиться поддержкой поляков. Но польские магнаты разделились на две партии — французскую и австрийскую. Последняя горой стоит за то, чтобы выступить на стороне Австрии в войне против Турции. Австрийскую партию поддерживает папа римский... А французская, во главе с королевой Марией-Казимирой, дочерью французского маркиза, против союза с Австрией. Говорят, в сейме споры доходят порою до рукопашных стычек и кровопролития.

— Это, конечно, на руку туркам, черт их заberi! — выругался Арсен. — Пока магнаты в Варшаве будут таскать друг друга за чубы, Кара-Мустафа разгромит Австрию.

— Именно на это и рассчитывает великий визирь. И ещё — на поддержку графа Имре Текели, который возглавил венгров в их борьбе за освобождение Венгрии от австрийского владычества. Если Текели пойдёт на союз с турками, он, безусловно, сделает большую ошибку, бросив свою страну из одного рабства в другое, более страшное! Кара-Мустафа сразу же воспользуется поддержкой угорцев — нападёт на Австрию до того, как она найдёт себе союзников. Он так и сказал: «Мы разобьём их поодиночке: сначала Австрию, потом — Ляхистан, и тогда пол-Европы окажется в моих объятиях!»

Сафар-бей почувствовал, как пальцы Арсена впились в его предплечье.

— Ненко, мы обязаны что-то делать! — горячо зашептал казак. — Если турки разгромят Австрию и Польшу, они повернут на север, нападут на Киев... Нужно скорее сообщить в Москву, гетману в Батурин, а также королю польскому в Варшаву.

— Кто же это сделает?

Арсен помедлил с ответом.

— Придётся ехать мне... Больше некому.

— А Златка?

Казак тяжело вздохнул.

— Эх, удалось бы вырвать её из рук визиря! С какой радостью я умчался бы с ней на Украину!..

— Так, может, попросить воеводу Младена послать своих гонцов? — спросил после долгой паузы Сафар-бей.

— Нет! — решительно возразил Арсен. — Слишком важная эта вестъ, нельзя перепоручать её другому.

— Как же быть?

Арсен задумался. «Действительно — как поступить? Оставить Златку здесь, когда после долгих поисков появилась наконец надежда её освободить?! Но сколько ещё дней, недель, месяцев

придётся ждать удобного случая для этого? И что произойдёт за это время? Не опустятся ли сабли османов на Австрию и Польшу, а затем на Киев и Москву прежде, чем он сможет оповестить о страшной опасности? Нет, Арсен, найди силы перебороть себя, пожертвовать самым дорогим ради отчизны!»

Сафар-бей тоже молчал, чувствуя, какая буря бушует в душе друга.

Наконец Арсен нарушил молчание:

— Поеду я! Так нужно, Ненко. А потом возвращусь... Если сумеешь один вызволить Златку, отправь её к отцу на Стару Планину... А если нет — ждите меня! Вернусь — освобожу или погибну!

Сафар-бей пожал Арсену руку.

— Ну, в дорогу! Да поможет тебе аллах!

— Так сразу?

— Завтра может быть поздно... Поедешь чаушем к молдавскому властителю. Бумаги я тебе приготовлю. Деньги — тоже. Правда, того, что дают чаушам, едва ли хватит на твой путь. Но я добавлю...

— Где ты их достанешь?

Сафар-бей похлопал Арсена по плечу, тихонько засмеялся.

— А добавлю я тебе от щедрот вельмож и пашей, приходящих к визирю. Желая задобрить меня, редко кто не приносит бакшиш. Не возмёмшь — вызовешь подозрение. Так уж тут заведено. Вот и приходится пользоваться своей «прибыльной должностью».

2

Под звуки тулумбасов и флейт, под торжественную пальбу из пушек султан Магомет выступил из Стамбула в поход на неверных. Путь его пролегал в страну Золотого Яблока.

Роскошная карета султана, окружённая охраной, ехала во главе огромного войска. Впереди неё мчались на быстрых конях блестящие айабаши, криками «Гальвет вар! Гальвет вар!» [31] разгоняя зевак, толпившихся на дороге и глазевших на падишаха всего мира. За нею двигались кареты с одалисками султана, отобранными самой валиде-султан [32] и казнадар-устой [33] из числа красавиц гарема.

Возлюбленные султана и их рабыни с любопытством поглядывали из окошек на живописные пейзажи, но больше — на разодетых молодых чорбаджиев, гарцевавших на резвых конях.

За гаремом тянулись вереницей возы со всяческим добром для султанского двора — одеждой, посудой, кухнями, едой.

Потом шли войска. Пешие янычары, конные отряды спахиев.

Позади сдерживали горячих коней акынджи [34], которые в походах всегда мчались впереди войска, беспощадно грабя, сжигая и уничтожая все на своём пути. А сейчас, пака шли по турецкой земле, Кара-Мустафа специально оставил акынджи в арьергарде, чтобы охладить их разбойничье рвение.

Сам великий визирь тоже взял с собой в поход немало шатров, одежды, дорогого оружия, денег, золотой и серебряной посуды, а также людей — одалисок, евнухов, чаушей, капуджи, астролога и лекаря Пьетро. В отдельной карете, под присмотром Фатимы и в сопровождении Джалиля, сидевшего рядом с кучером, ехала Златка.

От Стамбула до Адрианополя шесть дней пути. И все эти дни Златка провела у окошка, надеясь увидеть Арсена или Ненко. Но ни того, ни другого так и не было.

В Адрианополе, большом красивом городе, расположенном при слиянии рек Туджи и Арды с Марицей, султан приказал остановиться: последние два дня лил холодный осенний дождь, и дороги совсем раскисли.

Весь султанский двор разместился в просторном чудесном дворце, окружённом великолепными садами. Не менее пышный и просторный дворец достался великому визирю и членам дивана, которые устроились с большим комфортом.

И не зря. В Адрианополе и его окрестностях войскам пришлось провести всю зиму. Это была не трудная, но однообразная жизнь. Дожди шли каждый день. Султан злился, из-за непогоды ему ни разу не удалось выбраться на охоту, а для него неделя без охоты казалась хуже каторги.

Однако такое вынужденное стояние на месте позволило дожидаться многих новых отрядов со всех сторон неоглядной империи.

Как доносили гонцы, из далёкого Крыма шла татарская орда во главе с ханом Мюрад-Гиреем. К ней присоединились ногайцы. Они двигались на Белград. Туда же должны были прибыть и другие тысячи и тысячи воинов. Таким образом, собиралось громадное войско, какого ещё ни разу не было под рукой султана Магомета.

3

Мунеджим-паша, личный астролог султана, откинул тёплое одеяло, вскочил с кровати и, всунув ноги в отороченные мехом суконовые туфли, засеменил к двери. Кто-то настойчиво стучал.

Астролог держал перед собой свечку. Его карие глаза испуганно смотрели на дверь, за которой ждала неизвестность, и на высоком лбу собрались морщины.

Кто бы это мог быть? Он никого не ждал.

— Кто?

— Мунеджим-паша, открой! — послышался снаружи знакомый голос.

Звякнул засов. В дверях стоял великий визирь Кара-Мустафа.

Это не удивило астролога. Такое бывало и раньше. Кто же не хочет узнать будущее? А всем известно, что никто не предвещал будущего так точно, как Мунеджим-паша. Поэтому он и носит звание паши и личного астролога падишаха!

Удивительным было другое: Кара-Мустафа выбрал для посещения ночную пору и явился не в своём ярком наряде визиря, а в одежде простого янычара. К чему такой маскарад?

Но Мунеджим-паша был искусённый царедворец и быстро овладел собой.

— О! — воскликнул он. — Как я рад видеть у себя славного защитника трона падишаха!

— Тс-с-с! Не кричи, паша! — зашипел на него Кара-Мустафа, торопливо закрывая дверь. — А то своим голосом разбудишь весь город!

У астролога действительно был громopodobный голос с трагически-зловещими нотками, которым он успешно пользовался во время пророчеств.

— Молчу, молчу... Прошу сюда, мой повелитель! — И астролог распахнул дверь в соседнюю комнату.

Это была обычная для того времени рабочая комната астролога и алхимика. Все здесь было знакомо Кара-Мустафе. На длинных столах стояли стеклянные банки, наполненные порошками, кусками разноцветных минералов, жидкостями. У окна в тигле малиновым цветом светилось что-то расплавленное. Пахло гарью и ещё чем-то неведомым и не совсем приятным для визиря, привыкшего к тонким изысканным ароматам. Посредине, на деревянной подставке, висела карта звёздного неба с искусными рисунками знаков зодиака, испещрённая изломанными линиями. Крутая лестница вела на чердак, откуда, как знал Кара-Мустафа, Мунеджим-паша наблюдал расположение и ход светил. Повсюду в беспорядке лежали и стояли какие-то приспособления и инструменты, вызывавшие в душе великого визиря уважение к их владельцу и даже суеверный страх.

Астролог пододвинул Кара-Мустафе кресло. Спросил:

— Что заставило великого визиря осчастливить меня своим посещением?

Кара-Мустафа решительно отстранил от себя кресло и долго всматривался в оливковое непроницаемое лицо придворного астролога, словно колебался — говорить или нет? Потом взял его за руку выше локтя и произнёс тихо, но жёстко:

— Мунеджим-паша, ты должен оказать мне и всей нашей империи большую услугу...

— Я слушаю, эфенди, — кротко ответил астролог, склоняя в поклоне голову.

— Однако то, что ты услышишь, могут знать лишь аллах и мы двое! — Кара-Мустафа поднял указательный палец. — Ты понял?

— Понял.

— Даже сам падишах не должен знать! И прежде всего — он! Ибо делается все это в его интересах...

вернуться

31

Гальвет вар! (тур.) — Прочь с дороги!

вернуться

32

Валиде-султан (тур.) — мать султана.

вернуться

33

Казнадар-уста (тур.) — старшая хранительница.

вернуться

34

Акынджи (тур.) — нападающий, от «акын» — нападение.

— Да, мой повелитель, — ещё ниже опустил голову Мунеджим-паша, холодея от мысли, что сейчас узнает о тайне, за которую может поплатиться жизнью.

Кара-Мустафа наклонился чуть ли не к самому его уху и едва слышно прошептал:

— Слушай внимательно! Высшие интересы державы османов, величие и слава падишаха требуют полной победы в этой войне, которую мы начинаем на берегах Дуная...

— Я это знаю, — тоже шёпотом ответил паша.

— Во главе нашего войска стал сам падишах... Его верные подданные встревожены тем, что ему будет угрожать опасность, ибо, как известно, на войне гибнут не только рядовые воины, но и полководцы... Мы все живём милостями падишаха, его светлым умом и его славой, а потому глубоко заинтересованы, чтобы он не подвергал свою драгоценную жизнь смертельной опасности, которая может подстеречь его в походе...

— Да, я вполне согласен с этими мудрыми словами, эфенди. Что же делать?

— Для падишаха лучше и безопасней возвратиться в Стамбул, где он будет забавляться с прелестными одалисками, устраивать милые его сердцу охоты, веселиться в мобейне, глядя, как шуты танцуют джурджуну [35]... Все это, конечно, приятнее, чем держать ногу в стремени боевого коня!

— Безусловно, мой повелитель.

— Кроме того, зеленое знамя пророка — слишком большая тяжесть для наместника аллаха на земле. — Голос Кара-Мустафы оставался тихим, но суровым. — Зачем отягощать его земными заботами, когда есть миллионы верных подданных, которые с радостью возьмут эти тяготы на себя!

Проницательный Мунеджим-паша давно догадался, к чему клонит великий визирь. Конечно же, Кара-Мустафе хочется отправить султана в Стамбул, а самому — стать сердаром, заполучить лавры победителя. Однако хитрый царедворец ни словом не обмолвился о своей догадке. Он ждал не намёков, а прямого приказа.

— Да, мой повелитель.

— Значит, ты меня понял? — спросил Кара-Мустафа резко, потому что его начинало раздражать это льстивое, но уклончивое поддакивание.

Астролог поморщился.

— Не совсем, эфенди... Мне не ясно, что должен делать я.

— Ты должен уговорить падишаха вернуться в Стамбул!

— О! Но я всего лишь маленький человек, астролог!

— Не прибедняйся! От тебя многое зависит... Падишах сделает так, как укажут звезды!

— Звезды уже сказали, что падишах прославится на дорогах войны... Ещё в Стамбуле я составил его гороскоп.

— Ничего нет постоянного в этом мире.

— Так, мой повелитель! Разве что золото всегда остаётся золотом!..

Это был достаточно прозрачный намёк на согласие. И за него нужно было платить. Кара-Мустафа облегчённо вздохнул, поскольку он больше, чем Мунеджим-паша, рисковал своим положением, а то и головой. Он молча достал из кармана объёмистый, туго набитый кошелек и бросил на стол. Послышался глухой звон металла.

Мунеджим-паша цепким жадным взглядом впился в этот кошелек, в котором, он не сомневался, было чистое золото. У него вдруг пересохли губы, и он облизнул их. Это было настоящее богатство! Значит, Кара-Мустафа настолько заинтересован в том, чтобы спровадить падишаха в Стамбул, что не пожалел целого состояния!

— Звезды тоже меняют своё расположение на небе, — многозначительно произнёс Кара-Мустафа. — Вчера они говорили одно, сегодня — другое, а завтра предскажут что-либо иное... Не так ли, паша?

— Безусловно, мой щедрый повелитель, — низко поклонился астролог, — падишах приказал наблюдать за звёздами и составить ещё один гороскоп, и я не уверен, что на этот раз звезды предскажут победу османскому войску, если во главе останется сам повелитель правоверных.

Кара-Мустафа улыбнулся одними глазами.

— Ты все правильно понял, паша... Желаю тебе счастливой звезды, которая продлила бы твои годы!

В последних словах заключалась скрытая угроза, и астролог, чтобы засвидетельствовать свою преданность, кинулся великому визирю в ноги и поцеловал его простой запылённый сапог янычара.

ВАРШАВА

1

Был серый холодный день. Ранние морозы заковали реки и озера в ледяные панцири — переезжай, где хочешь! Дороги бугрились замёрзшими кочками — по ним не разгонишься. Поэтому Арсен ехал не всегда так быстро, как хотелось. Где по дороге, а где — напрямик.

Деньги Сафар-бея оченьгодились. Через Болгарию и Валахию промчался за двенадцать дней. Лошадей не жалел: на базарах покупал свежих, выносливых и скакал дальше. А на разорённом Правобережье базары не собирались, потому и пришлось ехать помедленней, сохраняя силы вороного, купленного ещё в Бендерах.

В Немирове произошла встреча, едва не стоившая ему жизни. Арсен словно чувствовал, что в город этот, с которым связано так много горького, заезжать не стоит. Но будто бес нашёптывал на ухо: «Заезжай! Заезжай! Может, встретишь кого-нибудь из знакомых и узнаешь, что изменилось здесь после падения Юрася Хмельницкого».

И действительно — встретил! Лукавый одержал верх в его душе. Вместо того чтобы направить вороного в объезд, на белоцерковский шлях, Арсен потянул повод влево и поскакал прямо к Шполовцам.

Проезжая мимо двора бабушки Секлеты, остановился. Жива ли она? Посмотрел на заросший лебедью огород, на разбитое маленькое оконце, на распахнутые настежь двери, жалобно поскрипывающие от порывов ветра... Печально покачал головой: нет бабуси Секлеты. Пережила мужа, пережила сынов и дочек, внуков и правнуков, а затем угасла сама, как одинокая искра на пепелище. Развеялся по белу свету, вымер некогда многочисленный её род, и кто знает, нашлась ли добрая душа проводить старушку в последний путь?..

Арсен глубоко вздохнул. Будет ли конец несчастьям, со всех сторон терзавшим эту землю? Настанет ли долгожданный день, когда на подворьях защечечут весёлые детские голоса, из труб на крышах заструятся в небо седые дымки, а в хатах вкусно запахнет свежеспечённым хлебом?

Он плотно сжал обветренные губы, почувствовав, как на глаза набежал туман.

«Что это ты, Арсен? Разрюмился, как старый Метелица! Ведь тебе до старости — ого-го! Или, может, обмякла душа от бесчисленных злоключений и забот?»

Он вытер кулаком непрошеную влагу. Тронул ногами коня. И тут заметил, что по улице к нему приближается отряд всадников.

Скакать в поле — неразумно. Не скроешься. Да, собственно, чего бежать, если он — чауш самого великого визиря?

— Эй, хлопец, кто ты такой? — крикнул издали передний человек в кожухе и надвинутой на глаза шапке-бирке. — Откуда и куда направляешься?

— Пусть тебя это не волнует, уважаемый... Где был, там уже нет. Куда еду, там не ждут! — ответил Арсен.

— О-о-о, какой ты, вижу, мудрый, парень! И ты смеешь так отвечать сотнику правителя? Храбрец, оказывается! Потому и хочется мне поближе познакомиться с тобой! — с издёвкой сказал тот же всадник, приближаясь, и вдруг воскликнул: — Ба-ба-ба! Кого я вижу! Никак сам Арсен Звенигора пожаловал, лопни мои глаза, если ошибаюсь! Вот так встреча! Не ожидал!

Арсен узнал Свирида Многогрешного и невольно вздрогнул: эта встреча не сулила ему ничего хорошего.

Тем временем остальные — судя по одежде, валахи [36] — окружили Арсена, и он оказался лицом к лицу со своим давним врагом.

Многогрешный сбил шапку на затылок, открыл морщинистый лоб, к которому прилипли редкие пряди седеющих волос. На лице его расплылась злорадная улыбка.

— Вот когда пташка поймалась! — воскликнул он, потирая руки. — Долгонько ты, голубчик, не показывался здесь! Заждался я тебя! Но теперь потешусь, запорожская сволочь! Теперь ты у меня и заплащешь, и запоёшь, и заплачешь, как обую тебя в красные сапожки! Ха-ха-ха!..

Смех Многогрешного был скрипучим, зловещим. Арсен не ответил.

— Чего молчишь? Онемел от страха?

— А я тебя вовсе не боюсь, дядька Свирид...

— Как это ты меня не боишься? Кажись, друзьями с тобой мы никогда не были...

вернуться

35

Джурджуна (тур.) — танец, шутов.

вернуться

36

Валахи — жители Валахии (Афлака), феодального княжества, расположенного между Карпатами и Дунаем.

— Но и врагами тоже, — слукавил Арсен, не желая углублять спор, грозивший опасными последствиями.

— Не были, говоришь? — Многогрешный от удивления даже глаза вытаращил. — Должно, от страха ты памяти лишился! Ну что ж, я напомним... Хлопцы, — обратился он к своим спутникам, — стащите-ка с него сапоги да угостите палками по пяткам! Пусть потанцует босиком.

Валахи быстро соскочили с коней и кинулись к Арсену. Ещё мгновение — и он будет лежать на земле, а эти сорвиголовы отдубасят его по голым ногам.

— Стойте! — закричал Арсен, выхватывая из-за пазухи бумагу, предусмотрительно заготовленную для него Сафар-беем. — Именем великого визиря приказываю вам — стойте!

Слова о великом визире подействовали магически. Валахи мгновенно остановились, растерянно переглянулись.

Многогрешный неистово заверещал:

— Что же вы!.. Хватайте его!.. — И начал вытягивать из ножен саблю.

Арсен протянул бумагу.

— Кто из вас понимает по-турецки?

— Я! — шагнул вперёд чернявый парень.

— На, читай!

Валах бросил быстрый взгляд на короткую надпись, на печать — и побледнел.

— Братцы, — прошептал он помертвевшими губами, — это чауш великого визиря... Чуть было сами не попали в беду.

— Не может быть! — продолжал бесноваться Многогрешный. — Дай сюда!..

Он выхватил бумагу, повертел перед глазами. Написанного не понял, но печать узнал сразу — и тоже побледнел.

— Проклятье! — процедил сквозь зубы. — Выкрутился, сукин сын! Ну, твоё счастье...

Многогрешный сунул Арсену в руки жёсткий жёлтоватый свиток и поскакал прочь. Валахи помчались за ним.

Арсен вытер пот с лица, постоял с минуту в раздумье, а потом решительно повернул коня на белоцерковский шлях.

2

До Новосёлок Арсен Звенигора не доехал: совсем неожиданно встретил всех своих в Фастове. Ещё издали увидел над городом сизые дымки, вьющиеся из труб. При въезде дорогу ему преградил часовой с мушкетом. Он выскочил из какой-то ямы, где прятался от пронизывающего ветра, закричал тонким голосом:

— Стой! А не то как стрельну, знаешь-понимаешь, тут тебе и каюк будет!

Арсен захохотал. Так это же Иваник! И откуда он здесь взялся?

Но смех Арсена разозлил часового не на шутку. Он подскочил, как петух, и ткнул дулом мушкета всадника в бок.

— Чего заливаешься, знаешь-понимаешь? Иль пьян, иль соседям разум раздал? Слезь с коня, разбойник!

— Иваник, неужели не узнал? Арсен я! Звенигора...

Иваник ошарашенно захлопал глазами, все ещё не узнавая в этом худом загорелом бородаче красавца Арсена.

— Не может того быть...

Арсен соскочил с коня, снял шапку. И тогда лицо Иваника прояснилось. Мушкет выскользнул из рук и покатился по мёрзлой земле.

— Арсен! Голубчик! Откуда ты?

Они крепко обнялись. На глазах Иваника заблестели слезы.

— От самого султана, Иваник! Из Стамбула! А ты как здесь очутился?

Иваник поднял мушкет, поправил на узких плечах свитку.

— Разве не знаешь?.. Семён Палий привёл нас всех в Фастов и сказал: тут нам жить! Земли занимайте, сколько сможете обработать, хаты выбирайте, какие поцелее... Крепость гуртом строим, знаешь-понимаешь, чтоб защита была надёжной. Вот мы и поселились здесь.

— А мои, мои-то где?

— Твои тоже... Внизу, над Унавой живут. Там хорошо — речка, луг, за речкой — лес. Правда, хатка маленькая, но не хуже, чем в Дубовой Балке. И что лучше всего — по соседству со мной... Неспроста говорится: выбирай не место, а хорошего соседа.

— Палия где можно увидеть? Случаем, не на Сечи он?

— Увидишь. В крепости он, поселился рядом с вдовой Семашко...

— О пане Мартыне ничего не слышать?

— Про Сыхальского? Говорил Роман, что передавал пан весточку из Львова. Всех приветствует... Не забыл и про меня, и про Зинку. — Иваник подмигнул. — Тоже привет передал, знаешь-понимаешь...

Арсен улыбнулся в густую бороду, которую отпустил, пока ехал из Стамбула. Уж кого-кого, а Зинку не мог пан Мартын забыть: очень полюбилась ему молодлица!

— Ну, веди, Иваник! — Арсен положил руку на хилое плечо соседа. — Сперва к Палию, а потом уже — домой... Прямо горю от нетерпения!

Они пошли по широкой улице. Около одного из уцелевших домов Иваник остановился.

— Скажу Остапу, чтоб подежурил вместо меня. А то у нас, знаешь-понимаешь, строго... Можно и батогов заработать от полковника, если плохо несёшь караульную службу!

Он шмыгнул в хату и через несколько минут вышел в сопровождении высоченного хмурого казака, вооружённого только саблей.

— Бери мой мушкет, — заторопился Иваник. — В случае опасности — пали, пане-брате, чтоб аж в крепости было слышно! А я мигом вернусь...

— Ладно, — буркнул мрачный великан и зашагал к окраине города.

Арсен внимательно осматривал все вокруг.

В городе немало руин и пожарищ. Но среди пепелищ стоят и уцелевшие от огня хаты: вьются дымки, во многих дворах хоть что-нибудь да обновлено — тут исправлены забор и ворота, там выбелены стены, а на некоторых хатах уже новые камышовые крыши.

Крепость встретила их гомоном, стуком дубовых трамбовочных баб, заступов и мотыг, цоканьем топоров. Здесь кипела работа. Одни забивали колья, другие делали земляную насыпь, а третьи из дубовых брёвен и брусьев мастерили ворота крепости.

Люди были так худы, измождены и ободраны, что Арсен ужаснулся. Откуда они? Будто одни нищие собрались сюда! Несмотря на холод, у многих, кроме латаной рубахи или выдавшего виды лейбика [37], не было ничего. Редко у кого на ногах сапоги, а у большинства — постолы

или лапти, из которых торчит какое-то тряпье. Лица обросшие, в глазах — голодный блеск.

Арсен хотел было спросить Иваника, что это за люди, но тут заметил знакомую статную фигуру. Палий!

— Батько Семён! — Казак бросился к нему и по-дружески сгрёб полковника в объятия. — Батько Семён! Как я рад снова видеть тебя!

— Арсен?! — Палий не верил своим глазам и удивленно рассматривал казака. — И вправду, Арсен, собственной «парсуной», как говаривали киевские бурсаки... Да какой обросший, как дед!

— Вы все здесь — не лучше, — повёл рукой Арсен, указывая на людей, работающих у стен. — Откуда они собрались?

Лицо Палия помрачнело, он с болью произнёс:

— Сейчас, пожалуй, половина Украины так живёт... В военном лихолетье люди потеряли все: родных, кров, одежду... Начинаем мы на голом месте. Надо же как-то спасти себя!

— Что начинаем? — не понял Арсен.

— Жить заново, — ответил Палий. — Долго мы думали на Запорожье — что делать? Правобережье опустошено, разорено, истоптано татарской конницей. По Бахчисарайскому договору — ничейная земля... Но она ведь наша! И пока мы на ней живём, никто не сможет назвать её своей — ни султан, ни хан, ни господарь Валахии, ни король польский... Вот и кинули мы клич: кому негде приклонить голову, идите на Фастовщину, Корсунщину, Богуславщину — поселяйтесь, обрабатывайте землю, но сабель из рук не выпускайте! И вот начало — отовсюду потянулись горемыки, обиженные судьбой. Не было у них ничего: ни денег, ни одежды, ни семян, ни хозяйственной утвари. Зато принесли в сердцах справедливую ненависть к врагам, которые пустили их по миру, и священную любовь к своей земле. Бедные мы сейчас. Ой какие бедные! Зима только начинается, а у нас уже почти нечего есть... Вон видишь — казаны. В них дважды в день варим пшённый кулеш. Не кулеш — одно название! Но и ему люди рады...

— Как же вы зиму думаете прожить?

— Перебьёмся... Потуже затянем пояса, охотиться будем, рыбу ловить в Унаве и Ирпене. Но вся наша надежда на помощь.

— Чью?

— Москва поможет деньгами и оружием, Киев — зерном для посева, харчами. Свет не без добрых людей.

— В этом я много раз убеждался. Да вот — только что — отмахал путь от Стамбула до Фастова тоже не без помощи добрых людей. А там — и до Варшавы доберусь.

— Ты направляешься в Варшаву? С чем?

Арсен оглянулся: Иваник, выцганив у кашеваров миску кулеша, хлебал жидкое горячее варево. Поблизости никого — каждый занят своим делом. Но все же Арсен понизил голос.

вернуться

37

Лейбик (укр.) — верхняя одежда без рукавов, вроде жилета.

— Батько Семён, чтобы ты знал, я сейчас на службе у самого Кара-Мустафы... Вместе с Ненко...

— погоди! — перебил Арсена Палий. — Пойдём-ка ко мне домой, а по пути ты мне все и расскажешь.

— Привёз я очень важную весть, — продолжил Арсен.

— Какую?

— Турки начинают войну против Австрии. Султан Магомет собрал громадное войско и повёл его под Вену... Я тороплюсь в Варшаву, чтобы предупредить короля Яна.

Палий нахмурился.

— Почему ты думаешь, что нужно предупреждать Собеского?

— Расправившись с Австрией, турки накинутся на Польшу... Ненко слышал это из уст Кара-Мустафы.

— Вот как?! Значит, когда падёт Австрия, а затем Польша, Магомет вновь бросит своё войско против нас. И тогда уже ничто не сдержит его!

— Мы с Ненко тоже так подумали и решили, что нужно обязательно предупредить поляков...

— Верно. Турок можно остановить только общими усилиями. Твоё решение ехать в Варшаву одобряю. А от себя пошлю письма в Москву и Батурин, чтобы и там узнали о замыслах султана.

— Спасибо, батько, за поддержку. Я был уверен, что ты согласишься с нами.

— Ещё бы! Как и покойный Сирко, я считаю, что среди многих врагов для нас сейчас самый злейший, опаснейший — турецкий султан... И вопрос стоит так: кто кого? Или мы сообща с другими народами, которым он угрожает, отсечём его загребущие когти, или же нас всех до единого вырежут. И на расплод не оставят...

— В страшное время мы живём, — задумчиво произнёс Арсен, перебирая в памяти большие и маленькие события, свидетелем которых пришлось ему быть. — Выстоим ли?

— Выстоим! Должны выстоять! Иначе — всему конец...

Они подошли к крыльцу большого дома, памятного Арсену ещё с прошлой зимы. В нем тогда жила старенькая бабуся с мальчиком и девочкой. Теперь дом был восстановлен: пахли смолой новые двери, белели обмазанные белой глиной стены, вместо выбитых стёкол в окна вставлены хорошо пригнанные доски. Вокруг дома все прибрано. Чувствовалось, что здесь хозяйничают заботливые женские руки.

— Прощу в мою хату, — пригласил Палий, — правда, временную. Здесь потом устроим полковую канцелярию. А покуда полка нет и с жильём у нас худо, поселили мы здесь Феодосию с детьми. Вдову Семашко. А я, собственно, постояльцем у неё. Можно сказать, в приймах, — улыбнулся Палий, поднимаясь на крыльцо.

— Ты, батько, ещё молодой, только за сорок перевалило. А Феодосия — красивая женщина. Да и покойный Семашко, помнится, завещал вам объединиться. Было бы правильно, если б вы с нею поженились...

Палий посерьёзnel. Приблизился вплотную к Арсену и тихо сказал:

— Я и сам так думаю, друг... Феодосия — женщина не только красивая, но и умная. И сердце моё склонно к ней. Но этого ведь мало!

— Чего же ещё нужно?

Палий шутливо толкнул Арсена в плечо.

— Пойми, я хочу, чтоб и меня полюбили! Только тогда я могу жениться. Присмотрись получше, а потом скажешь: любит она, по-твоему, меня или нет?

Палий вошёл в светлицу первым. Арсен заметил, что это не та комната, в которой когда-то жила старушка с детьми. Печи не было, зато стояла кафельная голландка, в которой весело пылали сосновые сучья. Посреди чисто вымытого, но уже потемневшего от времени пола лежал потёртый ковёр. На стене, за новым, недавно сбитым столом, висело оружие: мушкет, два пистолета, два татарских ятагана и богато инкрустированная сабля. Вдоль стен, прикрепленные к ним спинками, желтели свежеструганные из сосновых досок лавки.

Здесь было шумно: четверо ребятишек — три девчушки и один мальчик — возились у стола, крича и смеясь. Тут же за шитьём сидели две женщины — Феодосия и старушка, которая когда-то осталась единственной жительницей Фастова. Теперь она со своими приёмными жила у Феодосии, присматривая и за её дочурками.

— Кыш, цыплята! — с напускной строгостью прикрикнул на детей Палий. Но они ничуть не испугались — с визгом и смехом кинулись к нему и повисли на его сильных руках.

Поднялся ещё больший шум.

Звенигора улыбнулся, глядя на раскрасневшиеся детские лица, и про себя отметил, что Палий умеет привлекать к себе сердца не только взрослых, но и детворы. А дети, как известно, очень чутки к ласке и никогда не поладят с человеком чёрствым и равнодушным.

Феодосия посмотрела на старушку.

— Бабуся, прошу вас — заберите детей!

Старушка встала из-за стола, — теперь на ней были не лохмотья, как некогда, а вполне приличная одежда, — бросила своё шитьё в корзиночку, подхватила её сухой тёмной рукой и позвала ребят:

— Пошли тыкву кушать!

— Пошли! Пошли! — обрадовались те и шумной стайкой выскочили следом за ней в соседнюю

комнату.

Палий проводил детишек ласковым взглядом, а потом, когда за ними закрылась дверь, обратился к Феодосии:

— Принимай гостя, Феодосия! Узнаешь?

Женщина вышла из-за стола. Остановилась перед Арсеном, всматриваясь в его лицо.

Была она стройна и, несмотря на свои тридцать пять лет и то, что имела троих детей, по-девичьи нежна. Пёстрая плахта и белая вышитая сорочка плотно облегли её складную фигуру. Чёрная блестящая коса закручена была сзади в тугий узел. Из-под чёрных бровей на Арсена смотрели прекрасные выразительные глаза, опущённые густыми ресницами.

У Арсена защемило сердце: эта женщина чем-то напомнила ему Златку, его далёкую, найденную, но не спасённую любимую.

Феодосия вдруг улыбнулась и протянула руку:

— Боже мой! Неужели Арсен?.. Как я рада... А где же Златка? Что с нею? — Пожатие её тёплой руки было неожиданно сильным. — Не нашёл?

— Нашёл... Но вызволить не успел... — с грустью ответил казак. — Ведь она в гареме самого Кара-Мустафы. Но я вызволю её! Возвращусь — и вызволю!

— Будем молиться за это... Прошу к столу.

Арсен попытался отказаться от угощения, ссылаясь на то, что у него мало времени и что он торопится домой, но Феодосия, видимо, обладала даром пленять людей — и ласковой улыбкой, и добрым словом, и той разумной женской твёрдостью характера, перед которой пасуют самые стойкие мужчины.

Она взяла казака за локоть, улыбнулась и, склонив набок голову, тихо сказала:

— Разве можно отказываться от хлеба-соли, когда их подносят от чистого сердца? — И повернулась к Палию. — Не так ли, полковник?

Как отметил про себя Арсен, смотрела она на Палия по-особенному, с затаённой нежностью и восхищением, которые прорывались сквозь присущую ей сдержанность.

— Конечно, голубушка... Арсен ещё молодой, и его следует проучить, чтобы знал, как пренебрегать гостеприимством друзей! — ответил Палий, доставая с полки обливные кувшин и три поставца. — Что там у тебя, хозяйка, в печи?

Феодосия поставила на стол миску горячих гречневых блинчиков, переложённых жареным луком, и три тарелки тыквенной каши.

— Чем богаты, тем и рады, — смущённо развела руками. — Надеемся на лучшее... А пока у нас с харчами туговато.

— Зато у тебя золотые руки, — похвалил Палий, наполняя поставцы квасом. — Ты и из ничего готовишь такое, что с тарелкой проглотить можно.

Феодосия зарумянилась от удовольствия, блеснув темно-карими глазами. Только слепой не

заметил бы в этом взгляде настоящей любви и глубокой преданности. Арсен потихоньку толкнул Палия в бок: мол, что же ты, батько, смотри, как она тебя любит?

Палий поднял поставец, улыбнулся в усы.

— Ну, дорогие мои, выпьем кваску за все доброе: за твой, Арсен, приезд, за освобождение Златки, за наше здоровье!

— За счастье и здоровье хозяйки этого дома! — с чувством произнёс Арсен.

— Спасибо, — поклонилась женщина.

3

С горы, на которой выростала фастовская крепость, спускались медленно. Коня Арсен вёл в поводу. Красный отсвет холодного зимнего заката за далёким темно-зеленым бором предвещал на завтра холодную погоду. Блестела подо льдом узкая, извилистая Унава.

— Твои, Арсен, выбрали себе чудесное место недалеко от речки. — Палий указал рукой в ту сторону, где на лугу растянулась цепочка хаток. — Я предлагал им на горе, но все дубовобалчане в один голос заявили: «Хотим внизу! Тут все напоминает Дубовую Балку: и речка, и луг, и высокая гора... Легче будет привыкать к новому месту». И я согласился — пускай... Было бы людям хорошо!

— А прежние хозяева не вернуться?

— Пусть возвращаются. Мы будем только рады. Земли всем хватит.

Внизу, на широкой ровной площадке неподалёку от домов, десятка два плотников трудились над какой-то необычной постройкой. Заметив удивлённо-вопросительный взгляд Арсена, Палий пояснил:

— Это будет церковь [38]. Маленькая, простая, но своя... На горе сохранился костёл — можно было бы перестроить, но люди заявили, что и шагу не ступят через его порог. Вот и строим. Надо. И причащаться, и венчаться, и исповедоваться. Как построим — тогда и я с Феодосией обвенчаюсь...

— А она тебя, батько, любит, — сказал Арсен. — Неужто сам не видишь?

Палий обнял Арсена за плечи.

— Дорогой мой, как это не вижу? Конечно, вижу. И отвечаю ей любовью. Придёт время — поженимся. Приезжай поскорее домой, чтобы попасть на свадьбу!

— Долгий ещё у меня путь, батько. Сначала — в Варшаву, а потом — на Дунай, возможно, под самую Вену.

— Да, долгий и опасный.

— Я бы не поехал туда... Но там ведь Златка... ждёт меня, надеется, что спасу.

Палий остановился у ворот, сплетённых из свежей лозы.

— Вот здесь живут твоя мать с дедусей! А рядом — Роман со Стёхой.

— Роман со Стёхой? Разве они уже поженились?

— Да. Своя семья — своя хата. Что может быть лучше? Хатка, правда, плохонькая, но они молодые — обживутся и поставят со временем новую. Место отменное! Огород ровный, низинный, за ним — левада, луг. Дальше — Унава. Хочешь — разводи гусей, уток. Хочешь — рыбу лови... Я тоже поселился бы здесь.

Видно было, что Палий влюблён в эти действительно прекрасные места. Но Арсен слушал его невнимательно. Через плетень он увидел такую знакомую маленькую фигурку... Мать!

Сердце его неистово забилося, готовое выскочить из груди, а ноги вдруг онемели, будто к земле приросли. Хотел побежать — и не мог. Только смотрел не отрываясь заворожённым взглядом. Мама! Маленькая, немного сгорбленная, будничная, как всегда. В свитке, которой, кажется, не будет износа, в сером шерстяном платке и старых заскорузлых опорках. Она стояла у открытой двери хлева и поила из деревянного ведёрка небольшую телку пепельной масти. Телка крепко упиралась растопыренными ногами в землю и, подталкивая мордой ведёрко, потягивала вкусное пойло. А рука матери гладила её по шее и за ушами, как ребёнка.

— Мама! — прошептал Арсен и почувствовал, как комок подступил к горлу. — Мама! — опять позвал он, на этот раз голос его прозвучал хотя и хрипло, но достаточно громко.

Мать подняла голову.

И вдруг ведёрко выскользнуло из её руки, пошло разлилось по земле.

— Арсен! Сыночек!

Она быстро, как только могла, засеменила к воротам.

Арсен помчался со всех ног и встретил мать посреди двора. Прижал к груди. Целовал её холодные, огрубевшие от ежедневной работы руки, шептал слова утешения.

Мать вытерла кончиком платка мокрые глаза, посмотрела на сына снизу вверх, спросила едва слышно:

— Один?

— Один, — вздохнул Арсен.

— Бедный ты мой, когда ж тебе, как другим, улыбнется долюшка? Когда перестанешь блуждать по свету?

— Сейчас, мама, на нашей земле ни у кого нет тихой доли. Одна беда лютует... Так разве могу я сидеть дома? Кому-то нужно со злой недолей бороться!

Мать охватила руками голову Арсена, притянула к себе, поцеловала в лоб.

— Бедная моя головушка! — И грустно улыбнулась Палию, который стоял поодаль и молчаливо наблюдал их встречу.

Послышался крик. Из соседнего двора, простоволосая, с растрёпанной пшеничной косой, бежала Стёха. Следом торопился Роман.

От крыльца, блестя розовой лысиной, семенил дедушка Оноприй, за ним степенно шагал Якуб.

Арсен переходил из объятий в объятия. Радостью светились лица. Для полноты счастья не хватало Златки...

Когда улеглись первые бурные чувства, вошли в хату. Она была небольшой, через сени на две половины. Чисто выбеленная, натопленная, пропахшая чебрецом, сушеными грибами, кислицей и желудями.

Мать сразу же кинулась к печи, чтобы приготовить обед, но Арсен остановил её.

— Не надо, мама. Я только что пообедал у полковника. А от чугуна горячей воды не откажусь — помоюсь с дороги.

Она начала растапливать печь, а сама прислушивалась к разговору. Говорил больше Арсен. Рассказывал о своих приключениях, о Златке, о Ненко, о новой войне, которую готовит султан, о том, что, хотя она направлена своим остриём на запад, смертоносным крылом может задеть и Украину. Когда же Арсен сказал, что домой он заглянул совсем не надолго — на одну ночь, завтра пораньше ему снова уезжать, мать побледнела, выпустила из рук ухват, в глазах её появились слезы.

— Ой, горюшко! Куда?.. Не успел на порог ступить, как опять в дорогу торопишься! Арсенушка,

сыночек мой дорогой, сколько лет ты вот так мыкаешься! Ну хоть немножко отдохнул бы дома... Чтобы я насмотрелась на тебя, кровинушка моя родная!

Арсен подошёл к матери, обнял, прижал её посеребренную голову к груди.

— Не плачь, мама! Придёт время — вернусь навсегда. Тогда уж никогда не оставлю тебя, голубка моя седенькая! А сейчас — должен...

— Опять в Туретчину? — сквозь слезы спросила мать.

— И в Туретчину, и в другие края, — уклонился от прямого ответа Арсен. — На этот раз должен вернуться со Златкой.

— Дай боже тебе счастья, бесталанная твоя головушка! — И мать, рыдая, поцеловала Арсена в буйную, давно не стриженную чуприну. Потом, слегка отстранив его от себя, вытерла платком заплаканные глаза и сказала: — Не буду вам мешать — говорите...

Весь вечер в тёплой хате шёл разговор. И если бы не напоминание Стёхи, что Арсену нужно отдохнуть, никто бы до утра не сомкнул глаз.

Только после полуночи Арсен вымылся, побрился, оставив небольшие тёмные усы, переделся в чистое бельё Романа и лёг спать. А с восходом солнца был уже на ногах.

Накормленный и почищенный конь тихо ржал у крыльца, нетерпеливо бил копытом землю, будто чувствовал дальнюю дорогу. Дедушка Оноприй с Якубом приторочивали к седлу саквы [39] и то и дело поглядывали на своего любимца, который в это время прощался с матерью. Посреди двора стояли Палий с Феодосией, Роман со Стёхой и Иваник с Зинкой. Все были опечалены. Когда-то ещё увидят его?

Вышли за ворота. Арсен в последний раз поклонился, и Якуб передал ему повод коня. Но тут Палий положил руку на плечо казаку.

— Не торопись! Я провожу тебя немного...

Все поняли, что полковнику нужно поговорить с Арсеном наедине, и потому остались стоять у ворот, а они вдвоём пошли вдоль улицы. Вороной конь легко ступал позади, кося чёрным глазом на стаю воронья, с криком поднявшуюся над вербами.

— Значит, во Львов? — спросил Палий, поворачивая за церковью к западной окраине села.

— Да, во Львов... Сперва разыщу пана Мартына и уже с ним поеду к королю. Спыхальский знает Варшаву, знаком со многими шляхтичами — он поможет мне...

— Было бы лучше, если б ты выдал себя тоже за шляхтича, — посоветовал Палий. — Тогда получишь свободный доступ к владетельным панам. Сам знаешь, каким чёртом они на казаков смотрят.

Арсен засмеялся:

— Ну, за этим дело не станет. Назовусь, примером, Анджеем Комарницким. Разве не шляхетски звучит? Я естэм пан Анджей Комарницкий. Неплохо придумано?

— Совсем неплохо, — усмехнулся Палий. Затем достал из кармана небольшой кошелёк. — А если к этому имени добавить ещё и кошелёк со злотыми, то можно быть уверенным, что перед

тобой откроются не только двери дворцов, но и сердца их хозяев...

— Да что ты, батько! — воскликнул Арсен. — Вы здесь, в Фастове, живёте впроголодь. Лучше купите на эти деньги зёрна для посева или несколько хороших коров для расплода, а то ведь телушка у матери не скоро станет стельной коровой...

— За нас не беспокойся! Мы гуртом проживём как-нибудь. А тебе деньги понадобятся. Да и не мои они, а казённые. Из нашей полковой кассы. Бери — не перечь!

вернуться

38

Церковь Палия до сих пор сохраняется в Фастове как историко-архитектурный памятник конца XVII в

вернуться

39

Саква, саквы (тур.) — холщовые перемётные сумы для овса и продуктов.

— Спасибо, батько. — Арсен спрятал кошелек в карман. — Думаю, и вправду пригодятся...

— Ну, а теперь прощай! И пусть не споткнётся твой конь на далёкой и трудной дороге! — Полковник обнял казака, поцеловал в щеку, потом быстро оттолкнул от себя, будто оторвал от сердца, и строго, чтобы скрыть печаль, сказал: — Садись — и айда! В путь!

4

Разыскать во Львове Спыхальского оказалось нетрудно. Поскольку Арсен прибыл ко дворцу Яблоновского вечером и на подворье, кроме часовых, уже не было никого, он обратился с расспросами к пожилому жолнеру, стоявшему с напарником у ворот.

— Пана Мартына Спыхальского? — переспросил жолнер. — А как же, знаю!

— Где его найти?

— Так пускай пан приходит сюда завтра пораньше...

— Сегодня нужно.

— Ну, если у пана найдётся лишний золотый...

— Найдётся.

— О, тогда, мосьпане, другое дело! — обрадовался жолнер и подмигнул своему напарнику, прислонившемуся к воротам: — Слышишь, Яцек, ты побудь пока один, а я провожу пана. Тутай недалеко... Пошли, пан!

Они завернули за угол и нырнули в густую тьму. Шли недолго.

— Тутай! — оповестил жолнер, показывая на мрачный домишко, притаившийся, словно гриб, под высокими безлистыми деревьями. — Я сейчас позову...

— Нет, не нужно, — остановил его Арсен. Протянул монету. — Благодарю. Я сам.

Жолнер поднёс монету к глазам, повертел в пальцах, даже понюхал зачем-то и, убедившись, что это настоящий золотый, быстро ушёл.

Арсен приблизился к освещённому окну, постоял немного, чтобы справиться с невольным волнением, которое внезапно охватило его, а потом тихонько постучал в стекло. Просто не верилось, что сейчас откроется дверь и он сможет обнять пана Мартына.

Дверь не открылась. Зато большая мужская рука приподняла занавеску, и к стеклу придвинулось усатое лицо с вытаращенными глазами. Это был Спыхальский.

— Кто там? — слышался его зычный голос.

— Пан Анджей Комарницкий.

— Кто?.. Что за глупые шутки, пан? — Спыхальский продолжал всматриваться в тьму за окном, пытаясь разглядеть незнакомца. На его лице застыло выражение растерянности. — Ещё раз спрашиваю: кто тутай?

Арсен засмеялся. Он не хотел громко называть своё настоящее имя.

— Не узнаешь, пан Мартын? Вот как! А совсем недавно клялся, что до смерти не забудешь друга!

Спыхальский тихо охнул. Занавеска опустилась.

Через мгновение хлопнула дверь — и он вихрем вылетел во двор.

— Холера ясная! Голуба! Неужто ты, Ар...

— Т-с-с-с! — Арсен зажал ему рот. — Я ж говорю — пан Анджей Комарницкий. Ну что — узнал?

Спыхальский фыркнул, как кот, и, захохотав, сграбастал Арсена своими ручищами.

— Узнал! Сразу узнал! Ей-богу! Только сам себе не поверил. Откуда? Какими ветрами? Заходи...

Они вошли в просторную, но неуютную комнату. Одного взгляда для Арсена было достаточно, чтобы понять — пан Мартын ведёт холостяцкую жизнь. Всюду — невероятный беспорядок. Одежда висит просто на гвоздях, валяется, разбросанная, на стульях, даже на полу. Кровать не убиралась, пожалуй, недели две. На столе — грязная тарелка с куриными косточками, краюха черствого хлеба, нарезанная луковица...

Небольшая сальная свеча давала мало света, зато копоти — с избытком.

Спыхальский убрал тарелку, рукавом смахнул крошки со стола, швырнул на кровать какую-то тряпку, подвинул ногой табурет гостю.

— Садись! — Сам он примостился напротив, рассматривая товарища. — Рассказывай! А то у меня совсем мало времени.

— Ты торопишься?

— С третьими петухами должен ехать в Варшаву.

— Так это чудесно! Я тоже — в Варшаву... Значит, у нас будет время поговорить.

— Правда, чудесно! — обрадовался Спыхальский, но сразу же стал серьёзным. — Арсен, ты-то зачем туда едешь?

— Через стену не слышно? — повёл глазами Арсен. — Соседей у тебя нет?

— Когда-то был один, да сгинул... Наш общий знакомый — полковник Яненченко.

— Где же он?

— Тогда ещё... — Спыхальский сделал многозначительную паузу. — Расстреляли... По приговору военного суда...

Арсен помолчал. Напоминание о Яненченко вдруг вызвало в памяти Дубовую Балку, пожарище, похищение Златки и Стёхи... Затем он поведал Спыхальскому о своих скитаниях и мытарствах.

— Однако ты так и не сказал, какая беда гонит тебя в Варшаву. Или это тайна? — спросил поляк. — Если так, то не говори...

— Не обижайся, пан Мартын. У меня от тебя тайн нет и не может быть, ибо мы с тобой съели не один пуд соли, дружище. Еду я к самому королю... — И Арсен рассказал о причине своего путешествия. — Вот почему не хочу, чтобы здесь знали моё настоящее имя. И не только из-за того, что кое-кто из вельможного панства сделает все, лишь бы не допустить казака к королю... Во Львове и Варшаве наверняка есть султанские лазутчики. А дело моё совершенно тайное, как сам понимаешь...

— Понимаю, — согласился Спыхальский. — Ты решил правильно, и я помогу тебе!

— Я верил в это, вот и завернул к тебе во Львов, не поехал сразу в Варшаву.

— Твоё счастье, что прибыл сегодня. Если б опоздал — так мы и не встретились бы, холера ясная!

— А тебя что заставляет ехать в Варшаву?

— Не меня одного. Коронный гетман воеводства Русского Станислав Яблоновский едет на вальный, то есть всеобщий сейм. Я вместе со свитой должен сопровождать его. Завтра утром выступаем... Ты поедешь с нами!

— Как к этому отнесётся твой хозяин? Вдруг будет против?

— Хозяин, разрази его гром! — воскликнул Спыхальский. — Ты правильно сказал — мой хозяин! Должен сознаться: твой лучший друг, урождённый шляхтич Мартын Спыхальский, стал мальчишкой на побегушках у владетельного пана Яблоновского, сто чертей ему в печёнку!

— Так оставь его!

— Ишь ты! Легко сказать — оставь! А что есть буду? Крымчаки спалили мой дом, разграбили все, что было, — хотя, правду говоря, было-то всего не очень-то густо, — и пустили по миру нищим. Теперь я гол как сокол... Вот и вынужден за кусок хлеба и за жильё служить у Яблоновского, как простой холоп. Что прикажет, то и делаю, куда пошлёт, туда и еду... Надеюсь собрать немного деньжат, плюнуть на все и податься в свой Круглик — поставить домишко, жениться и зажить спокойно...

— Чем жить будешь?

— Видишь ли, у меня там осталось несколько моргов земли — ханские конники не сумели захватить с собой. Буду пахать, сеять...

— Дело хорошее. Зачем мешкать? Достатков у тебя здесь немного. На коня — и ты в Круглике!

— Э-э, брат, не зря говорится: нанялся — продался! Залез в долги — нужно отрабатывать. К тому же поговаривают, что на этом сейме Яблоновского могут выбрать королём вместо Яна Собеского. Может, тогда и я пойду вверх? — Он горько усмехнулся.

— О, тут что-то новое! — удивился Арсен. — С чего бы?

Спыхальский оглянулся, будто его могли подслушать, и заговорщически прошептал:

— Тебе одному открою тайну... Но, смотри, никому — ни гугу! А то пан Станислав скор на расправу, черт бы его забрал! Его лайдаки [40] прихватят в тёмном месте, пырнут ножищем в бок — и поминай раба божьего Мартына...

— Меня-то ты знаешь, пан Мартын!

— Ну, слушай... Запутался я тутай, как перепёлка в силке! Даже сон потерял. А засну — и во сне покоя нет, холера ясная!..

— Говори толком! Что с тобою стряслось?

Спыхальский, ещё раз оглянувшись, наклонился к самому уху Арсена.

— Ты про французскую и австрийскую партии среди нашего шляхетства что-нибудь слышал?

— Немного слышал.

— Ну так вот, пан Яблоновский — фаворит королевы, этой блудницы, которую, однако, безумно любит король, — всегда был сторонником австрийской партии и короля... Может, для того, чтобы усыпить бдительность его ясновельможности, который у себя под носом не видит, что королева заводит шуры-муры с его коронным гетманом... И вот неожиданно я стал свидетелем и соучастником измены пана Станислава...

— Как же это случилось?

— С некоторых пор во Львов зачастил посланец великого подскарбия [41] сенатора Морштына, главы французской партии... Я бы и понятия об этом не имел, если бы однажды меня не позвал к себе пан Станислав и не сказал: «Пан Мартын, ты преданный мне человек...» «Безусловно, глубокочтимый пан», — ответил я. «Не мог бы ты, пан Мартын, оказать мне очень важную услугу?» — «Какую?» — спросил я. «Отвези в Варшаву письмо... Но такое, которое может лишить меня воеводства, а тебя — головы!» И тут, вместо того чтобы отказаться, как

подсказывал здравый смысл, я, как последний дурень, брякнул: «С радостью, глубокочтимый пан!» Ты слышишь — «с радостью»?! Чтоб мне провалиться при этом слове! Так и началось... Не успел я вернуться из Варшавы, где тайно пробрался к проклятому предателю Морштыну, как пришлось ехать снова. И знаешь, что мне стало ясно?

вернуться

40

Лайдак (укр.) — бездельник, мерзавец.

вернуться

41

Великий подскарбий (польск.) — главный казначей.

— Что? — Арсен слушал с большим вниманием. Он уже понял — речь идёт о крайне важном деле.

— И Морштын, и Яблоновский считают меня своим единомышленником и не очень таятся от меня... Помимо пана Станислава, Морштын втянул в заговор братьев Сапег, а также подкупил многих шляхтичей на сеймиках, чтобы они на всеобщем сейме дружно выступили против Собеского. Носятся слухи, что Яблоновский согласился с предложением братьев Сапег избрать его королём... Ты понимаешь, в какой омут я угодил? Как ни верти, как ни крути, а от смерти не уйти! Не прикончат заговорщики, так король пошлёт на виселицу.

— Верно... Я сочувствую тебе, Мартын, — согласился Арсен.

— Но это ещё не все, — произнёс после паузы совсем упавшим голосом Спыхальский.

— Что же ещё?

— Случайно я узнал, что пан Морштын каждую неделю докладывает об успехах заговорщиков французскому посланнику де Бетюну, холера б его забрала! Кроме того, переписывается о заговоре непосредственно с секретарем министерства в Париже Кольером и выпрашивает у него деньги для этого... Это настоящая измена, о пресвятая дева! Дознается король — много крови прольётся, полетят головы, и среди них — моя дурная башка... Ну что мне делать?

Спыхальский был совершенно убит горем. Арсен никогда не видел его таким угнетённым и опечаленным. Лицо бледное, постаревшее, даже обрюзгшее, как после тяжёлой болезни. А ему всего лишь за тридцать недавно перевалило...

Арсен обнял друга.

— Не журишь, Мартын! Бывали мы и в худших передрыгах! Но духом не падали.

— Э-э, там было все ясно: перед тобой враг — бей его. Тут же вокруг вроде все свои люди. А на деле получается — враги.

— Что так, то так. И нам надо знать, кто наш главный враг.

— Кто, по-твоему? — В глазах пана Мартына промелькнула надежда.

Арсен многозначительно посмотрел на побратима.

— Видишь ли, пан Мартын, я мчался сюда из Стамбула не для того, чтобы выпить кружку пива в шинке над Вислой. Я тороплюсь в Варшаву, чтобы предупредить поляков о страшной опасности, что нависла над Польшей.

— Понимаю.

— Ты понимаешь, а вот паны Морштын и Яблоновский не понимают, если идут на поводу у французского короля, союзника султана Магомета. Ведь к чему они призывают поляков? Порвать с Австрией? Но сейчас это единственная союзница Польши... Только вместе они смогут противостоять туркам. А поодиночке турки проглотят и австрийцев, и поляков! И пискнуть не дадут! Затем снова примутся за нас...

— Значит, мы должны поддерживать австрийскую партию? То есть короля Яна?

— Выходит, что так... Собеский хочет подписать с Австрией договор, чтобы сообща бить турок. Чего ж ещё нам нужно? Ждать, пока султан возьмёт Вену, потом повернёт на Варшаву, а оттуда на Киев?

— Это было бы глупостью с нашей стороны!

— Вот видишь! Жизнь сама подсказывает, что делать.

— Ну, все-таки — что делать?

Арсен, глядя в упор на Спыхальского, спросил:

— Пан Мартын, веришь ли ты мне полностью?

— Ещё бы! Неужели сомневаешься?

— Тогда во всем положишься на меня... До Варшавы будем ехать вместе. Чтобы не вызвать у Яблоновского подозрения, я отрекомендуюсь шляхтичем Анджеем Комарницким. Мы с тобой познакомимся и подружимся только по дороге. Понял?

— Понял.

— В Варшаве поможешь мне встретиться с королём. А дальше — видно будет.

— Хорошо. Ну и голова у тебя, пане-брате! Имей я такую — стал бы сенатором, разрази меня гром, если вру! — Растроганный Спыхальский притянул Арсена к себе, крепко обнял и поцеловал в щеку. — Ну, хватит разговоров! Садись ужинать...

5

Дорога до Варшавы оказалась тяжёлой. Неожиданно поднялся ветер, перешедший в настоящую вьюгу, — все вокруг так занесло снегом, что лошади шли в нем по самое брюхо. Поэтому, вместо того чтобы приехать в столицу накануне рождества, как рассчитывал Яблоновский, обоз прибыл туда после Нового года и остановился на просторном подворье сенатора Морштына.

Никто не спрашивал Арсена, кто он и куда держит путь. Как оказалось, отовсюду ехали на всеобщий сейм шляхтичи, некоторые присоединялись к отряду львовского магната и сообща протаптывали заснеженную дорогу до Люблина, а потом — до Варшавы.

На второй день после приезда, побрившись и приведя себя в порядок, Арсен с паном Мартыном пошли к королевскому замку.

Обычно разговорчивый, сегодня Спыхальский был на удивление мрачным и молчаливым.

— Ты что, пан Мартын, язык проглотил? — спросил Арсен, когда они, обойдя замок, убедились, что проникнуть внутрь не просто. — Чего молчишь?

— Что тут скажешь? Через эти стены разве что птица перелетит! А сунешься в ворота — стража не пропустит. Вот так, проше пана, и будем болтаться под стенами...

В это время из ворот, взвихрив снег, вылетели небольшие крашенные крытые сани, запряжённые резвыми вороными конями. Внутри сидел какой-то важный пан в бобровой шубе и шапке с павлиньим пером. На козлах — дюжий кучер.

Арсен и Спыхальский едва успели отскочить в сторону.

— Холера ясная! Так и человека задавить можно! — бурчал пан Мартын, отряхивая с воротника и усов мелкие снежинки. — Несётся, как на пожар.

Они продолжали осматривать высокие каменные стены и башни замка.

— Если б у тебя здесь был какой-нибудь знакомый... — начал Арсен, желая напомнить товарищу, что во Львове тот обещал найти кого-то, кто помог бы встретиться с королём.

Но Спыхальский, видимо, накрепко забыл о своём обещании.

— Ха-ха! Кабы у меня был знакомый в этом дворце, то я, проше пана, не прислуживал бы Яблоновскому, чтоб он сгинул!

— Но ты же хвалился этим во Львове, — теперь уже прямо сказал Арсен.

Спыхальский смутился, потом покраснел. Наконец сокрушенно махнул рукой:

— А-а, мало ли что сболтнёт человек на радостях, когда встретит лучшего друга! — Он виновато заморгал голубыми глазами.

Арсен улыбнулся, положил руку ему на плечо.

— Ну, ладно... Голову выше! Придумаем что-нибудь!

— Что тут придумаешь? Остаётся одно — ждать, пока сам пан король не изволит выехать из замка.

— Так можно прождать и неделю... Нет, это нам не годится!

Круто повернувшись, Арсен направился к замку, где перед воротами, кутаясь от мороза в кожухи, топтались часовые.

— День добрый, панове! — с напускной бодростью поздоровался он с ними.

Стражники не ответили. Один, должно быть старший, спросил строго:

— Что нужно панам?

— Мы шляхтичи. Приехали на сейм. Хотели поговорить с секретарём короля...

— Паном Таленти?

— Да, — быстро ответил Арсен, радуясь, что его маленькая хитрость принесла первые плоды.

— Как же так, — удивился стражник, — пан Таленти только что выехал из замка!

— Вот как? А мы-то его и не узнали, — развёл руками Арсен. — Придётся ждать, пока приедет.

Они отошли на значительное расстояние. Ждали час, а может, и два, пока не увидели знакомые зеленые сани, запряжённые вороными лошадьми.

Арсен стал на дороге. Поднял вверх руки.

— Тпр-р-ру-у-у!

Лошади остановились. Немолодой, но сильный, как медведь, кучер замахнулся кнутом.

— С дороги, лайдак!

Однако Спыхальский уже схватил вороных под уздцы, а Арсен смело приблизился к саням. Тем временем пан, который сидел внутри саней, прикрыв ноги меховой полостью, приказал кучеру убрать кнут.

— Простите, пан Таленти, что мы осмелились остановить вас на дороге. Поверьте, только неотложное дело вынудило нас поступить весьма не по-шляхетски, — сказал Арсен, выжидательно глядя на незнакомого чернявого пана и пытаясь понять, Таленти это или нет.

— Что вам нужно?

— Мы хотим видеть короля.

У пана чуть заметно вздёрнулись брови.

— Всего-навсего? — спросил он насмешливо.

Арсен понизил голос:

— Милостивый пан, речь идёт о необычайно срочном деле... Устройте нам встречу с королём, и вы принесёте большую пользу отчизне!

— Я каждый день приношу пользу отчизне! — напыщенно отрезал пан. — Я королевский секретарь, можете мне рассказать все.

Теперь сомнений не было: это — Таленти. Арсен решительно заявил:

— Нет, милостивый пан, при всем нашем уважении мы ничего не можем сказать вам. Единственно, что могу сообщить: я только что прибыл из Стамбула... Думаю, пан понимает важность этого...

Королевский секретарь моментально оценил «важность этого».

— О! — воскликнул он. — Прямо из Стамбула?

— Да.

Таленти высунулся наружу, с головы до ног осмотрел Арсена.

— Невероятно! Кто вы такой?

— Потом узнаете... Меня зовут Анджей Комарницкий, но это вам ничего не говорит.

— Ладно, идите к воротам. Я прикажу вас пропустить...

Лошади рванули с места, и сани помчались к воротам замка.

— Ну, ты и зух [42], Арсен! — радостно воскликнул пораженный Спыхальский. — Теперь я не сомневаюсь — двери королевских покоев откроются! Разрази меня гром, если вру!

Арсен тоже был рад.

— Ещё бы! Безусловно, откроются. Пошли!

Стражники у ворот отобрали у них оружие и пропустили во двор.

Они сразу увидели пана Таленти, который прохаживался около высокого каменного крыльца. Королевский секретарь издали помаhal им рукой.

— Сюда, панове!

По узкой лестнице он провёл их на второй этаж. Здесь, в небольшой сводчатой комнате, стояли несколько хорошо вымуштрованных жолнеров внутренней дворцовой стражи. Старший приказал прибывшим снять шапки, кожухи и привести себя в порядок, а сам тем временем внимательно смотрел, не осталось ли при них оружия.

— Прошу, панове! — Он указал рукою в сторону широкого коридора.

Таленти шёл впереди, начальник стражи замыкал шествие. Наконец в большом светлом зале с колоннами секретарь короля остановился.

— Подождите меня здесь, — сказал он вполголоса и скрылся за резными дверями с белым орлом. Через несколько минут возвратился и торжественно провозгласил: — Король ждёт вас, панове!

Арсен и пан Мартын вошли в королевский кабинет, такой огромный и роскошный, что самого короля они поначалу не заметили. Удивлённо смотрели на громадный резной, с позолотой, стол, на такие же великолепные, с резьбой и позолотой, шкафы и кресла, на портреты в тяжёлых рамах, на крашенный, натёртый до зеркального блеска пол и не видели, что король стоит справа, у стены, между двумя рыцарскими доспехами. А как только заметили, оба низко поклонились.

Ян Собеский прошёл на середину кабинета. Это был высокий, тучный мужчина с одутловатым лицом, чёрными глазами и тоже чёрными, но уже густо усеянными сединой усами и чубом. Кивком головы он ответил на поклон и спросил:

— Так это правда, панове, что вы прибыли из Стамбула?

— Да, ясновельможный пан круль, то — святая правда, — ответил Спыхальский, поскольку король смотрел на него. — Но только наполовину...

— Как это понять?

— Мне тоже приходилось бывать в Стамбуле, чтоб он пропал, и я до сих пор хорошо его помню, потому как частенько угощали там плетьюми, когда был рабом на галере, но это было давно... А сейчас, ваша ясновельможность, из Стамбула прибыл мой лучший друг, э-э-э... шляхтич Анджей Комарницкий...

Арсен молча поклонился и, опасаясь, как бы пан Мартын не сболтнул лишнего при секретаре, сказал:

— Прошло немногим больше месяца, ваша ясновельможность, с тех пор, как я выехал из Стамбула. Я привёз очень важные вести, которые хотел бы передать вам одному.

Собеский пристально посмотрел на него и кивнул секретарю:

— Пан Таленти, выйди!

Секретарь вышел. Король перевёл взгляд с Арсена на Спыхальского.

— Пан Комарницкий решил поведать нечто мне одному... А пан...

— Пан Мартын Спыхальский — мой друг, от него у меня тайн нет, — ответил Арсен и добавил: — К тому же он служит у пана Яблоновского и расскажет вам много интересного о связях пана с сенатором Морштыном и его друзьями...

— О-о! — невольно вырвалось у короля. Он улыбнулся и указал на обитые голубым бархатом кресла. — Прошу, панове, садитесь! Говорите, пожалуйста!

Начал Арсен. Ему пришлось коротко рассказать о себе, о Юрии Хмельницком, о болгарских друзьях. Более подробно описал встречи с Кара-Мустафой и его окружением. Во всех деталях, какие только знал, сообщил о подготовке Порты к войне с Австрией, о целях, которые поставил султан перед войском.

Ян Собеский слушал внимательно, не перебивая и не спуская больших чёрных глаз с лица Арсена. Наконец, когда Арсен закончил, король сказал:

— Все это, пан Комарницкий, очень интересно и очень важно... Если, конечно, все это правда, то есть... отвечает положению вещей.

— Было бы ошибкой, ваша ясновельможность, не поверить моим словам, — с достоинством ответил Арсен. — Но я предполагал это и взял с собой пана Спыхальского. Сейчас он сообщит вам о том, в чем вы не сможете сомневаться, потому что касается это лично вас и вашего окружения, а вы, сопоставив все, поверите нам.

— Не обижайтесь, пан, я вынужден все проверять, прежде чем принимать решения. — Король дружески похлопал Арсена по колену и повернулся к Спыхальскому. — Что интересного может сообщить мне пан шляхтич?

— Мой светлейший пан круль! — торжественно начал пан Мартын. — Я, сам того не ведая, оказался невольным участником заговора против вашей ясновельможности и, как подсказал мне мой друг Комарницкий, против Речи Посполитой!.. [43]

— Внимательно слушаю, пан... Говори — и этим ты облегчишь свою душу, — поощрил его король.

Пан Мартын закашлялся.

— Коронный гетман Воеводства Русского пан Станислав Яблоновский, у которого я имею несчастье служить, с некоторых пор стал другом сенатора Морштына. Пан воевода несколько раз за последний год посылал меня в Варшаву с тайными письмами к пану сенатору, а тот в свою очередь посылал своих гонцов к пану воеводе. Но я, как честный человек, ни разу не поинтересовался содержанием этих писем, хотя и был предупреждён, что письма очень важные и тайные и что они могут стоить пану гетману воеводства, а мне — головы. Я не догадывался, холера меня заberi, о содержании этих писем до тех пор, пока не услышал от людей сенатора, что французская партия готовится избрать пана Яблоновского королём Речи Посполитой... О я несчастный! Какие душевные муки претерпел я с того времени, нося в сердце эту страшную тайну!

Потрясённый король тихо произнёс:

— Ты искупил свой грех чистосердечным признанием, сын мой. — Он положил пухлую, тяжёлую руку на плечо Спыхальского. — Может, у тебя есть ещё что?

— Я узнал — тоже случайно, — что главный казначей Морштын, которого ваше величество одаряли своими щедротами, благосклонным вниманием, доносит французскому посланнику де Бетюну обо всем, что происходит в Речи Посполитой, а также посылает тайные письма секретарю министерства Кольеру в Париж... Это уже прямая измена, пся крев! — выругался пан Мартын, но сразу спохватился и покраснел. — Прошу простить мои недостойные слова, ваша ясновельможность...

Собеский побледнел от волнения и гнева.

— О пан Езус! Что я слышу! — воскликнул он. — Я многое знаю, но чтобы пан Станислав посягнул на корону — поверить не могу!

— Я тоже не поверил бы, если б не слышал собственными ушами, разрази меня гром! — поддакнул королю Спыхальский.

— Ну, а пан Морштын! — не мог успокоиться Собеский. — Сколько я сделал ему добра! Возвёл в чин сенатора и великого подскарбия Речи Посполитой! А он... Изменник, быдло... а не шляхтич! — Король начал ругаться, как простой жолнер. — Если все это правда, он заслуживает самой лютой кары!

— Какие доказательства потребует ваша ясновельможность? — спросил Арсен, боясь, что Собеский ограничится лишь взрывом гнева, а потом остынет.

Король наклонился к своим собеседникам и решительно произнёс:

— Мне нужны такие доказательства, которые недвусмысленно подтвердили бы вину Морштына и Яблоновского! Мне нужно хотя бы одно письмо! И — немедленно! Ибо на днях открывается вальный сейм, и на нем определится, каким путём пойдёт Речь Посполита: поддержит Австрию в войне с турками или будет спокойно наблюдать, как султан разгромит её, чтобы со временем захватить и Польшу. Вы меня поняли, панове?

вернуться

42

Зух (польск.) — молодец.

вернуться

43

Речь Посполита — республика; со времени Люблинской унии 1569 г. и до 1795 г. (третий раздел Польши) — официальное название объединённого польско-литовского феодального государства, в состав которого входили также (полностью или частично) украинские и белорусские земли.

— Поняли, ваша ясновельможность!

— Жду вас в ближайшее время... До сейма. Никак не позже! Запомните!

— Не забудем. Постараемся, ваша ясновельможность!

— И ещё одно: моему секретарю пану Таленти можете довериться полностью... Желаю вам успеха! — закончил Собеский, вставая.

Арсен со Спыхальским тоже встали, поклонились, прощаясь.

6

Три следующие дня, прошедшие после встречи с королем, Арсен почти не спал. По очереди с паном Мартыном они следили за каждым шагом главного казначея, не спускали глаз с двери его кабинета, пытаясь среди множества людей — слуг, охранников, посетителей, гостей и родственников — определить, кто был связным между сенатором и французским посланником. Однако это ничего не дало. Подозрение могло пасть на каждого, кто заходил к Морштыну, но проследить за всеми не было никакой возможности.

— Так мы ничего не сделаем, холера ясная! — ругался нетерпеливый Спыхальский. — Скоро сейм, а мы топчемся на одном месте... Что подумает король?

Масла в огонь подлил секретарь короля. Поздно вечером, переодетый простолюдином, он встретил Арсена и пана Мартына возле костёла, где они крутились среди челяди Морштына, пристально наблюдая за каждым незнакомцем, который мог получить письмо от доверенного лица главного казначея. Пан Таленти, отозвав их в сторону, прошептал:

— Панове, король все ещё надеется на вашу ловкость... Будет что важное — немедленно приходите к дворцу сейма. Постучите трижды в боковую дверь левого крыла. Я буду ждать вас...

Он исчез так же внезапно, как и появился. Арсен напряженно думал. Что же предпринять? Неужели не смогут они ничего сделать для сейма?

— Почему молчишь, Арсен? — взволнованно спросил Спыхальский. — Черт побери, если мы явимся к королю с пустыми руками, он вправе будет назвать нас брехунами!

— Мне кажется, пан Мартын, что мы начали танцевать не от той печки, — задумчиво произнёс Арсен.

— Как это понять? Говори яснее!

— Видишь ли, я подумал — не лучше ли нам было наблюдать за домом де Бетюна? Если мы заметим: там кого-либо из людей сенатора, это будет означать, что мы напали на верный след.

Спыхальский захлопал глазами.

— Гм, а знаешь, может, ты и прав! Как это мы не додумались до этого раньше?

— Ещё не поздно. Пошли!

Ночь была безлунная, но не тёмная. Порошил мелкий снежок, засыпая их следы на безлюдных улицах. Откуда-то доносился лай собак.

Дом французского посланника, расположенный недалеко от Вислы, они знали и через полчаса, потные и запыхавшиеся, оказались перед воротами, которые вели в глубину парка.

Друзья осторожно двинулись вдоль забора, окружавшего посольство, и убедились, что, кроме главного подъезда со стороны Вислы, есть маленькая калиточка, которой пользовались не только летом, но и зимой: недалеко от берега темнела свежая прорубь, из неё, вероятно, брали воду для хозяйственных нужд, а аллея за высоким дощатым забором была расчищена от снега.

— Придётся следить за обоими входами, — решил Арсен. — Ты, Мартын, оставайся здесь, а я пойду на ту сторону... Но смотри, не засни!

— Заснёшь тут, у черта в гостях, на снежной перине!

— Больше негде, друг, — сказал Арсен, оглядевшись. — Берег голый — ни кустика... Так что зарывайся поглубже и в самом деле не усни, не то замёрзнешь.

Спыхальский отошёл шагов на пять от тропинки и плюхнулся в рыхлый сугроб. Арсен присыпал его снегом.

— Теперь тебя никакая собака не заметит. Ну, гляди в оба! Я пошёл.

Казак растворился в темноте.

Час или два Спыхальский чувствовал себя хорошо: не холодно, мягко — и впрямь как на перине. Захотелось спать, но он отгонял сон, хватая губами пушистый снег и дёргая себя за усы.

Спустя некоторое время стало зябко. Сначала замёрзли ноги, потом — руки; вскоре ему начало казаться, что он лежит не в кожухе и не в добротных сапогах, которые справил прошлой осенью, а совсем голый. Дрожь волнами прокатывалась по телу, зубы стучали так, что слышно было, должно быть, на том берегу Вислы. Но что хуже всего — он боялся пошевелинуться: вдруг кто-нибудь следит за калиткой или, наоборот, хочет выйти из посольства и выглядывает из-за забора? Будь он один — давно убежал бы отсюда, но было стыдно перед Арсеном, который тоже лежит где-то в снегу и ему достаётся ничуть не меньше...

Время подошло к полуночи. И вдруг Мартын уловил лёгкий скрип снега. Спыхальский сжал зубы, чтобы они не стучали, и глянул влево, откуда долетали звуки. Может, Арсен идёт?

Нет, это не его фигура, не его походка. Незнакомец был невысокого роста и слегка прихрамывал на одну ногу. Шёл медленно, оглядываясь и прислушиваясь. Приблизившись к калитке, остановился и осторожно нажал на щеколду. Калитка оказалась запертой. Незнакомец вполголоса выругался:

— Остолопы! Сколько раз предупреждал: в среду не запирайте!

Он поднял голову, как бы смерил взглядом забор, потом подпрыгнул, ухватился руками за край и начал карабкаться вверх, стараясь правой, здоровой ногой наступить на щеколду, но никак не попадал на неё.

Спыхальский прикинул: если это посланец Морштына — надо хватать его. Если нет, можно выкрутиться, обвинив хромоногую в намерении ограбить чужеземное посольство.

Наконец незнакомцу удалось подтянуться и лечь животом на забор. Ещё мгновение — и он

будет на той стороне.

Пан Мартын выскочил из своего укрытия, ухватил незнакомца за ногу. От неожиданности тот охнул и свалился в снег. Спыхальский крепко зажал ему рот ладонью, коленом прижал к земле.

— Тихо! Не шевелись! Иначе...

Незнакомец замычал, замотал головой. Очевидно, ему не хватало воздуха. Спыхальский разжал пальцы, и тот несколько раз судорожно всхлипнул, вдыхая.

— Кто такой? К кому шёл? — прошипел Спыхальский. — Да не вздумай кричать, не то задушу, как котёнка, клянусь паном Езусом! — И он сильнее нажал коленом.

— Ради бога, пан... отпусти...

— Ты хотел ограбить посольство?

— Я не вор, милостивый пан...

— А кто же?

— Меня звать Юзеком... Хромым Юзеком... Отведи меня к пану де Бетюну.

— Ты знаком с паном де Бетюном? С посланником? — Спыхальский еле сдержал радостный возглас, поняв, что в руки к нему попал именно тот, кого они с Арсеном все это время выслеживали.

— Да.

— Чем докажешь это? — Пан Мартын, прищурившись, выжидающе смотрел на Юзека.

— Пусть пан отведёт меня к посланнику и сам убедится.

— Что я — рехнулся, чтоб вести тебя, шельма, к пану де Бетюну! Ишь чего захотел! Я задушу тебя, разбойник!

И хотя Спыхальский говорил тихо, почти шёпотом, страшный смысл его слов быстро дошёл до Юзека, и он с перепугу начал заикаться.

— М-милостивый п-пан, выслушай м-меня! Истинная п-правда — я н-не вор! Иду к п-пану де Бетюну от глу-бок-ко-уважаемого п-пана сенатора Морштына... Знает ли м-милостивый пан т-такого? С письмом...

— Не ври! Так я и поверю, что известный всей Варшаве пан сенатор послал письмо с таким негодяем и воругой, как ты! Где оно? Не поверю, пока не удостоверюсь!

— Пусть п-пан возьмёт в к-кармане...

— В каком?

— Вот здесь, с-слева...

Спыхальский потянулся было рукой к карману, как вдруг получил такой сильный удар в грудь,

что отлетел на несколько шагов и упал в снег.

Он тут же вскочил. Хромой Юзек был уже на ногах и, тяжело дыша, вскинул вверх правую руку. В ней тускло блеснул кривой татарский ятаган.

— Так вот какой ты посланец ясновельможного пана Морштына! — зло прошипел Спыхальский. — Брось нож, мерзавец! Или, клянусь, я убью тебя!

— Теперь неизвестно, кто кого, хе-хе! — с издёвкой крикнул Юзек. — Я сам отправлю тебя, милостивый пан, к праотцам!

Они медленно кружились друг против друга, как петухи. Юзек бежать не пытался: понимал, что длинноногий противник сразу догонит его. К тому же он был не робкого десятка. У Спыхальского цель была одна — завладеть письмом. Он мог бы воспользоваться пистолетом, но не хотел поднимать шума и потому всю надежду возлагал на свою силу и ловкость.

Первым не выдержал Хромой Юзек. Видя, что противник не держит в руках оружия, он решил использовать своё преимущество и одним ударом ятагана покончить с ним. Его бросок был быстр и решителен. Ятаган молнией сверкнул над головой Спыхальского.

Но более быстрым оказался пан Мартын. Как клещами, схватил он занесённую над ним руку своей левой, а правой ударил противника в лицо с такой силой, что Юзек свалился как сноп и лежал бездыханно, не подавая никаких признаков жизни.

— Ге-ге, паршивец, да ты, как вижу, слаб против меня! — пробормотал Мартын, вытаскивая у него из кармана тугий свёрток бумаг. — Сам виноват, сукин сын!

С этими словами он схватил Юзека за ноги и поволок к реке. С сожалением взглянул на ятаган, все ещё зажатый у того в кулаке, но решил, что брать его не следует. Подняв тело над прорубью, тихо опустил под лёд.

Мелкий снежок все продолжал сыпаться с неба, замечая следы трагедии, только что разыгравшейся на берегу Вислы. «До утра и намёка не останется», — подумал пан Мартын. Засунув глубоко за пазуху драгоценный свёрток, Спыхальский торопливо пошёл разыскивать Арсена.

7

В это время на противоположной стороне посольской усадьбы происходили события бескровные, но не менее важные.

Место для наблюдения Арсен выбрал себе необычное — на широкой, занесённой снегом крыше надвратной башни. Здесь было очень холодно, ветер продувал насквозь, но зато безопасно, а главное — отсюда весь двор посольства открывался как на ладони.

Он сразу заметил там какое-то оживление. Кто-то с фонарём ходил возле конюшни и каретного сарая. В доме замигали огни — то в одном окне, то во втором, то в третьем. Доносились человеческие голоса, лошадиное ржанье...

Арсен замер, насторожившись...

Около полуночи, когда за Вислой прокричали первые петухи, от крыльца посольского дома отъехали крытые сани. «Неужели сам посланник выезжает куда-то так рано?» — подумал

Арсен.

Перед санями трусцой бежал ключник: у пояса позвякивали ключи. Было слышно, как он тяжело дышит.

Казак плотнее прижался к заснеженной крыше.

Ключник открыл замок на воротах, широко распахнул их. Сняв шапку, стал в сторонке, давая саням дорогу, и Арсен увидел его широкую лысину. «Верно, посланника провожает», — решил казак, но тут же изменил мнение, расслышав слова, которыми перекинулись ключник и кучер, слова, прояснившие картину.

— Янек, скоро ли назад? — спросил ключник, когда сани поравнялись с ним.

Кучер придержал лошадей.

— Не волнуйся, отец, — послышалось в ответ. — Передай матери, что к обеду вернусь. Пусть приготовит горячего чаю, чтоб погреться с мороза. Отвезу этого пана, — он указал кнутом на сани, — к «Белому лебедю», оттуда он поедет в Париж на перекладных. А я — домой. Будь здоров, отец.

Янек хлестнул кнутом — лошади дружно рванули из ворот и помчались в снежно-мутную тьму ночи.

Ключник закрыл ворота, щёлкнул замком, а потом медленно побрёл по двору, что-то бормоча себе под нос.

Сердце Арсена билось часто-часто. Он выждал, пока ключник скрылся в темноте, и спрыгнул на землю.

— Фу, холера ясная! Кто тутай? — послышался испуганный голос пана Мартына. — Это ты, Арсен? Свалился как снег на голову! Так можно и шею свернуть человеку! — Спыхальский выбрался из сугроба, куда он нырнул, услышав, что открываются ворота, и обнял товарища. — Удача, пане-брате! Есть письмо! Правда, пришлось одного негодяя спровадить на дно Вислы раков кормить...

— Это и вправду удача, — согласился Арсен, стуча зубами от холода. — Но послушай, что я скажу. Только что выехал французский гонец, направляется в Париж. Думаю, не с пустыми руками...

— Почему не схватил?

— Их было трое. Кроме гонца — кучер и ключник...

— Эх, холера ясная! А куда он поехал?

— В том-то и дело, что я не понял... Кучер сказал — к «Белому лебедю».

— К «Белому лебедю»? Чудак ты, это же корчма на познанской дороге и первая станция, где можно переменить лошадей! — воскликнул Спыхальский. — Мы их догоним!

— Далеко это?

— Верхами — часа два или три...

— Тогда не будем терять времени. Возьмём коней — и в погоню! Бежим!

Они во весь дух припустили по безлюдным заснежённым улицам к подворью пана Морштына. Там оседлали своих коней и помчались на познанскую дорогу.

К «Белому лебедю» прибыли утром.

— Опоздали! — сокрушённо воскликнул пан Мартын, увидев удаляющиеся в вихре снежной пыли крытые сани. Вскоре они исчезли за горой.

Во дворе корчмы Арсен заметил Янека, возившегося у саней, но не подал и виду, что знает его.

— Хлопец, где найти корчмаря? — спросил казак, подойдя к нему.

— Где ж ему быть ещё? У себя!

Хозяин корчмы и заезжего двора, приземистый толстяк, был за стойкой. Резал на широкой не совсем чистой доске хлеб. В зале, несмотря на раннее время, сидели уже несколько путников.

Арсен поздоровался и, перегнувшись через стойку, произнёс тихо, но твёрдо:

— Именем короля, пан, давай коней! Лучших и немедленно! Своих мы оставим здесь — накормишь и напоишь. Понял?

Корчмарь вытаращил на него глаза.

— Матка боска! Приезжает один — именем короля, приезжает второй — тоже именем короля... И все требуют самых лучших лошадей, и немедленно! А где бедному корчмарю их взять? Чем их накормить?

Арсен кинул золотую монету.

— Я тороплюсь! Живо!

Корчмарь зажал деньги в кулаке.

— Мигом, милостивый пан! — Он торопливо выкатился из-за стойки и почтительно поклонился. — Идём!

Выходя из корчмы, Арсен сунул корчмарю ещё одну монету, взял его под руку.

— Меня интересует пан, который приехал недавно вон с тем кучером. — Он указал кивком головы на Янека. — Тот пан поляк?

Корчмарь недоуменно посмотрел на любопытного посетителя.

— Нет, пан, он не поляк: по-нашему говорит плохо.

— Какой масти коней ты ему дал?

— Серых в яблоках.

— Сани открытые или с будкой?

— С будкой... За это мне заплатили дополнительно.

— Как звать кучера, который повёз его?

— Антось, пан.

— Угу, хорошо! Это все, что я хотел знать, — сказал Арсен, подходя с хозяином к конюшне. И строго добавил: — А ты, пан корчмарь, ешь борщ с грибами да держи язык за зубами! Понял?

— Как не понять! Мне не впервой, — ответил корчмарь, выводя из конюшни двух лошадей.

Оседлать их было делом нескольких минут... И вот друзья уже верхом, пригнувшись, вихрем мчатся по следу, оставленному санями француза.

Догнали они его к полудню, и то лишь потому, что кучер, съехав с дороги, наскочил на заметённый снегом пень и сломал копыл [44].

— Бог в помощь, пан Антось! — поприветствовал Арсен кучера. Тот, насыпав коням овса в торбы, ловко орудовал топором. — Сломался?

— Сломался, — неохотно буркнул кучер. — Откуда пан узнал, как меня звать?

— Я все знаю, — улыбнулся казак и кивнул на будку: — Пан там?

— Эге. Как залез, носа не показывает...

— Ну, мы с ним по душам поговорим, а ты знай своё — помалкивай!

Оставив озадаченного Антося раздумывать над этими словами, Арсен и Спыхальский бросились к саням, откинули войлочный полог.

Посланец мирно спал, укрывшись тяжёлым бараньим кожухом.

Арсен взвёл курок пистолета, а Спыхальский без церемоний стащил со спящего кожух, толкнул его в бок.

— Эй, пан, будет спать! Приехали!

Тот заморгал сонными глазами — и замер, с перепугу лишился языка.

— Бумаги, пан! — приказал Арсен, вытаскивая из-за пояса посланца два заряженных пистолета.

Тот что-то залопотал по-французски и, зажмурив глаза, весь съёжился. Он, видимо, решил, что его сейчас убьют.

— Да ты не бойся! — сказал Арсен, ему неприятно было видеть смертельный страх в глазах нарочного. — Нам нужны только твои бумаги. Понимаешь, бумаги! Письма посланника де Бетюна. Где они?

Француз наконец понял, чего от него хотят.

— Ах, пожалуйста, — перешёл он на польский. — Бумаги?.. Они вот здесь. — И показал на небольшой кожаный чемоданчик в углу.

вернуться

Копыл (укр) — брус, соединяющий полозья с кузовом саней, обычно этих брусьев четыре или шесть.

Арсен порылся в нем. Действительно, там были какие-то записки. Одни — на латинском языке, другие — на французском. Однако на секретные письма это не было похоже.

— А тут что? — Спыхальский запустил руку французу за пазуху и вытащил кошелёк.

— О святая Мария! — воскликнул француз. — Там деньги! Пусть пан убедится, ей-богу, не вру!

Спыхальский заглянул в кошелёк — там и вправду блестело золото. Он перекинул кошелёк из правой руки в левую, зажал его в ладони и с ещё большим азартом стал шарить по карманам и за пазухой француза.

Посланец попытался сопротивляться. Тогда пан Мартын, зло встопорщив усы, схватил его за горло и слегка прижал.

— Что, пан щекотки боится? Не бойся — не девица!

Где-то глубоко под шубой его пальцы вдруг нащупали тугой бумажный свёрток. Пан Мартын вытащил его и ткнул французу под нос:

— Это что?.. Тоже деньги?

Француз дёрнулся, замотал головой и бессмысленно вытаращил глаза.

Спыхальский протянул находку Арсену.

— Ну-ка, глянь, брат, не это ли мы ищем?

И тут посланец сполз с саней и упал на колени:

— То, то, панове... Это письма посланника и пана Морштына... Но я ни в чем не виноват! Не убивайте меня! Умоляю вас... Видите, я сам сознался...

— Как же — сам!.. — с издёвкой произнёс пан Мартын.

Арсен развернул свёрток. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это письма де Бетюна королю Людовику и сенатора Морштына — секретарю министерства Кольеру, написанные по-латыни.

— Все, пан Мартын, можем отправляться назад.

Спыхальский взял перепуганного француза за шиворот.

— Что с ним делать? Может, стукнуть хорошенько по дурной башке, чтоб богу душу отдал?

— Не нужно, Панове! Не убивайте! — взмолился француз.

Арсен, немного подумав, сказал:

— Пускай себе едет, пан Мартын! Не будем брать грех на душу.

Спыхальский отпустил. Француз поднялся на ноги, стал рассыпаться в горячих благодарностях. Потом вдруг напыжился и спросил:

— А деньги?

— Какие деньги?

— Мои... Те, что у пана в руке! Как я без них доберусь до Парижа?

Спыхальский с нескрываемым сожалением подбросил в руке увесистый кошелёк. Видно было, что ему никак не хотелось с ним расставаться. Лицо его стало багроветь.

— Ах ты, пся крев! Вместо благодарности ты ещё и деньги вымогаешь? Мало тебе, что жив остался, бездельник!

— Отдай, пан Мартын! Мы не воры! — поморщился Арсен, а француз сказал строго: — Мы даруем пану жизнь и даём возможность выехать из нашей страны. Пускай только пан не мешкает и не вздумает вернуться в Варшаву, чтоб уведомить де Бетюна о том, что случилось... Если пан так сделает, тогда пусть на себя пеняет! Счастливого пути пану!

— Мерси, — обрадованно пробормотал француз, пряча кошелёк в карман.

8

Январский день, в который королю предстояло выступить на всеобщем сейме, выдался морозным. С Вислы напал холодный туман, укрывая Варшаву седой пеленой.

На площади перед зданием сейма, в боковых улицах и глухих переулках стояли кареты и сани магнатов. Фыркали, хрупая сеном и овсом, лошади. Слонялись замёрзшие пахолки и кучера.

К парадным дверям сейма торопились припорошенные снежком и густо покрытые инеем запоздавшие послы [45].

Звенигора и Спыхальский быстро пробрались к левому крылу дворца и трижды постучали, как им было сказано, в малозаметную маленькую дверь.

Их ждали. Дверь тут же открылась — и на пороге возник со своей неизменной улыбкой секретарь короля.

— Пожалуйста, панове! — сказал он после приветствия. — Поторопитесь. Пан круль ждёт вас с нетерпением.

Таленти повёл их полутёмными переходами в глубину просторного дворца. Арсен и пан Мартын едва поспевали за ним. Наконец, где-то на втором этаже, секретарь остановился, пропуская их в высокие двери.

— Прощу сюда, панове! — Сам он остался в коридоре.

Друзья сделали несколько шагов вперёд и оказались в королевских покоях, обставленных белыми шкафами с книгами. На стенах висели картины. А ниже, под ними, — щиты, сабли, мечи и другое оружие.

Ян Собеский, в парчовом малиновом кунтуше, подпоясанный тонким цветным поясом, с богато инкрустированной саблей на боку, стоял у окна и сквозь полузамёрзшие стекла смотрел на заснеженную Варшаву. Услыхав скрип двери, король резко повернулся и быстро, насколько позволяла ему полнота, пошёл к шляхтичам, вытянувшимся у порога.

— Наконец-то! День добрый, панове! Я уже перестал надеяться, что вы придёте вовремя... Ну как — успешно?

— Да, ясновельможный пане круль! — Спыхальский выпятил грудь и не сводил взгляда с Собеского. — Мы с панам Комарницким перехватили курьера французского посланника де Бетюна к королю Людовику и привезли его письма, а также письма главного казначея Морштына секретарю министерства в Париже пану Кольеру. Добыли и последнее письмо сенатора, которое он не успел передать французскому посланнику...

Лицо Собеского вспыхнуло радостью.

— Давайте их сюда!

Спыхальский достал из-за пазухи два свёртка и с поклоном протянул королю.

— Вот они, ваша ясновельможность!

Собеский поспешно развернул пакет, разложил на столе желтоватые, густо исписанные листы бумаги и впился в них прищуренными глазами, забыв сейчас и про сейм, и про шляхтичей, стоящих за спиной. Только по тому, как потирал король руки и шевелил усами, можно было догадаться, насколько он рад.

Не отрываясь от письма, спросил:

— Вы это читали?

— Да, — тихо ответил Спыхальский, не осмеливаясь соврать королю.

— Но здесь же написано по-французски и по-латыни!

— Пан Комарницкий, прошу прощения у пана круля, знает латынь так же хорошо, как я польский...

Собеский ничего на это не ответил. Дочитав до конца, порывисто прошёлся по пышному ковру, решительно рассёк рукою воздух, остановился перед Спыхальским и Арсеном.

— Благодарю, панове! Это поможет мне сейчас выиграть битву с внутренними врагами Речи Посполитой, а потом, верю, — и с турками... С этими письмами я могу смело идти в сейм. Карта пана Морштына и его французских друзей будет бита! В этом я ничуть не сомневаюсь. Ещё раз благодарю вас, панове!

— Если ясновельможный пан круль так добр, то пусть он позволит нам побывать на сейме, — поклонился Спыхальский.

— Хорошо. Мой секретарь проводит вас. Я ему скажу.

Король торопливо сложил письма в зеленую сафьяновую папку и направился к дверям. В эту минуту, судя по выражению лица, ничто на свете его не интересовало, кроме одного — как положить на лопатки ненавистную ему французскую партию в сейме. Однако, проходя мимо

секретаря, он на ходу бросил ему несколько слов, и тот подал Арсену со Спыхальским знак следовать за ним.

Большой зал, где заседал сейм, был полон до отказа. Друзья остановились возле окна, между колоннами.

Внезапно послышались рукоплескания: в зал вошёл Ян Собеский в сопровождении маршалка [46] сейма.

После горячих, бурных речей, острых споров между сторонниками австрийской и французской партий на сеймиках и в первые дни всеобщего сейма, заканчивавшихся едва ли не вооружёнными стычками, все ждали, что скажет король.

Аплодисменты стихли, наступила тишина. Но ощущалось, что эта тишина перед бурей. Все видели, как группировались и пробирались вперёд заговорщики — главный казначей Морштын, братья Сапеги, коронный гетман Яблоновский и те, кто их поддерживал. Становилось очевидным, что они готовятся дать решительный бой Собескому. И если бы им повезло и за французской партией пошло большинство, это могло означать не только то, что Речь Посполита не поддержит Австрию в войне с Портой, но и то, что нынешний король, вероятно, потеряет корону. Не случайно в последнее время поползли слухи, что французская партия прочит на престол Станислава Яблоновского. Не случайно и сам коронный гетман сегодня, как и в предыдущие дни заседания сейма, был необычайно предупредителен со всеми, здоровался за руку и с крупными магнатами, и с теми, кого раньше вовсе не замечал.

вернуться

45

Посол (польск.) — депутат.

вернуться

46

Маршалок (польск.) — председатель сейма.

Сейчас он стоял посреди зала, где проходила незримая граница между заговорщиками и сторонниками Собеского, словно подчёркивая этим свою способность объединить всех и повести за собой.

Арсен легонько подтолкнул Спыхальского локтем.

— Глянь, каким гоголем держится, — прошептал он, имея в виду коронного гетмана. — Ещё, верно, и в мыслях не допускает, что письма посланника и главного казначея в руках короля!

— Холера ясная, представляю, как он запоёт, когда узнает об этом! — откликнулся Спыхальский. — Вот будет катавасия, когда пан круль вытащит эти письма и сунет им под самый нос! А?

— Тс-с-с! — зашипел Арсен, заметив, что на них начали оглядываться. — Кажется, пан круль собирается говорить.

Действительно, маршалок сейма объявил, что перед послами выступит король.

В полной тишине Собеский взошёл на трибуну. Быстрым взглядом окинул пёстро разодетых шляхтичей, открыл сафьяновую папку.

— Панове послы, на сейме существуют два мнения относительно нашего вступления в войну против Турции. Вам предстоит сейчас решить, должна ли Речь Посполита принять участие в Священной лиге и совместно с Австрией, Венецией и немецкими княжествами разгромить нашего извечного врага — султанскую Порту или же, наоборот, отказаться от участия в общей борьбе и ждать, пока турки перебьют нас поодиночке. Но прежде чем вы подадите голоса, я хочу ознакомить вас с любопытными письмами, которые имеют прямое отношение как к обсуждаемому сейчас делу, так и к отдельным лицам, находящимся среди вас. — Король выдержал паузу и посмотрел на передние ряды, где сидели заговорщики. От него не укрылось беспокойство, мелькнувшее в глазах Морштына. Голос Собеского загремел: — Это, панове, письма великого подскарбия сенатора Морштына в Париж, к секретарю министерства Кольеру. В них он прямо говорит, что постоянно доносит французскому посланнику при нашем дворе де Бетюну о ходе переговоров между Речью Посполитой и Австрией, а также обо всем, что происходит в Польше. Есть также сопроводительное письмо пана де Бетюна, в котором он сообщает своему правительству о том, что ему удалось подкупить некоторых послов сейма и что, имея достаточно денег, он мог бы на этом пути достичь гораздо большего успеха...

По залу прокатился грозный гул возмущения. Послышались возгласы:

— Позор! Позор!

Морштын подскочил с места, лицо его налилось кровью.

— Неправда! Я не писал таких писем!

Яблоновский пылающим взглядом синих, сейчас потемневших глаз молча испепелял короля. Постепенно лицо его покрыла смертельная бледность.

Собеский же, услышав возглас Морштына, тоже покраснел от захлестнувшего его гнева, но сдержал себя.

— Вот рука пана Морштына. Он пишет: «В кабинете большинство за вступление в лигу, но мы разобьём их на сейме!» Теперь становится понятно, почему так горячо выступал пан Морштын за союз с королём Людовиком и против договора с Австрией. Ненавидя меня, он долгое время на сеймиках лестью, хитростью, обманом вербовал себе союзников и перетянул на свою сторону братьев Сапег, коронного гетмана Яблоновского и ещё кое-кого. Говорят, что великий подскарбий обещал при помощи французского двора возвести на польский престол вместо меня Станислава Яблоновского...

Зал загудел, как растревоженный улей.

— Позор! Позор! — вновь раздались крики.

Яблоновский совсем растерялся, в волнении до крови кусая губы.

Король подождал, пока наступит тишина.

— Не знаю, что и думать про эти письма, — в раздумье произнёс он, будто и впрямь колебался, какое решение принять. — Понятно, что Морштын и ему подобные дали себя подкупить. Но я

не понимаю, как Сапеги, эти патриоты Речи Посполитой, продали свою верность в такой тревожный момент для отчизны... в такое тяжёлое время.

Братья Сапеги разом вскочили. Старший воскликнул:

— Пане круль, Панове послы! Сапеги — рыцари чести! Мы могли ошибиться, но продаться — никогда! Слово чести!

— Я верю вам, потому что давно знаю вас как истинных рыцарей, — тут же ответил Собеский, радуясь тому, что удачным ходом удалось сразу отколоть от заговорщиков таких влиятельных магнатов, как Сапеги. — Ошибка в вину никому не ставится...

Сапеги сели. Зал глухо рокотал.

Собеский снова выждал, когда восстановится тишина и улягутся страсти. Потом, глядя на коронного гетмана, повёл речь дальше.

— Также мало я верю в то, что Яблоновский помышлял о короне, изменял своему королю и отчизне... Я давно знаю пана Станислава как опору нашего трона и Речи Посполитой и не могу поверить в лживые слова де Бетюна, что пан Станислав дал согласие на это, а также в то, что ему удалось подкупить некоторых послов сейма. Оскорбляет нас де Бетюн, изображая нашу нацию продажной, без верности и чести. Нет, панове, кто бы что ни говорил, мы не такие!

Гром одобрительных возгласов и рукоплесканий всколыхнул зал. Первым вскочил с места и хлопал громче всех коронный гетман Станислав Яблоновский. На его бледном лице начал появляться слабый румянец. Он понял, что спасён от бесчестья и кары и что спасает его своим великодушием не кто иной, как сам король.

— Слава крулю Яну Собескому! Виват! — взревели горластые братья Сапеги.

— Виват! Виват! Нех жие!

— Виват! Нех жие!

Собеский поднял руку. Продолжил:

— Как известно, турки готовятся к войне. Более того, верные люди сообщили, что султан уже выступил с большим войском в поход на Австрию и находится по дороге на Белград. Вот я и спрашиваю вас: если падёт Вена, то какая держава спасёт Варшаву? Помогая Австрии, мы поможем себе! Защищая Вену, наши жолнеры будут защищать свою отчизну!

Зал ответил сочувственным гомоном. Все понимали справедливость слов короля, и опровергнуть их никто уже не мог.

И только Арсен, стоя со скрещёнными на груди руками и глядя на растревоженный зал, на счастливого, возбужденного победой Яна Собеского, с горечью думал: «Но почему же, пан король, ты не говорил этих слов, когда в Варшаву приезжали послы московского царя, чтобы заключить соглашение о совместной борьбе с турками? Почему противился такому соглашению? Иль не хватило тогда тебе разума, предусмотрительности и смелости, вопреки Ватикану, пойти на союз с Россией?.. Будь тогда такое соглашение — не посмели бы Ибрагим-паша и Кара-Мустафа бросить свои орды под самый Чигирин, не смогли бы дойти до самого Днепра, не лежала бы в руинах половина украинских земель, не сложили б головы тысячи и тысячи русских стрельцов и украинских казаков... Много лет подряд мы одни противостояли

нашествию и, хотя с большими утратами и трудностями, выстояли! А как не хватало нам тридцати или двадцати тысяч польских жолнеров, чтобы окончательно разгромить врага. Чтобы на долгие годы, а то и навсегда отбить у султана охоту зариться на чужую землю. И возможно, теперь не нависла бы смертельная опасность над Веной и Варшавой!..»

Думая так, Арсен молча смотрел на вельможное панство, которое перед лицом грозной опасности, казалось, начало забывать свои ссоры и разброд, на короля, которому никак не удавалось призвать сейм к тишине, на сникшую фигуру сенатора Морштына.

Наконец бурное проявление патриотических чувств постепенно улеглось. Шляхтичи вновь уселись на скамьи. Король, разгладив твёрдыми толстыми пальцами пряди чёрных волос и пристально глядя в сторону оппозиции, опять загремел зычным голосом, придав ему трагически-торжественный оттенок:

— Верю, что пан Яблоновский, паны Сапеги и все, кто дал обмануть себя хитрому и коварному сенатору Морштыну, готовы хоть сейчас вдеть ногу в стремя, чтобы выступить на защиту Речи Посполитой, а если понадобится, не пощадят за неё ни своей крови, ни своей жизни! И все мы к этому готовы!

Снова неистовый гром аплодисментов пронёсся от края до края зала. Аплодировали даже заговорщики, кроме Морштына. И прежде всех — братья Сапеги с Яблоновским.

— Холера ясная! — ругнулся вполголоса Спыхальский и указал взглядом на коронного гетмана. — Ты видел, брат, такое лицемерие? Будь я сукин сын, если это искренне! Нет, хитрый лис понял, что тут запахло жареным. Разом отступился от Морштына, спасая свою шкуру.

— Этому способствовал сам король, — ответил Арсен. — Он пошёл на все, только бы расколоть заговорщиков и перетянуть на свою сторону всех, кого можно. Морштын остался один, как перст, и похоже, что не сносить ему головы.

Тем временем отовсюду стали раздаваться крики:

— Расследовать дело с подкупом!

— Раскрыть заговор!

— Покарать заговорщиков!

Собеский поднял обе руки, прося тишины, а когда возгласы улеглись, сказал:

— Нет, панове, я считаю, что сейчас ни к чему расследовать это дело. Оно ясно. Во всем виновен один главный казначей и сенатор Морштын, за что я лишаю его этих высоких званий, ибо он не достоин носить их. И места среди шляхетства ему нет! Так пускай едет к своему любимому королю Людовику во Францию и живёт там, как ему заблагорассудится!

— Правильно! Банитовать! [47] Выгнать его! — поддержали короля послы. — Пусть сразу же убирается отсюда! Он не достоин сидеть рядом с нами!

Морштын встал и, сгорбившись, не поднимая головы, медленно побрёл к выходу. Ни один из его недавних сообщников не посмотрел сочувственно в его сторону, не проронил доброго слова. Когда за ним закрылись двери, Собеский, окинув взглядом притихший зал, произнёс негромко:

— Будем считать, что отныне у нас нет французской партии, как нет и австрийской. Есть польское шляхетство, которое заботится только о благоденствии и безопасности отчизны... — Эти слова были прерваны восторженными возгласами. Переждав минуту, Собеский совсем другим тоном обратился к сейму: — Панове послы, по договору с императором Леопольдом, который мы подпишем в самой ближайшее время, мы должны выставить сорок тысяч войска. Сейм сейчас решит, где взять деньги, чтобы нанять и снарядить такое количество воинов. Государственная казна пуста. Четверти доходов короля едва хватает для того, чтобы у меня была личная охрана, не говоря уже о содержании кварцянго войска [48]. Остаётся два источника, откуда мы можем черпать средства, — повысить налоги на крестьян или раскошелиться самой шляхте...

Зал снова загудел. Возмущение и раздражение чувствовались в том гуле. Видимо, последние слова короля не понравились депутатам, послышались негодующие выкрики, сначала чуть слышно, а затем все громче и громче:

— Шляхта совсем обеднела!

— Увеличить подушную на холопов!

— Набрать войско на Украине! Нанять казаков!

— Правильно! Послать комиссаров на Украину, пусть наберут казаков! Они пойдут воевать за одни военные трофеи!

Арсен с Мартыном многозначительно переглянулись. Они видели, как сморщилось, будто от зубной боли, одутловатое, подагрическое лицо Собеского. Король, очевидно, надеялся, что шляхта единодушно поддержит его и вывернет карманы, а на поверку вышло, что шляхтичи сразу начали искать, на кого бы свалить все тяготы войны.

— Пойдём отсюда, пан Мартын, — шепнул Арсен. — Сейм посмотрели. Разгром французской партии — тоже. Что нам ещё нужно? Пусть теперь послы решают, где взять войско и деньги, чтобы оплатить его... А мне пора ехать — дорога-то далёкая!

Спыхальский кивнул ему в ответ.

Ещё раз взглянув на Собеского, поднятой рукой успокаивающего возбуждённых шляхтичей, друзья незаметно, за колоннами, выскользнули из зала.

ЗНАМЯ ПРОРОКА

1

Все султанское войско — полки янычар, отряды спахиев, акынджиев, крымская орда, воины Афлака и Богдана [49], волонтеры Текели — весной 1683 года было стянуто к Белграду. Кажется, такой силы не выставлял ещё ни один султан. Только коней сто тысяч, более двадцати тысяч волов и верблюдов, которые тащили сотни пушек и возов с порохом, ядрами и провиантом, а воинам, ездовым и счета не было!..

Утром первого мая войска выстроились на обширном майдане [50] перед дворцом белградского бейлер-бея [51].

Ждали выхода султана.

Всем было известно, что именно сегодня начинается настоящий поход, настоящая война.

В это время от наплавного моста, наведённого через Дунай, послышался стук копыт. На взмыленном гнедом коне мимо войска промчался усталый, запылённый всадник. Он едва держался в седле, но быстрый взгляд серых глаз, скользнувший по бесчисленным рядам воинов, и плотно сжатые запёкшиеся губы свидетельствовали о необыкновенной внутренней силе этого человека, о необычайной его выносливости.

Перед дворцом всадник остановился. Неуверенно ступил на землю. К нему кинулись чорбаджии. Кто-то взял коня. Кто-то поддержал прибывшего. Он бросил несколько резких слов близстоящим, и по толпе чорбаджиев, собравшихся у входа, прошелестело:

— Дорогу чаушу! Дорогу чаушу великого визиря!

Чауш отряхнул пыль с одежды и шагнул к крыльцу. Навстречу ему, расталкивая старшин, устремился стройный, в дорогой одежде чауш-паша.

— Асен-ага! Ты?! — И обнял гонца.

— Я, Сафар-бей...

Это был Арсен Звенигора. Похудевший, обветренный и тёмный, с запавшими щеками и давно не бритым лицом. По всему было видно, что далёкая дорога отняла у него много сил.

— Откуда?

— Из Камениче... С письмом к великому визирю.

— Пошли. — Сафар-бей первым направился к дворцу.

Все расступались, давая им дорогу.

Когда стражник пошёл докладывать и в просторной приёмной они остались одни, Сафар-бей быстро спросил:

— О чем письмо?

— Это донесения турецких лазутчиков из Польши. Но, думаю, теперь они не повредят ни Польше, ни Австрии — я сделал все, чтобы привезти их как можно позднее... А что со Златкой?

— Она здесь.

— Значит, освободим её! — обрадовался Арсен.

Сафар-бей тронул его за предплечье.

— Тс-с-с! Не кричи! У стражников тоже есть уши. Кара-Мустафа взял её, как и многих одалисок, с собою в поход. Это у них принято: так делает султан, так делают визири и паши. Но сейчас невозможно освободить Златку...

— Почему?

— Да потому что мы сегодня, даже сейчас выступаем. Скрыться незамеченными нам не удастся. Нас сразу схватят... Пошли! За нами уже идут.

Капуджи провёл их в небольшой зал, где перед позолоченными дверями стояли несколько пашей и старших чорбаджиев. Показал рукой на дверь.

— Зайди!

Арсен шагнул вперёд и, увидев на противоположной стороне великолепного зала султана в окружении визирей и пашей, упал на колени.

— Вести из Ляхистана, о великий повелитель правоверных! — произнёс хрипло, доставая из-за пазухи тугой свиток.

Султан скосил глаза на Кара-Мустафу. Едва заметный кивок головы визиря — и ему подали, выхватив из рук чауша, донесение.

Кара-Мустафа узнал руку каменецкого паши Галиля.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Магомет.

Великий визирь дочитал послание. Сказал громко:

— Король Ляхистана Ян III в присутствии членов сената и многих депутатов сейма в последний день первого весеннего месяца подписал договор с Австрией... Ляхистан обещает выставить сорок тысяч войска. Главнокомандующим станет либо император, либо король — в зависимости от того, кто из них во время кампании будет при войсках...

— Значит, Ян Собеский добился своего, — задумчиво произнёс султан. — Конечно, сераскером гяуров будет он... Леопольд слишком труслив, чтобы возглавить войско. Но мы должны не допустить объединения их сил и разгромить Леопольда до прихода Собеского! Что думает об этом великий визирь?

Кара-Мустафа махнул чаушу рукой, приказывая выйти, а потом поклонился султану.

— Устами падишаха говорит сам пророк! Мы разобьем их поодиночке! Хотя сил у нас достаточно, чтобы разгромить и объединённое войско гяуров, рисковать не следует. Думаю, Собеский подойдёт к Вене не раньше осени. До этого времени мы овладеем столицей Леопольда, а потом всеми силами нападём на короля Ляхистана и приведём его на аркане в Стамбул!

вернуться

47

Банитовать (польск.) — объявить вне закона, изгнать.

вернуться

48

Кварцянное войско — наёмное войско польских королей XVI —XVIII вв. Название произошло от стоимости содержания его — четверти (кварца (польск) — четверть, четвёртая часть) доходов короля.

вернуться

49

Богдан — турецкое название Молдавии того времени.

вернуться

50

Майдан (араб.) — площадь.

вернуться

51

Бейлер-бей (тур.) — наместник султана, правитель области.

Султан одобрительно качнул головой.

— Инч алла! [52] Да-да, сила у меня великая! Её вполне хватит, чтобы смести с лица земли и Австрию, и Ляхистан, и Венецию, и немецкие княжества... Я полагаю, что мне нет надобности далее оставаться с войсками. Звезды неблагосклонны ко мне сейчас, и было бы глупо не считаться с ними. Я возвращаюсь в Стамбул с надеждой на полную и окончательную победу, которую я обеспечил тем, что собрал небывало огромное войско!

— Да, да! — закивали головами визири и паши.

— Я передаю всю полноту власти над войском великому визирию и приказываю: сегодня же, немедленно выступить на Вену, чтобы взять её как можно скорей!

— Мы положим её к ногам падишаха мира! — низко поклонившись, торжественно пообещал Кара-Мустафа, едва сдерживая бурлившую в груди радость.

Внешне он был спокоен, но сердце бешено колотилось. Сбывается его заветная мечта! Он — сердар! Главнокомандующий такого войска, которое принесёт ему и славу на века, и почести, и богатство монарха при жизни! На гребне побед он вознесётся к вершине власти, осуществит все, что задумал.

«О аллах, помоги мне, рабу твоему, победить неверных, и я клянусь — половину гяурского мира своей саблей обращу в ислам, а другую половину истреблю до седьмого колена!»

Султан поднялся.

— Коня мне! Я хочу выехать к войскам. Вынести священное знамя пророка!

И вот живописная процессия двинулась на майдан.

Завидев султана на белом коне, пушкари на стенах Белградской крепости выстрелили залпом из всех крепостных пушек.

Вздрыгнула земля, страшный грохот сотряс все строения города.

Заиграли рожки, зарокотали тулумбасы. От края до края прокатились здравицы, повторяемые десятками луженых глоток чаушей: «Слава падишаху вселенной! Слава наместнику аллаха!» А следом за ними над войсками взвился протяжный, как волчий вой, клич: «Уй я уй!»

На возвышении, специально сделанном для этого случая, султан остановил коня. За ним полумесяцем выстроились паши во главе с Кара-Мустафой.

— Воины! — обратился султан к войску, и горластые чауши разнесли его слова по всему майдану. — Настало время вступить в земли страны Золотого Яблока! Богатейшие города падут к вашим ногам, и вы возьмёте в них все, что захотите. Урожайные нивы и плодоносные сады дадут вам хлеб, овощи, фрукты. Бесчисленные отары овец обеспечат мясом, а лучшие в мире мастера сошьют вам дорогие одежду и обувь... Смело идите вперёд, и вы вернётесь домой, увенчанные славой и перегруженные добычей! Там вы возьмёте рабов, которые будут трудиться на ваших полях, пасти ваш скот и доить ваших кобылиц. Там вы найдёте рабынь, которые станут украшением ваших гаремов. Вперёд, непобедимые воины! Пусть аллах наполнит сердца ваши мужеством, защитит вас от вражьей пули и вражьей сабли!

— Уй я уй! Уй я уй! — раздался над городом грозный клич. — Алла! Алла!

Султан подал пальцем знак, и ему мгновенно поднесли на бархатной подушке инкрустированный золотом и самоцветами ларец. Он вынул из него ярко-зеленое знамя с вышитыми канителью [53] полумесяцем и изречениями из корана и поднял над собой. В

другую руку ему подали тяжёлую, тоже отделанную золотом книгу.

Над майданом повисла гробовая тишина. Знамя пророка! Священный коран! Святыни, которые следует защищать не щадя жизни!

— Воины! — снова прозвучал голос Магомета. И чауши опять, как эхо, вторили ему. — Знамя пророка поведёт вас на подвиги, укажет путь к великим победам! Сегодня я вручаю его нашему великому визирю, пятибунчужному паше Асану Мустафе, и пусть каждый знает, что отныне он — сераскер. Его воля, его приказ — это воля и приказы вашего падишаха!

Кара-Мустафа подошёл с низким поклоном, взял знамя и коран, высоко подняв их над головой, изо всех сил воскликнул:

— Воины! Слава нашему падишаху! Слава наместнику аллаха на земле! Слава властелину всего мира! Вперёд, на гяуров!

— Уй я уй! Уй я уй! Алла! Алла! — ответило войско.

Загрохотали барабаны, заиграла музыка. Зазвучали команды во всех концах площади.

Всколыхнулись, как море, полки янычар. Затрепетали флажки на копьях спахиев. Отряд за отрядом во главе с алай-беями [54] отправлялись в поход. На запад! На неверных!

2

— Ты как хочешь, а я должен повидать Златку! Чего бы мне это ни стоило. Узнать, где она живёт, в какой клетке тоскует, — сказал Арсен, выйдя от султана и вновь оказавшись в объятиях Сафар-бея.

— У нас очень мало времени. Войска уже готовы выступить.

— Ничего. Нам хватит одного часа... Ну я прошу тебя, брат!

Сафар-бей задумался. Потом решительно махнул рукой.

— А-а, ну да ладно. Идём!

Они вышли из дворца, сели на коней и, миновав Белградский замок, возвышавшийся над городом, повернули вниз, к Саве.

Сафар-бей показал на красивую мечеть.

— Видишь? Построена Кара-Мустафой... Внутри ещё работают маляры... Дальше, за нею, его дом.

Арсен безразличным взглядом скользнул по мечети, по белому дворцу, утопающему в буйной весенней зелени. Он был смертельно утомлён недавней дорогой, и сейчас ему хотелось лишь спать, но прежде — увидеть Златку...

— Она там? — казак кивнул на дом Кара-Мустафы.

— Там, там... Голова раскалывается, но никак не могу придумать разумного и убедительного повода, чтобы капуджи пропустили нас.

— А ты не думай. — Арсен достал из кармана золотой перстень с алым камнем. — Скажешь: великий визирь приказал передать одалиске, поскольку сам не имеет возможности сделать это... Вот тебе и причина. Как чауш-паша ты здесь, надеюсь, всем известен?

— Да, это так, — не очень уверенно проговорил Сафар-бей. — Но когда дознается Кара-Мустафа...

— Сейчас ему некогда, предстоит большая война! — Голос Арсена наполнился металлом. — Уж я-то постараюсь, чтобы он с неё не вернулся!

Сафар-бей хотел что-то ответить, но, заметив горькие складки на помрачневшем лице Арсена и сухой блеск в его глазах, промолчал. Ему стало нестерпимо жаль друга, который вот уже много лет, не имея покоя, мечется по белу свету как неприкаянный.

Они остановились у коновязи. Привязали лошадей.

Капуджи в воротах знали Сафар-бея. Не допытываясь, посторонились, впуская их.

Посыпанная золотистым песком дорожка привела друзей к двухэтажному дворцу. Могучие деревья окружали его с трех сторон, а перед фасадом расстелился зелёный лужок, посреди которого красовалась клумба с ранними весенними цветами.

Сторож при входе, безбородый дебелый евнух, оказался неумолим.

— Нельзя! — сухо сказал он, с подозрением поглядывая на обросшее колючей щетиной лицо Арсена.

— Тогда вызови кизляр-агу Джалиля! — начал сердиться Сафар-бей.

— Мне не разрешено отлучаться, ага.

— Но мы торопимся!

— Это меня не касается, ага. Войти в гарем никто не может! Что нужно передать — я передам! — И он плотно закрыл дверь.

Друзья переглянулись. Что делать? Арсена душила злоба. Он готов был стукнуть евнуха саблей по голове. Но доводы разума перевесили: достаточно малейшего крика — отовсюду сбегутся, как дикие псы, капуджи и скрутят их в бараний рог... Погибнув сами, они и Златку обрекут на вечное рабство!

Арсен отошёл к клумбе, посмотрел на дворец. Где-то там, за его стенами, Златка. Но где? За какими окнами? За какими решётками?

И вдруг его осенила мысль: «А что, если подать Златке знак?»

Он засвистел мотив украинской песни, которая вот уже лет тридцать, слетев с уст певучей полтавчанки Маруси Чурай, тревожила сердца людей и обретала все новых и новых почитателей. Эту песню очень любила Златка. Они вместе пели её.

Засвіт встали козаченьки

В похід з полуночі.

Виплакала Марусенька

Свої ясні очі.

— Ты что, ума лишился?! — опешил Сафар-бей.

вернуться

52

Инч алла (тур.) — возглас мусульман, означающий: «Так угодно аллаху!»

вернуться

53

Канитель — тонкая витая нитка из золота или серебра для вышивания.

вернуться

54

Алай-бей (тур.) — полковник.

— Будь я проклят, если эта песня не заставит Златку выглянуть во двор. — И Арсен снова засвистел.

Почти сразу же в одном из окон взвилась занавеска и появилась Златка. Смертельная бледность покрывала её щеки. Казалось, она, не задумываясь, выпорхнула бы из своей темницы и упала любимому на грудь, не будь железных прутьев решётки.

— Арсен! — вскрикнула девушка приглушённо. — Ненко!

Этот крик словно хлестнул Арсена. Он рванулся вперед. Но могучая рука Сафар-бея остановила его.

— Ты обезумел, Арсен! Сейчас евнух поднимет крик! — Он сжал его руку так сильно, что Звенигора захрипел от боли.

Евнух выглянул из двери, тяжело помигал воловьими веками, но спросонок не понял, что произошло во дворе.

Арсен с жадностью смотрел на осунувшееся личико Златки, лихорадочно думая, не попытаться ли сейчас, когда Кара-Мустафа с многочисленной охраной вдалеке, освободить девушку? Но здравый смысл подсказал, что надежды на удачу нет никакой. Великий визирь оставил достаточное количество капуджи и слуг, чтобы защитить дворец от всяких неожиданностей.

Сафар-бей, угадав, о чем думает друг, тихо сказал:

— Не делай глупостей, Арсен! Мы ещё вернёмся.

Арсен громко, так, чтобы услышала Златка, — эти слова предназначались для неё, — ответил:

— Да, мы ещё вернёмся! Жди! — И тихо-тихо добавил: — Любимая моя!

Златка прикрыла веки, показывая, что услышала и поняла все; по её бледным щекам катились слезы.

Занавеска дрогнула, медленно опустилась, скрыв печальное лицо девушки.

Только через час друзья догнали за городом войско, переправлявшееся через Саву. Арсен не без помощи Сафар-бея примостился на одном из многочисленных возов и сразу заснул.

3

Император Леопольд подошёл к походному столику, выпил бокал холодного, со льдом, красного вина, поданного слугой, вытер белоснежной салфеткой полные розовые губы и, прищурив от солнца голубые глаза, направился к группе генералов, которые почтительно ждали императора на зеленой лужайке.

На ровном широком поле, сколько мог охватить глаз, выстроились имперские войска — пехота, кавалерия, артиллерия. Сорок тысяч воинов!

Весело колыхались под дуновением лёгкого весеннего ветерка цветные знамёна полков, сверкала на лошадях начищенная до блеска сбруя; чёрными жерлами нацелились в небо пушки. Горнисты стояли наготове, чтобы трубным кличем оповестить всех: «Слу-у-шай! Император в войсках!»

На левом фланге — четыре тысячи наёмных воинов-поляков, приведённых князем Любомирским. Им за службу австрийская казна платила звонкой монетой.

Леопольду подвели коня, и он, ещё совсем не старый, но уже отяжелевший, с заметным усилием поднялся в седло. Одновременно с этим заиграли горнисты. Раздались команды. Затарахтели барабаны.

Всколыхнулись ровные квадраты каре и застыли, словно вытесанные из камня. Блестящая кавалькада придворных и генералов во главе с императором двинулась вдоль фронта.

Из Пресбурга (Братиславы), под стенами которого проходил этот парад, высыпали тысячи людей — посмотреть на необычное зрелище. С колоколен доносился мелодичный звон. Крепость салютовала залпом всех пушек.

Леопольд медленно ехал вдоль строя солдат, при его приближении громко кричавших: «Виват!», — а сам думал о своём. В его сердце кипели разноречивые чувства. Он был горд тем, что за короткий срок сумел собрать и экипировать такое большое войско. Но в то же время его одолевал низменный страх при одной мысли, что турецкое нашествие затопит Австрию раньше, чем ей на помощь придут король польский и немецкие курфюрсты.

Вялый и бездеятельный от природы, ещё не встретив врага, он уже боялся его. С грустью представил себя в роли главнокомандующего: повседневные тревоги и переезды, походы и бои, жизнь без привычной роскоши, окружавшей его в Вене, в императорском дворце... Нет, нет! Это не для него! Ему не нужна слава воина — ему нужен покой, нужна уверенность, что турецкая сабля или татарский аркан не коснутся его шеи, нужны мягкая перина и изысканная кухня, нужно, наконец, внимание молодой жены, императрицы Элеоноры...

Глядя на солдат и представляя, как много их через несколько дней или недель будет лежать здесь мёртвыми, император убеждал себя, что лучше всего немедленно, не ожидая нападения Кара-Мустафы, передать верховное командование войсками кому-нибудь другому, а самому пересидеть это беспокойное время в своей прекрасной благословенной Вене.

Но кому отдать предпочтение? Герцогу Аренбергу? Людовику Савойскому? Графу Штарембергу? Или генералу Капрари?

Нет, ни один из них не годится! Он выберет достойнейшего — герцога Карла Лотарингского, этого мужественного и опытного воина-француза, который поссорился с королём Людовиком и перешёл на австрийскую службу. Война — это его ремесло. Пусть он и руководит войсками! До тех пор, пока не прибудет Ян Собеский, который по договору должен быть главнокомандующим объединёнными силами коалиции. Если он победит — слава так или иначе достанется императору. А если проиграет кампанию — будет на кого свалить вину за поражение...

Раздумывая так и все взвешивая, Леопольд объехал полки и вдруг круто повернул назад. Свита была удивлена: это выходило из рамок церемониала.

А император тем временем остановился перед войсками, подозвал к себе Карла Лотарингского и громко, чтобы слышали не только генералы из свиты, но и солдаты с офицерами, сказал:

— Герцог, майн либер [55], я вручаю вам власть над моим войском. С этой минуты вы — главнокомандующий. В ваших руках — судьба империи!

Карл был поражён неожиданным назначением, но виду не подал. Склонил в почтительном поклоне голову.

— Благодарю за высокую честь, мой император! Все своё умение и свою жизнь я отдам вашему императорскому величеству!

— Виват! Виват! — неслоь над войсками.

Леопольд покровительственно похлопал знаменитого полководца по плечу. Потом отъехал с ним в сторону.

— Герцог, приказываю вам выступить с войсками к Нойхойзелю [56] и взять эту крепость, чтобы преградить путь туркам к нашей столице.

— Слушаюсь, мой император!

— А я сегодня отправляюсь в Вену... Желаю вам успеха, майн либер!

— Благодарю, мой император!

4

Они втроем сидели в краковском дворце: король Ян, королева Мария-Казимира и королевич Яков Собеский. Открытые окна выходили в сад. В просторное помещение вместе с потоком ярких солнечных лучей врывался аромат цветущих яблонь.

— Только что получил ещё одно письмо от императора Леопольда с заверением, что он отдаст свою дочь от первого брака за Якова, — сказал король. — Породнившись с императорским

домом, наш сын после меня получит полное право на польскую корону... Я — король выборный. Но стану родоначальником наследственной королевской династии Собеских. Польша должна наконец иметь сильную власть! Я отменю право «вето», по которому любой шляхтич-голодранец может своим единственным голосом отклонить самый лучший закон, я буду диктовать сейму свою волю. Если не удастся сделать это мне, сделаешь ты, Яков!

— Слушаюсь, папа! — церемонно поклонился юный Собеский. Слова он выговаривал на французский манер.

— Если мы сообща с Австрией и немецкими княжествами победим султана, эта победа безмерно укрепит моё положение в Польше и среди других стран. Никто уже не посмеет говорить тогда, что я, как двуликий Янус, одновременно смотрю в противоположные стороны и должен благодарить двух господ — короля Людовика за корону, которой увенчан будто бы по его милости, и папу римского как верный сын католической церкви...

— Пан Ян, не вспоминай Людовика, — возразила Мария-Казимира. — Ты ничем ему не обязан. Я не желаю и слышать о нем! Этот скряга пожалел для моего отца маркиза д'Аркена звания пэра Франции, а мне отказал в королевских почестях, когда я навещала свою прежнюю родину.

вернуться

55

Майн либер (нем.) — мой дорогой.

вернуться

56

Нойхойзель (нем.) — чешский город Нове-замки.

— Больше не буду, Марысенька, успокойся! — кротко согласился король, пожимая изящную ручку жены.

— Римскому папе нельзя и словечка напротив молвить, — вставил Яков, краснея, ибо получилось так, будто он поучает отца. Но старший Собеский сделал вид, что воспринял слова сына как должное, и это приободрило Якова. — К тому же папа римский прислал деньги, чтобы мы могли нанять казаков...

Собеский оживился. Глаза его заблестели.

— Благодарю, Яков. Ты напомнил мне, что нужно проверить, отправились ли наши комиссары на Украину. — И он позвонил в маленький серебряный колокольчик.

Вошёл Таленти, как всегда, аккуратно подстриженный, надушённый, в прекрасно сшитом костюме. С почтением поклонился. Собеский знал, что Таленти — папский ставленник, обо всем доносит Ватикану, но терпел его. Сёкретарь даже нравился ему своей опрятностью, старательностью и... преданностью. По-видимому, таков был приказ иезуитов — во всем помогать королю.

— Таленти, что слышно от Менжинского? Добрался ли он уже до Сечи?

— Мой наияснейший король, Менжинский отправился на Украину вместе со своей свитой. Мне известно, что он намерен побывать в Фастове, Немирове, Корсуни и других городах Правобережья. А в Сечи будут наши комиссары — паны Порадовский и Монтковский... Последнее известие от них пришло из Корца... Мы очень надеемся на казаков. Они так обеднели, что за деньги пойдут на край света!

— Не только за деньги, пан Таленти, — мягко возразил король. — Я знаю казаков: с турками они готовы драться и даром, уж больно они их допекли... Но конечно, от платы и военной добычи не откажутся. Я тоже рассчитываю на них. Иначе не с кем будет идти в поход!

— Если не считать отряда князя Любомирского... — начал было секретарь, но король перебил его:

— Нечего его считать. Это наёмное войско, его содержит австрийская казна.

— Значит, мы смогли экипировать всего четыре тысячи народной кавалерии, ваша вельможность, — невозмутимо закончил Таленти. — Остальные несколько тысяч — это оборванные, почти безоружные холопы, а не войско.

Собеский горько улыбнулся, развёл руками.

— О matka боска! До чего мы дожили! Польша может выставить против такого могущественного врага лишь несколько тысяч воинов! Где же шляхта? Где всенародное ополчение?

— Многие из вельможных панов заявляют, что эта война нужна одному пану Собескому, так пусть он, мол, и воюет...

— Одному Собескому! Вы слышите?! — воскликнул король. — Будто я забочусь только о собственной безопасности, а не о всей Речи Посполитой! Будем надеяться, что Менжинский наберёт казаков значительно больше. Подойдут подкрепления из Белой Руси и Литвы... Но по договору-то Польша должна выставить сорок тысяч!

— Австрийский посол Зеровский уже спрашивал, когда ваша вельможность сможет выступить в поход. Император ждёт, что вы прибудете под Вену не позднее конца августа.

— С чем же выступать? — вскочил с места Собеский. — Пехоты нет!

— Смею заметить, ваша вельможность, казаки — лучшие пехотинцы, — вставил королевич Яков и опять вспыхнул, как девица.

— Да, — согласился король, — но когда они смогут прийти? Мне нужно войско уже сегодня... И артиллерии у нас нет совсем. Наскребли каких-то двадцать восемь жалких пушчонок. Срам какой!

— Ян, не волнуйся. — Королева подошла к мужу и поцеловала в щеку. — Все устроится... Пан Станислав обещал привести из воеводства Русского несколько тысяч воинов...

— Пан Станислав, пан Станислав! — воскликнул со злостью король, задетый за живое тем, что жена вспомнила про своего фаворита. — Яблоновский на заседании сейма, пани, наложил в штаны, так теперь старается... Но его две или три тысячи — ничтожная помощь королю польскому!

Обиженная Марыся надула губки. Покраснела.

— Фи, пан! Что за мужицкие выражения позволяете вы при даме!

Собеский спохватился и ласково похлопал жену по щёчке.

— Прошу прощения, пусть пани не обижается: мне сейчас нелегко...

Замять неловкость поспешил Таленти.

— Ваша королевская вельможность, папский нунций Паллавичини передал совет папы о необходимости привлечь в коалицию Российскую державу...

Собеский удивлённо поднял брови. Это известие поразило его.

— Вот как?! Насколько я помню, Ватикан всегда был против союза наших двух держав. Когда в Варшаву приезжали московские послы, папский нунций предпринял все, чтобы переговоры были сорваны.

— Теперь папа Иннокентий думает иначе, ваша вельможность. Учитывая смертельную опасность для католицизма со стороны Стамбула, он вынужден отказаться от традиционно враждебной политики по отношению к Москве.

— Хм... Нашим народам, как я начинаю понимать, дорого обходилась эта традиционно враждебная политика, — вполголоса произнёс, отходя к окну, король, но не настолько тихо, чтобы не слышали присутствующие, в том числе и Таленти. — Если бы Польша и Россия вместе навалились на Османскую империю, то она давно перестала бы зариться на наши земли, а может, и на земли других народов...

Однако хитрый Таленти, притворившись, что не расслышал, продолжал говорить дальше:

— Москва выставит не менее ста тысяч воинов и будет угрожать Крыму и тылам Османской державы — вот почему следует привлечь её в созданную Священную лигу.

— И папа не боится, что это может усилить позиции православия?

— Наоборот, папа лелеет тайную надежду, что лига, кроме всего, поможет проникновению католицизма в русские и украинские земли.

— Хм... хм, — не скрывая иронии, хмыкнул Собеский. — Так думает святейший отец?

— Так, пан король. А что думает папа — то истина!

Собеский едва сдержал гнев. Он сам прекрасно понимал, что вступление России неизмеримо усилило бы лигу. Его покорило то, что ему, королю, опытному политику и воину, вдалбливает это в голову его собственный секретарь. Пся крев! И ничего не скажешь! Таленти — не только ставленник иезуитов, но и тайный осведомитель Ватикана в Варшаве... Умный, хитрый, как сто чертей, — с ним легко работать, ибо он все знает и все может, но его нужно и остерегаться: руки Ватикана длинны и беспощадны! Чуть что не так — тот же самый Таленти или кто иной, кого и не подозреваешь вовсе, поднесёт тебе бокал с отравой...

Овладев собой, Собеский спокойно произнёс:

— Хорошо. Передай, пан секретарь, что мы начнём переговоры с Москвой. Хотя, думается, она

сейчас не готова к войне. После смерти царя Федора прошлой весной на престол взошли малолетние братья Иван и Пётр, а державой правит их старшая сестра — регентша София. Недавно она с большим трудом подавила восстание и больше думает об укреплении своей власти, чем о новой войне. Но с переговорами медлить не будем. Если не сможем сразу подписать договор о взаимности, то, надеюсь, удастся договориться о том, чтобы мы могли вербовать волонтёров на Запорожье. Несколько тысяч запорожцев оказались бы хорошим подспорьем нам в походе!

— Я тоже так думаю, — склонил в поклоне голову Таленти. Теперь его вид был смиренным, а взгляд предупредительным. — Пан король позволит мне уйти?

— Иди.

Когда Таленти вышел, Собеский дал волю гневу.

— Проклятье! Поляки думают, что ими правит их король! Как же! Находятся силы более могущественные — магнаты, папский престол, король Людовик... Ну нет, я вырвусь из этих тенёт! Я утвержу в Польше самодержавие, и будущий польский король Яков не будет уже ни перед кем склонять голову!

Он левой рукой обнял жену, правой привлёк к себе сына, вместе с ними упал на колени перед распятием и страстно зашептал:

— О милостивейший пан Езус! Спаси Речь Посполиту! Дай мне силы разгромить всех врагов моих — и тех, которые идут на Вену, и тех, которые, как гадюки, гнездятся возле меня, и тех, которые издали следят за каждым моим шагом, надеясь на мою случайную ошибку. Помогите мне, пан Езус, и я мечом своим до гроба буду служить тебе! Амен!

Собеский трижды перекрестился, глядя широко открытыми глазами на холодное золотое распятие.

5

Встреча проходила в доме корсуньского полковника Захария Искры. За столом, кроме хозяина, сидели полковники: фастовский — Семён Палий, брацлавский — Андрей Абазин и богуславский — Самуил Иванович, или Самусь, как его за весёлый нрав и невысокий рост ласково прозвали друзья. Каждый полковник взял с собой одного или двух помощников. С Палием приехали сотник Часнык и Роман Воинов.

По другую сторону стола были только трое: комиссар Менжинский, шляхтичи Порадовский и Монтковский.

Как водится, сначала гостей пригласили отобедать. Поляки, видимо, сильно проголодались: рыжий, горбоносый, худой, как жердь, Порадовский и дородный, курносый Монтковский, пренебрегая шляхетским достоинством, уписывали жареную рыбу, не разбирая костей. Красивый, чернобровый полковник Менжинский осуждающе посматривал на них, словно призывал к сдержанности, хотя и сам ел с таким аппетитом, что за ушами трещало.

Наконец, утолив голод, Менжинский вытер рушником усы и сказал:

— Панове полковники, вкусно вы нас угощаете, однако приехали мы из самой Варшавы, конечно, не ради этого... — Он выдержал паузу.

— А зачем? Говори, пан комиссар, послушаем, — вставил Семён Палий.

— Вы уже знаете, панове, что султан двинул свои войска на Австрию. Речь Посполита подписала с императором Леопольдом договор о взаимной помощи, и в ближайшее время король Ян выступит к Вене.

— Чего же хочет король Ян от казаков? — спросил голубоглазый Самусь. — Ведь мы не подданные короля...

Менжинский пристально посмотрел на полковника.

— Речь Посполита нуждается в вашей помощи. Нам недостаёт казачьей пехоты, равной которой, как известно, нет во всем мире. Не откажемся также от конницы, если сможете выставить. За это королевская казна обязуется платить каждому деньгами, сукном и кормить во время похода. Кроме того, как понимаете, немалой будет и военная добыча. Все, что захватите, — ваше...

— Казаки возвратятся из похода богатеями, — добавил, вытирая усы рукой, Порадовский.

— Боюсь, немного их вернётся домой, — сказал полковник Абазин. — Не один сложит голову в чужом краю...

— В этом случае всю полагающуюся долю получит семья, — ответил Порадовский.

Захарий Искра, на правах хозяина сидящий у торца стола, задумчиво произнёс:

— Люди наши за долгое военное лихолетье совсем обнищали, и казаки от жалованья не откажутся... Знаем по опыту, что в случае победы и добыча будет изрядной... Но на войне всяко бывает: то мы побьём кого, то нам бока намнут, и придётся бежать без оглядки. Тогда не до добычи: одна забота — как бы не лишиться головы...

— Чего ж пан полковник хочет?

— Половину — вперёд! Чтобы женщины и дети не остались обездоленными. Семьям погибших — двойная плата...

— Мы подумаем об этом, — ответил Менжинский.

— Сколько король Ян хочет иметь казаков? — спросил Палий.

— Сколько можно собрать, хоть тридцать тысяч.

— Ого! А выдержит ли казна короля Яна?

Менжинский улыбнулся.

— Выдержит... Деньги на все даёт папа римский.

Полковники переглянулись. Собственно, они и раньше знали, зачем приехали комиссары, и решили, что нет причины отказываться от похода, но не надеялись на такую уступчивость со стороны королевских посланцев.

Встал Палий.

— Панове, мы согласны на вербовать столько казаков, сколько сумеем за такое короткое время. И чтобы вы знали, мы отправимся в поход не только ради жалованья и добычи, — хотя от них не отказываемся и настаиваем, чтобы плата была достаточной и справедливой, — пойдём мы против турок прежде всего потому, что, обороняя вас и австрийцев, мы защищаем и себя... Как видите, мы рассуждаем несколько иначе, чем рассуждал король Собеский, когда во времена турецких походов на Чигирин, под нажимом папы римского, отказал царю Федору Алексеевичу и гетману Самойловичу в помощи...

— Не будем вспоминать старое, — поспешно перебил Менжинский. — Это — высокая политика, и я не знаю тайных пружин, которые её двигали...

Палий, кивнув, продолжил:

— Хорошо, не будем... Хотя и забывать не станем... И второе. Всем известно, как разорён непрерывными войнами наш край. Сейчас мы своей кровью и своим трудом поднимаем его из руин. От Буга до Днепра и от Полесья до Дикого Поля вновь начинает колоситься жито-пшеницей наша земля. Но есть ловкие людишки — и шляхтичи, и нешляхтичи, — которые, делая вид, что ведать не ведают о нашем существовании, выпрашивают у короля письма на эти земли и приезжают сюда, чтобы захватить лучшие уголья. Только наши острые сабли заставляют их поворачивать оглобли назад. Так вот, чтобы ни у кого не возникла мысль, что эта земля ничья, мы хотим получить от короля такие же письма: я — на Фастовщину, Абазин — на Брацлавщину, Искра — на Корсунщину, Самусь — на Богуславщину...

Менжинский задумался.

— Не в моей власти решить что-либо по этому поводу. Но заверяю вас, панове полковники, что обязательно передам ваше желание королю. Думаю, возражений у него не возникнет. Значит, будем считать, что в главном мы договорились: казаки пойдут в поход. Чтобы не было потом недоразумений, сформулируем статьи и оговорим все условия, на которых мы согласны вербовать добровольных людей...

— Безусловно! — сказал Порадовский. — Мы тут же подпишем! — Но, спохватившись, добавил: — Если, конечно, эти статьи будут умеренными, то есть если панове казаки не потребуют слишком много...

Последние его слова чуть было не испортили все дело. Горячий Самусь гневно сверкнул глазами и как отрубил, без всякой дипломатии:

— Мы казацкой кровью не торгуем! Да кто сможет оценить, сколько она стоит! Какой мерой определить её стоимость? А?.. Если почтённые послы думают торговаться, то нам не о чем разговаривать!

Вмешался побледневший полковник Менжинский, который сообразил, что так хорошо начатый разговор может свестись на нет, а король приказал без казаков не возвращаться... Он сделал нетерпеливый жест, чтобы Порадовский замолчал, и поспешил успокоить Самуся, что у них, мол, и в мыслях не было торговаться.

Спор прекратил Палий.

— Я ещё раз хочу сказать, что кровь мы будем проливать не за золотые и дукаты, а за свободу, за отчизну, за то, чтобы ни один янычар не топтал нашу землю!

— Святые слова! — согласились королевские послы.

— Но плата нам нужна, — продолжал полковник. — И вот для чего. Дома мы оставляем обедневшие семьи, а самим нам для похода нужно приобрести и оружие, и харчи, и возы, и коней. Без этого в поход не пойдёшь. Особенно мы настаиваем на том, чтобы вдвое больше, чем остальным, было заплачено семьям тех, кто погибнет... Без такого пункта я не поставлю своей подписи под статьями!

— Справедливое требование, — заметил Менжинский.

Порадовский, желая загладить свою бестактность, воскликнул:

— Клянусь честью, так и будет! Я сам, если суждено мне остаться в живых, привезу эту плату семьям погибших!

— Ловлю пана на слове, — сказал Палий.

— Ей-богу! — поклялся Порадовский.

Менжинский облегчённо вздохнул.

— Тогда приступим к делу, панове, ибо время не ждёт... Давайте бумагу, чернила, перо!

6

В начале июля Кара-Мустафа, пройдя по северным областям Сербии, Западной Венгрии и разорив их, осадил крепость Рааб. Но у него не хватило терпения ждать, пока она падёт. Ему хотелось поскорее увидеть дворцы и парки красавицы Вены, взлелеянную во снах и наяву свою будущую столицу. Поэтому он оставил отряд для продолжения осады, а сам с основными силами форсировал речку Рабу и двинулся на запад, сметая на своём пути небольшие австрийские гарнизоны в городах.

Карл Лотарингский понимал, что, приняв бой в открытом поле, неминуемо потерпит поражение. Силы были слишком неравны. Единственная надежда — стены и бастионы столицы, за которыми можно отсидеться до прихода Собеского.

Придя к такому решению, Карл Лотарингский отправил пехоту к Вене через остров Шют, омываемый рукавами Дуная, и с конницей начал отступать через Альтенбург и Киттзее.

Погода стояла сухая и жаркая. Над дорогами висели тучи пыли. В колодцах не хватало воды. Впереди войск, мешая их маневрированию, двигались охваченные страхом тысячные толпы беженцев.

Карл торопился, спешил, опасаясь, что Кара-Мустафа перережет все пути к отступлению. Со своим штабом он ехал в голове колонны, приказав военачальникам не отставать ни на шаг. И все же войско растянулось на много миль. Задерживали тяжёлые обозы герцогов Саксен-Лауенбургского и Кроя, а также генерала Капрари, нагруженные, помимо провианта и боеприпасов, гардеробом и серебряной посудой этих вельмож.

Недалеко от Петронелля во фланг колонны неожиданно ударила пятнадцатитысячная крымская орда. С налёту она разгромила полк немецких кирасиров [57]. Те обратились в бегство. Татары секли их саблями, пронзали стрелами, топтали конями, а тех, кто сдавался, связывали сыромятными ремнями и тащили в тыл.

Нескольким кирасирам посчастливилось убежать, и они, потеряв оружие и бросив по дороге

тяжёлые кирасы, понеслись что есть духу напрямик к Вене.

Паника охватила все войско. Австрийцы думали, что их предали немецкие курфюрсты, а немцы винили австрийцев и главнокомандующего, которые, как им казалось, вообще не верили в победу и начали отступать без генерального сражения с врагом.

О нападении татар и панике в рядах немцев Карл Лотарингский узнал от принцев Савойских — братьев Людовика и Евгения. Ему нравились эти умные и смелые юноши, особенно младший, Евгений; он верил каждому их слову, так как знал, что они преданы ему.

— Мосье, татары разбили наш центр и грабят обоз! — осаживая коня, доложил Людовик. — Немцы бегут!

— Герцог Саксен-Лауенбургский и генерал Капрари своими силами не смогут отбить противника. Наши войска находятся под угрозой быть разделёнными надвое. Необходима немедленная помощь, мосье, — прибавил принц Евгений, отчётливо выговаривая каждое слово.

В другое время Карл залюбовался бы прекрасным лицом этого невысокого, совсем юного и, на первый взгляд, несильного офицера, но сейчас он был потрясён услышанным. Нужно действовать! И решительно!

Он оглянулся. Поблизости, под рукой, был только штаб, человек двести — триста, да охранный отряд гусаров [58].

— За мной! Вперёд! — выхватил шпагу Карл и поскакал к холму, за которым, как думалось ему, kloкотал бой.

Следом ринулись принцы Савойские и штабные офицеры.

Торопясь, обгоняя друг друга и на ходу изготавливая к бою пики, неслись гусары. С дороги, заметив бешеный галоп главнокомандующего и его штаба, помчались и старшие офицеры во главе своих отрядов.

С холма Карлу Лотарингскому открылась страшная картина. Бой уже затухал. Весь центр войска был смят. Лишь кое-где вспыхивали кратковременные стычки, но их становилось все меньше: это татары догоняли беглецов и добивали, секли их. По всему полю лежали трупы кирасиров. И если бы ордынцы с прежней яростью и быстротой продолжали бой, а не занялись грабежом обоза, потери имперских войск оказались бы значительно большими.

Карл со своим штабом и гусарами вихрем промчался через виноградники и с ходу ударил в лоб противнику, врезавшись в самую гущу его. Татары не выдержали внезапного стремительного натиска, попятились, но сопротивление их было ещё сильным. Тонкая длинная шпага Карла беспощадно разила врагов. Не отставали от него и принцы Савойские.

Бой закипел с новой силой. Приободрённые помощью и присутствием главнокомандующего, кирасиры остановились, начали контратаковать. Во фланги татарам ударили генерал Капрари и герцог Крой.

Карл бился наравне с рядовыми воинами. Он потерял шляпу, и ветер трепал его вьющиеся чёрные волосы. Разгорячённый боем, герцог не заметил, как слева от него, не вскрикнув, упал Людовик Савойский. Стрела пронзила его сердце. Только после того, как принц Евгений развернул коня и поскакал к погибшему брату, Карл натянул повод и выехал из боя.

Людовик Савойский лежал на земле как живой, раскинув руки, и открытыми, стекленеющими глазами глядел на брата. Если бы не стрела, торчащая в груди, и не ярко-красная струйка на белой шее, то могло бы показаться, что смелый юноша сейчас вскочит на ноги, приложит два пальца к шляпе с плюмажем и звонко скажет: «Мосье...»

Но Людовик был мёртв.

Принц Евгений стоял над ним и, не стыдясь, плакал, как ребёнок. Карл обнял его за плечи, чувствуя, как у самого к горлу подкатил комок, перехвативший дыхание. Мужественное сердце сурового воина онемело от скорби...

Бой тем временем откатывался все дальше и дальше. Татары, захватив часть возов с одеждой и серебряной посудой, а также больше сотни пленных, по широкой долине отступали на юг.

7

Над Веной было безоблачное голубое небо. Солнце спокойно опускалось за вершину Леопольдовой горы, золотя стройную колокольню собора святого Стефана. Мирно нёс свои мутные воды Дунай. Стоял чудесный июльский вечер. Никто из венцев не ждал беды. Правда, где-то далеко шла война, но никому и в голову не приходило, что она может докатиться до стен города. Всех успокоили заверения Леопольда, что имперские войска и войска союзников разгромят врага ещё на Рабе или на подступах к столице.

Поэтому как взрыв бомбы прозвучала невероятная, ужасная новость, принесённая несколькими беглецами-кирасирами: «Татары под Петронеллем! Они разбили австрийские полки! Спасайтесь!»

Это известие молниеносно распространилось по улицам и площадям города. Военный губернатор Вены граф Штаремберг приказал закрыть ворота и усилить охрану, а сам кинулся к императорскому дворцу за распоряжениями.

Императора он застал совершенно растерянным: лицо пожелтело, пухлые губы дрожали. Неожиданная весть перепугала его до смерти.

— Ваше величество... — начал было Штаремберг, отдавая честь.

Но Леопольд бросился к нему, схватил за руку, залепетал:

— О святая Мария! Какой ужас! Граф, что делать? Скажи, майн либер, что делать?

Штаремберг был обескуражен. Он сам спешил сюда, чтобы узнать, как поступить, а здесь просят совета у него.

— Ваше величество, для паники нет оснований, — сухо сказал старый воин. — Вена не просто город, а крепость. За её валами наше войско сможет отсидеться до тех пор, пока не подойдёт на помощь польский король. Турки не возьмут Вену, как и при осаде 1529 года, когда султан Сулейман Кануни вынужден был несолоно хлебавши возвратиться в Стамбул.

— У Кара-Мустафы войска больше, чем у Сулеймана! — в отчаянии воскликнул Леопольд.

Разговор происходил в зале, вокруг них стали собираться министры двора, перетрусившие до крайности.

— Ну и что? — возразил Штаремберг как можно увереннее. — Зато у нас, ваше величество, вашими стараниями оснащена достаточно большая армия. А в Вене заготовлены изрядные запасы — есть и порох, и пушки, и фузеи... Есть и провиант.

— Граф, мне кажется, вы хотите, чтобы его величество с беременной императрицей и пятилетним наследником престола остались в столице, которой предстоит многомесечная осада? — возмущённо высказался лысый, с седыми бакенбардами министр финансов. — Я советовал бы его величеству выехать в Линц, где вместе с семьёй он будет в безопасности. Этого требуют высшие интересы империи!

— Правда, майн либер? — обрадовался Леопольд. — Ты так думаешь?

— Да, только так! Иного не может быть, — поклонился министр. — И чем быстрее вы уедете отсюда, тем лучше!

— Хорошо, мы так и поступим. — Император вытер платком пот со лба. — Ты, граф, сделай все, чтобы не впустить врага в нашу столицу, пока не подойдёт Карл Лотарингский... А мы с императрицей выедем в Линц. Ей, с её здоровьем, действительно неразумно находиться в осаждённом городе. Не так ли?

Штаремберг подумал, что императрице, как и многим тысячам горожанок, и в самом деле лучше уехать, чтобы не осложнять положения защитников города, но император, для поднятия духа армии, мог бы и остаться. Однако он ничего этого не сказал вслух, зная заносчивость и злопамятность императора. Только поблагодарил за доверие и, сославшись на необходимость находиться при войске, сразу же откланялся.

— Иди, майн либер, пусть бережёт тебя бог! — Леопольд перекрестил графа и, притянув к себе, поцеловал в шершавую щеку.

Когда Штаремберг вышел, во дворце вспыхнула форменная паника. Слуги выносили сундуки с ценностями, кучера запрягали лошадей, императрица Элеонора, несмотря на своё состояние, бегала по комнатам, как безумная, следила, чтобы забрали весь её гардероб.

вернуться

57

Кирасиры (франц.) — тяжёлая кавалерия, всадники которой были одеты в кирасы — металлические латы, защищавшие грудь и спину.

вернуться

58

Гусары (польск.) — лёгкая кавалерия, вооружённая пиками.

Министры, тайные советники, многочисленные родственники императора и императрицы разом исчезли, словно их ветром сдуло. Каждый помчался домой собираться, желая выехать вместе с императором.

Через час уже весь город знал, что турки под Петронеллем и что император покидает столицу.

Поднялся переполох. Горожане, кто как мог — верхом на конях, на возах, в каретах, а то и пешком, неся на спинах своё имущество, — кинулись к Шотландским и Штубенским воротам. Но императорская гвардия преградила дорогу: таков был приказ самого императора. Он хотел свободно, без толчеи покинуть Вену.

Бегство императорского двора началось в восемь часов вечера.

В сопровождении двухсот всадников личной охраны из дворца выехала карета императора. В воротах она остановилась. Леопольд на минуту вышел, попрощался с бургомистром Вены Либенбергом, отдал последнее распоряжение:

— Майн либер, поставь здесь стражу, не то растащат все... И казну нашу береги... У нас нет возможности взять её всю с собой. В случае неминуемой опасности — в Дунай её, чтобы не досталась презренному Кара-Мустафе! Ну, прощай, майн либер! — Он, как и Штаремберга, обнял бургомистра и поцеловал.

За императорской каретой тронулись возы с поклажей, потом — кареты членов верховного совета, министров, придворных. Одни ехали почти налегке, резонно считая, что самое дорогое сейчас — жизнь. Другие нагрузили свои возы так, что лошади с трудом их тянули.

Все торопились к мосту через Дунай, на левый берег.

Но кое-кто повернул на юг, надеясь найти приют в своих дальних поместьях или в Альпах. Их судьба оказалась трагичной: на второй или третий день их перехватили татары — мужчин посекали саблями, дочерей и жён забрали в неволю, а обоз разграбили.

До глубокой ночи непрерывным потоком катили кареты венских аристократов, возы богатых горожан, торговцев, ремесленников. Бедняки шли пешком, с котомками за плечами, а то и без них.

За ночь город обезлюдел. Бежало шестьдесят тысяч его жителей. Остались только те, кто служил в войске, а также горожане, которые добровольно согласились с оружием стать на валы, — рабочий люд, ремесленники, студенты, чиновники. Они спешили к ратуше, к арсеналу, получали пистолеты, аркебузы, мушкеты, сабли, пики, а оттуда — на стены крепости. Семьсот студентов университета во главе с ректором образовали свой отдельный отряд.

На второй день защитники Вены с радостью и восторгом приветствовали кавалерию Карла Лотарингского, которая под звуки труб и литавр вступила в город.

Губернатор Штаремберг со слезами на глазах обнял главнокомандующего.

— Герцог, вы вселили в наши сердца веру и надежду! Мы думали, что войско погибло, а оказывается, вы сохранили его. Спасибо вам! Мы здесь все уже приготовились к смерти...

— Генерал, война только начинается, и в ней, как мне думается, Вене суждено сыграть решающую роль. Император назначил вас военным губернатором столицы — вам и защищать её! А я переправляюсь на левый берег Дуная, куда отступила моя пехота, чтобы привести войска в порядок и дожидаться короля польского и немецких курфюрстов. Вот тогда, с божьей помощью, ударим по противнику!

— Да, мы будем защищать город, сколько хватит сил наших! — Они стояли на площади, перед собором святого Стефана, и Штаремберг, повернувшись к входу, перекрестился. — Завтра отправим государственную казну кораблями в Линц и будем готовы встретить врага!

За ночь Леопольд с семьёй домчался до Корнойбурга. Обозы с провизией безнадёжно отстали, и император, глядя, как страдают без пищи императрица и малолетний принц, снял с пальца перстень, дал мажордому [59].

— Франц, думаю, этого достаточно, чтобы какой-нибудь трактирщик или житель приготовил нам обед... Сходи, майн либер, но не мешкай! Нет уже сил терпеть муки голода.

Тот поклонился и быстро исчез за углом ближайшего дома.

Императорская семья расположилась на отдых в тени деревьев на высоком холме, откуда открывалась широкая панорама на Дунай и задунайские просторы. Кто-то из слуг принёс ведро холодной воды, у какого-то солдата в ранце нашёлся сухарь — его размочили и дали императрице. Она поделилась с сыном.

Леопольд, чтобы не видеть этой жалкой картины, отошёл к краю холма. Внизу, по дороге, двигались бесконечные толпы беженцев. Люди были напуганы и злы.

Ему вспомнилось, как ночью карета остановилась и фореитор [60] крикнул в темноту:

— Дорогу императору! Эй, вы, слышите?

— Заткнись, выродок! — послышался грубый мужской голос. — Твой император, жирная вонючая свинья, вместо того чтоб защищать Вену, обмарался с перепугу и бежит куда глаза глядят! А мы ему — давай дорогу? Кукиш с маком не хочешь?

Тогда он еле сдержался, чтобы не позвать охрану, рванулся к оконцу, но в плечо ему впились рука жены.

— Леопольд, оставь! Какая темень кругом! Разбойники могут искалечить нас... А охрана наша неизвестно где!

Он долго не мог успокоиться — дрожал от гнева и возмущения...

Вдруг внимание императора привлекли какие-то бурые пятна на фоне голубого неба за Дунаем, над горой Каленберг, где был расположен Камальдульский монастырь.

— Майн либер, — подозвал Леопольд молоденького солдата, — посмотри, что там?

Солдат прищурился, всматриваясь.

— Дым, ваше императорское величество. Что-то горит!

— Что-то горит... Там нечему гореть, кроме монастыря, — задумчиво произнёс император и вдруг вздрогнул. Внезапная мысль ужаснула его. — Постой, постой... Значит, там... турки... или татары... О майн готт! [61]

Вскоре над Каленбергом появились малиновые языки пламени. Чёрными столбами поднимался дым. Сомнений не было — горел монастырь. Совсем близко! Летучие татарские отряды за полдня могли добраться правым берегом до Клостернойбурга и до Тульна, а там, переправившись через Дунай возле Штоккерау, перерезать дорогу на Линц.

Леопольд ещё раз взглянул на пожар и засеменял трусой к карете. Мажордом уже вернулся,

но с пустыми руками.

— Все разбежались, ваше величество, — смущённо сообщил он, умолчав про то, что в трех домах застал хозяев, но они, узнав, кому нужна провизия, наотрез отказались что-либо продать, даже выругали его.

Леопольд, безнадежно махнув рукой, велел запрягать лошадей.

9

Первые турецкие полки спахиев подошли к Вене 12 июля, но повсюду вблизи австрийской столицы уже пылали села, усадьбы феодалов, монастыри. В них побывали акынджи, которые налетали, словно смерч, грабили, убивали жителей, предавая все огню и мечу.

Утром следующего дня спахии подступили к городу с юга и с запада. В полдень сильный отряд приблизился к предместьям. Чтобы не отдать их врагу целыми, Штаремберг приказал поджечь там все, что могло гореть.

Факельщики бегали от дома к дому — и за ними к небу тянулись чёрные столбы дыма, с треском взмывало вверх малиновое пламя.

Штаремберг не учёл одного — западного ветра, дующего на город. Как только ветер подул сильнее, огонь загудел, длинные языки пламени, перекидываясь через вал, начали лизать крыши городских построек, а горящие клочья соломы и искры летели ещё дальше, вглубь...

Ударили в набат колокола.

Сотни солдат и студентов были брошены на тушение пожаров. Они выстраивались длинными рядами до самого Дуная, из рук в руки передавали ведра с водой. Только к вечеру венскому гарнизону удалось погасить огонь в самом городе.

Усталые, обожжённые, защитники долго после этого не могли уснуть. А уже в четыре часа утра, когда начала светлеть восточная часть неба, венцев разбудил глухой, грозный, как гул моря перед бурей, гомон.

Что там? Неужели турки пошли на приступ?

Все жители Вены высыпали на валы.

Всходило солнце, и его багряные лучи осветили окрестности города. Потрясённые невиданным зрелищем, солдаты и горожане замерли, не в силах вымолвить ни слова.

вернуться

59

Мажордом (франц.) — управляющий царского двора.

вернуться

60

Форейтор (нем.) — всадник, который управляет передними лошадьми, запряжёнными цугом.

вернуться

61

Майн готт! (нем.) — Мой бог!

Сколько охватывал глаз, на холмах и в долинах, на вытопанных полях и пастбищах, в садах и виноградниках, виднелись десятки тысяч разноцветных шатров. Между ними, как муравьи, сновали тёмные фигурки людей. Повсюду стояли возы, горели костры, паслись волы и верблюды, бродили стреноженные лошади...

Даже бывалые воины никогда не видели ничего подобного.

Генерал Штаремберг вместе с бургомистром Либенбергом и гражданским губернатором Леопольдом Колоничем поднялись на колокольню святого Стефана. С её высоты было видно всю Вену и далеко вокруг неё.

— Мой боже! — прошептал помертвевшими губами Либенберг и, сняв шляпу, вытер на лбу холодный пот. — Какая сила! Возможно ли выстоять против неё?

Штаремберг промолчал.

Колонич, высокий, жилистый, с кустистыми седыми бровями, положил бургомистру на плечо тяжёлую, в синеватых прожилках руку.

— На все воля господа бога, сын мой!

Это был человек необычной судьбы. Рыцарь, бывший кавалер Мальтийского ордена, он проявил чудеса храбрости при осаде Кандии [62], пролив при этом немало людской крови. Чтобы искупить грехи, пошёл в монахи и со временем достиг высокого сана, стал епископом Винер-Нойштадта... Услышав, что турки приближаются к Вене, Колонич снял рясу и снова взял в руки меч. Он был назначен гражданским губернатором Вены и заместителем Штаремберга, наблюдал за больницами, заведовал продовольственными складами, руководил работами по укреплению валов, эскарпов [63], бастионов [64].

— На все воля господа бога, сын мой! — повторил он. — Никто не ведаёт наперёд его замыслов. Сила у Кара-Мустафы действительно велика. Но мы укрепили наши стены и наши сердца, будем драться до последнего!

Штаремберг и его помощники вновь обратили свои взгляды в поле.

Солнце поднялось немного выше и осветило весь турецкий лагерь.

Он растянулся полукольцом на две мили, от городка Швехата на востоке до Хайлигенштадта и Нусдорфа на западе, флангами своими упираясь в Дунай.

В центре лагеря, в парке, поблизости от дворца Ла-Фаворит, пламенел, как кровь, огромный роскошный шатёр сердара. Такого большого, словно настоящий дворец, шатра, безусловно, не было ещё ни у одного европейского полководца и ни у одного могущественного правителя в Европе.

Рядом с шатром на высоком шесте развевался на ветру бунчук [65] великого визиря.

В двухстах шагах от контрэскарпа [66] виднелись свежие, вырытые за ночь траншеи. В них залегли янычары. Значит, с этой стороны Вена уже отрезана от всего мира.

Опытный глаз Штаремберга сразу заметил в траншеях, в специально вырытых для этого гнёздах, пушки. Они были сосредоточены против бастионов крепости.

— Плотно обложил нас Кара-Мустафа, — задумчиво произнёс Штаремберг. — И мышшь не проскочит. Если ему удастся выбить нас из Пратера и Леопольдштадта, он преврёт наше сообщение с левым берегом и полностью окружит город.

— Может, послать туда подкрепление? — спросил Либенберг.

— Мы не можем этого сделать, — возразил генерал. — У Кара-Мустафы двести тысяч воинов, а у меня — почти в десять раз меньше... Если я сниму несколько тысяч со стен, турки сомнут нашу оборону здесь и ворвутся в город. Не сегодня-завтра надо ждать штурма... Господин Колонич, пожалуйста, немедленно в самых глубоких склепах и погребках отруйте ямы поглубже и уберите туда весь порох, имеющийся в крепости. Чтобы во время вражеского обстрела не взорвался...

— Будет сделано, — кивнул Колонич.

— И ещё — составьте из жителей подвижные отряды для тушения пожаров и восстановления разрушений в оборонительных укреплениях. Возлагаю это на вас!

— Не беспокойтесь, генерал, — заверил старый воин.

— Вы, господин Либенберг, чтобы успокоить войска и жителей столицы, отпечатайте прокламацию. Напишите в ней, что Вена выстояла при грозном нашествии Сулеймана в 1529 году — выстоит и теперь! Стены наши надёжны, пороха и провианта достаточно, а сердца защитников не дрогнут перед смертельной опасностью в тяжкое время. И ещё напишите, что на левом берегу Дуная стоят войска Карла Лотарингского, а на помощь нам спешат князья имперские и король польский.

— Хорошо, господин генерал, — ответил Либенберг и вдруг воскликнул: — Смотрите, смотрите! Над шатром Кара-Мустафы взвилось знамя!

Над красным шатром развевался зелёный стяг. Даже отсюда была видна большая группа людей на лужайке, повернувшихся лицом в сторону Киблы [67]. Стоя на коленях, они совершали намаз. И как раз перед ними, в том же направлении, развевалось по ветру это знамя.

— Знамя пророка! — прошептал Штаремберг. — Кара-Мустафа объявляет газават, священную войну против неверных, и молится аллаху о даровании победы. Сегодня он начнёт атаку... Двести тысяч врагов пойдут на приступ, чтобы уничтожить нас!

Он ещё раз посмотрел на зеленое знамя над красным шатром, на высших военачальников турецкого войска, на ужасающий своей многочисленностью вражеский лагерь, железной подковой охвативший Вену, и надолго задумался...

Штаремберг думал о предстоящем штурме, о том, как отбить наступление Кара-Мустафы. Знал, насколько тяжелой, кровопролитной будет эта оборона: на каждого защитника города

приходится по десять вражеских воинов, многие соотечественники, может быть, уже сегодня сложат головы на городских валах.

Не знал только старый генерал, что где-то там, среди тысяч и тысяч завоевателей, пришедших к стенам его родного города, есть люди, тайно желающие гибели не Вене, а Кара-Мустафе с его союзниками, ждущие удобного случая, чтобы избавиться от нестерпимого гнёта османов — невольники, которых заставили идти в поход, а также выходцы из Болгарии, Сербии, Греции, Валахии, из арабских стран. Они хоть сейчас готовы были бросить оружие и вернуться домой... Не знал старый генерал и того, что где-то там, среди этого круговорота, стоят два воина в янычарском одеянии, смотрят на залитый солнечными лучами прекрасный город и размышляют о том, как помочь ему, спасти от разрушения...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕНА

1

В ночь на 17 июля 1683 года, после жестокого пушечного обстрела, янычары ворвались в Пратер и Леопольдштадт. Вена оказалась в сплошном кольце. Связь осаждённых с левым берегом, поддерживавшаяся кораблями дунайской флотилии, оборвалась.

Утром Кара-Мустафа на чёрном коне, покрытом дорогим чепраком, въехал в Пратер. Всюду — разрушенные бомбами дома, трупы защитников, тлеющие головешки пожарищ. Уставшие, обезумевшие от крови янычары рыскали по задымлённым улицам, выскивали раненых и тут же добивали боздуганами и саблями, из уцелевших строений выносили добычу — дорогую посуду, одежду, обувь, вино.

Кара-Мустафа остановился на высоком крутом берегу Дуная. Паши окружили его, ловя каждое слово сердара.

— Завтра — штурм! — говорил он. — На рассвете атакуйте бастионы Львиный и Замковый! Перед этим обстреляйте артиллерией рavelины [68], прикрывающие их. Это, кажется, самые слабые места в обороне австрийцев... Видите, как осыпались валы? Как заросли бурьяном илистые рвы? А ближайшие подступы прикрыты садами и развалинами домов. Ваши отряды

скрытно подойдут вплотную к бастионам. Отсюда мы ворвёмся в Вену, великолепную столицу ничтожного труса Леопольда, который, как говорят, сначала сбежал в Линц, а оттуда — в Пассау, во владения курфюрста Баварского. Ха-ха-ха!.. Но прошу вас всех — не разрушайте город. Ни одно ядро не должно упасть на его прекрасные дворцы и соборы! Жаль терять такое богатство. Несравненный по красоте собор святого Стефана мы превратим в мечеть, и она станет оплотом ислама в стране Золотого Яблока. А саму Вену сделаем столицей пашалыка, по обширности земель и богатству равного целой империи! Вена станет ключом ко всей Европе. Обстреливайте валы, бастионы, рavelины! Убивайте людей — они нам не нужны! Чем больше уничтожите, тем лучше. А город сохраните!

вернуться

62

Кандия — так назывались остров Крит, принадлежавший в средние века Венеции, и его главный город.

вернуться

63

Эскарп (франц.) — прилегающий к валу склон внешнего рва.

вернуться

64

Бастион (франц.) — пятиугольное укрепление в виде выступа крепостной стены в сторону противника.

вернуться

65

Бунчук — знак власти пашы, гетмана. Длинное древко, оканчивающееся остриём или шаром, с прядями из конского волоса и кистями.

вернуться

66

Контрэскарп (франц.) — передний склон внешнего рва, ближний к противнику.

вернуться

67

Кибла — храм аль-Кааба, святыня мусульман.

вернуться

68

Равелин (франц.) — вспомогательное укрепление перед крепостной стеной, в промежутке между бастионами.

Воодушевлённые успехом, паши весело переговаривались. Никто не сомневался, что завтра их отряды вступят в Вену.

Арсен и Ненко на правах личных чаушей, сердара входили в его свиту. Они стояли поодаль, но слышали каждое слово. И слова эти распалили их сердца.

— Я убью его! — прошептал Арсен.

— Ты что, опять за своё? — неодобрительно взглянул на него Сафар-бей.

— Если завтра он возьмёт Вену, то сразу прикажет доставить сюда Златку... Я не допущу этого!

— И сам погибнешь!.. Он никогда не бывает один. Телохранители стерегут его, не сводя глаз.

— Как-нибудь улучу минуту...

— И чего достигнешь? Златка и весь его гарем перейдут к наследникам — у него есть сыновья. Они продадут наложниц в рабство. Султан назначит другого сердара, которому мы станем не нужны, и он отправит нас в передовые отряды, где мы быстро сложим головы. Кто тогда поможет Златке? Твоей и моей отчизне! Нашим родным и близким!

Арсен нахмурился и долго молчал. «Безусловно, Ненко прав. Уничтожить Кара-Мустафу можно только ценой своей жизни. Нет, надо найти какой-то иной путь». Вздохнув, он сказал:

— Понимаю, Сафар-бей. Но как вспомню Златку, сердце разрывается от боли, и я становлюсь сам не свой. Злость затмевает разум.

— Молодость часто бывает безрассудна. По себе знаю. Как твой чауш-паша, я запрещаю тебе что-либо подобное затевать. Думай не только над тем, как уничтожить Кара-Мустафу, а прежде всего, как помешать осуществлению его кровавых планов!

— Легко сказать — думай! Что сейчас придумаешь?

Они умолкли и грустно смотрели на сизый дым пожарищ, на старые, кое-где разрушенные временем валы австрийской столицы. Действительно, положение венцев казалось безнадежным.

Но вот великий визирь тронул коня. Пышная кавалькада двинулась обратно в лагерь. Арсен с Ненко заняли в ней своё место и на протяжении всего пути не проронили ни слова.

2

Тихая ночь. Звёздная, но безлунная и потому тёмная.

Молодой подмастерье из цеха пивоваров Ян Кульчек стоит на городской стене на часах и

всматривается в мерцающие огоньки, которые друг за другом затухают в турецком лагере. Душа у него не на месте: это первая в его жизни война, в которой ему приходится принимать участие. Да ещё какая война! Здесь — либо жизнь, либо смерть. Скорее — смерть...

Правда, врагов сейчас не видно, но целые гирлянды огней, опоясывающие город, напоминают, что они здесь, поблизости, и, может быть, в это самое время готовят подкопы, закладывают в них порох, чтобы сделать проломы в стенах и с восходом солнца ринуться в них неудержимым потоком.

Ян Кульчек пытается сосчитать эти огни, но быстро сбивается — их здесь не десятки, не сотни, а тысячи. Ему становится жутко.

Ну и страшная же сила окружила город! Удержится ли он? Или погибнет вместе со своими защитниками? Тогда и ему, Яну, предстоит лечь костьми или со связанными руками плестись рабом в далёкую Турцию...

«Ох, Ян, Ян! Пропадёшь ты здесь, как пить дать. Не видать тебе своей милой Чехии и родного города Брно, красивейшего уголка на земле! Не встретишь ты больше ни родителей, ни сестричек, ни русоголовой красавицы соседки, которая клялась ждать тебя, пока не вернёшься настоящим пивоваром.

Ничего этого не будет, потому что, наверно, забито уже во вражескую пушку ядро, которое снесёт тебе голову... Или пропоёт в голубом небе песню смерти беспощадная татарская стрела».

Он вздрогнул: около самого уха и вправду — как напророчил! — просвистела стрела, тупо клюнула деревянную крышу башни и застряла в ней.

«Боже мой! — ужаснулся Ян Кульчек и перекрестился. — Стоял бы я на шаг левее — захлебнулся бы уже собственной кровью!»

Он выдернул стрелу, подумал: «Останусь живым — сберегу на память. Привезу домой — пускай все знают, что я не только пиво здесь варил!» Хотел засунуть её за пояс, но под пальцами зашуршала бумага. Это его удивило: «Стрела обмотана бумагой? Интересно...»

Ян спустился в караульное помещение, где при свете сальной свечи спали его товарищи. Подошёл к столу.

Стрела была обычной, с железным остриём и белыми лебедиными перьями. Необыкновенным было только одно — жёсткий, плотный лист бумаги, привязанный к древку тонким ремешком.

Кульчек развязал ремешок, развернул бумагу. Это было письмо. Первая строчка написана по-латыни: «Генералу Штарембергу». А ниже — по-польски.

«Пан генерал!

Я Ваш надёжный друг — поверьте мне. Зовут меня — Кульчицкий, и мне хотелось бы помочь осаждённому гарнизону и жителям Вены выстоять в страшном единоборстве с врагом.

Сообщаю: сегодня на заре турки начнут штурм Львиного и Замкового бастионов, а перед этим будут обстреливать их из пушек, равно как и ближайшие к ним рavelины. Приготовьтесь!

Как Вы понимаете, пан генерал, это сообщение не далее как сегодня утром будет подтверждено самим противником. Значит, Вы сможете убедиться, что пишу правду.

Я готов помогать Вам и в дальнейшем, но для этого нам нужно встретиться и обо всем договориться.

Как это сделать?

Пусть Ваши доверенные лица несколько ночей подряд ждут меня у Швехатских ворот с верёвочной лестницей и на мой свист сбросят её вниз Я обязательно приду!

Как видите, Вы ничем не рискуете, а выиграть можете много.

Кульчицкий»

Ян Кульчек хлопнул себя ладонью по лбу. Хотя он был молод и не мог похвастать образованием, как вот эти студенты университета, которые спят здесь рядом с цеховыми учениками и подмастерьями, но читать умел и польский понимал достаточно, чтобы сообразить, что написано.

«Матерь божья! Да этому листу бумаги цены нет! Его нужно немедленно доставить губернатору!»

Он растолкал своего товарища, тоже подмастерья-пивовара, Якоба Шмидта.

— Якоб, друг! Вставай!

Тот открыл глаза. Пригладил рукой длинные льняные волосы. Недовольно спросил:

— Чего тебе?

— Пойди за меня на часах!

— Что случилось?

— Живот болит, — солгал Ян, чтобы избежать дальнейших расспросов. — Только бы не кровавый понос...

Якоб нехотя встал, натянул сапоги, взял мушкет.

— Ладно, беги... Да молись всем святым, чтобы не пристала к тебе эта ужасная болезнь.

Ян Кульчек стремглав выскочил в дверь, вызвав у друга сочувственное покачивание головой, и тёмными улицами припустил к центру города...

Генерал Штаремберг вышел в домашних халате и туфлях, вопросительно посмотрел на адъютанта, потом — на незнакомца.

— Что стряслось, юноша? Турки начали штурм?

— Герр [69] генерал, я подмастерье Ян Кульчек...

— И ты разбудил меня для того, чтобы сообщить об этом?

— Нет, я принёс письмо... Выстрелили из лука с той стороны...

— Вот как! — В глазах генерала загорелось любопытство. Он повертел листок перед глазами. — Это что — по-польски?

— Да.

— О чем там написано? Ты понимаешь? Переведи!

Кульчек слово в слово перевёл письмо на немецкий.

— Майн готт! — воскликнул потрясённый генерал. — Этот доброжелатель, если только не лжёт, предупреждает нас о страшной опасности, угрожающей нам!

— Да, герр генерал, — скромно вставил Кульчек. — Я тоже понял это, потому и осмелился разбудить вас...

Штаремберг окинул взглядом молодого подмастерья в одежде обычного рабочего, на которого в иное время не обратил бы внимания. Он ему понравился. Кряжистый, сильный, в глазах — умная лукавинка. И держится смело, не смущается перед генералом.

— Ты чех?

— Да.

— Так вот что, Кульчек... — Генерал вдруг подозрительно глянул на юношу. — Постой, постой... Что за странное совпадение: Кульчек и Кульчицкий? Вы не родственники?

Кульчек пожал плечами.

— Я его и в глаза никогда не видел! Какой же он мне родственник? Вовсе не думал об этом. Похоже, но не то...

— Значит, случайность. Ну, вот что: возьми ещё одного надёжного парня и каждую ночь ждите этого Кульчицкого. Если появится — немедленно ко мне! Понял?

вернуться

69

Герр (нем.) — господин.

— Да, господин генерал!

— За письмо и службу — благодарю. Теперь иди. — И Штаремберг, не дожидаясь, пока Кульчек выйдет, приказал адъютанту, стоявшему навтыжку у дверей: — Франц, мой мундир и шпагу! Поднимай штаб! Командиров — ко мне! У нас совсем мало времени, нужно поскорее усилить отряды Львиного и Замкового бастионов...

3

Целую неделю Ян Кульчек с Якобом Шмидтом ждали гостя с той стороны. С вечера до самого

утра всматривались в темноту, вслушивались — не пропустить бы свист.

Служба эта была не обременительна. Жди и жди. Дежуря у Швехатских ворот, Ян нет-нет да и поёживался, вспоминая тот день, когда турки атаковали Львиный и Замковый бастионы.

С восходом солнца ударила турецкая артиллерия. Бомбы и каменные ядра падали как град. Они вгрызались в земляные стены, дробили кирпичные парапеты, а некоторые, перелетая крепостную стену, поджигали крыши ближайших строений.

Но людям вреда не причиняли — всем было приказано на время обстрела укрыться в погребах и подвалах.

Потом обстрел прекратился — на штурм пошли янычары. С какой яростью атаковали они! Казалось, никакая сила не выдержит этого первого яростного натиска. Бюлюк [70] за бюлюком, орту [71] за ортой посылали паши на приступ — и все напрасно! Полуразрушенные бастионы выстояли до вечера.

Ров заполнился телами убитых, но в город ворваться янычары так и не смогли. В последующие дни установилось непривычное, странное затишье.

Венцы торжествовали. Ещё бы! Это была настоящая победа!

И никто, кроме Штаремберга, Яна Кульчека и ещё нескольких лиц в городе, не знал, кто был истинным вдохновителем, душой этой победы.

Каждое утро генерал находил минутку, чтобы спросить Яна:

— Ну как?

Кульчек виновато разводил руками.

— Нету, господин генерал.

— Ждите! Следите! Если живой — обязательно придёт!

Наконец среди ночи послышался долгожданный свист. Ян Кульчек встrepенулcя, перевесился через стену и посмотрел вниз. Но никого в темноте не увидел.

Свист раздался вторично.

— Опускай лестницу! — шепнул Кульчек.

Якоб Шмидт стоял наготове. Лестница прошуршала по стене и тут же натянулась. Кто-то сразу наступил на её нижнюю перекладину, стал подниматься наверх.

Вскоре из темноты показалась янычарская шапка. Незнакомец ловко перемахнул через парапет. Сказал коротко:

— К генералу!

Штаремберг принял его немедленно.

— Так вот ты какой, мой друг! — шагнул он навстречу молодому незнакомцу. — В тебе нет ничего турецкого, кроме платья, Кульчицкий! Спасибо за неоценимое предупреждение!

Кульчицкий улыбнулся и снял шапку. Легко поклонился.

Волосы темно-русые, густые, непокорные. Лицо — мужественное, загорелое, привлекательное. На верхней губе темнеют небольшие стриженные усы. Выразительные серые глаза смотрят внимательно, изучающе.

Штаремберг предложил сесть.

— По-немецки говоришь? Если нет — нам поможет понять друг друга Ян Кульчек.

— Совсем плохо. Научился только ругаться от немецких рейтаров [72], которые служили в войске польского короля.

— Значит, как я и думал, ты поляк? Мы ждём со дня на день Яна Собеского с твоими земляками... Каким образом ты попал к туркам?

— Был у них в плену. Теперь у меня есть возможность отомстить недругам!

— Ты очень помог нам, пан Кульчицкий. Если мы отобьём врага, император тебя наградит. Я позабочусь об этом.

— Благодарю. Но до награды ещё далеко, герр генерал. Сперва надо победить!

Штаремберг с любопытством взглянул на молодого человека, мысленно отметив, что он далеко не так прост, как показалось вначале.

— Несомненно. К этому и стремимся... И твоя помощь, думаю, сохранит жизнь многим моим солдатам, станет весомой частью нашей будущей победы!

— Я тоже надеюсь на это, — ответил Кульчицкий. — И появился я у вас именно сейчас неспроста: на завтра Кара-Мустафой назначен генеральный штурм Вены!

— О-о! — Штаремберг порывисто встал. Зашагал по кабинету, не скрывая волнения. — Сведения достоверные?

— Да.

— Это крайне важное сообщение! Спасибо тебе, друг мой! Мы приготовимся и встретим врага как следует... Ах, сколько крови прольётся! Сколько разрушений предстоит!

Кульчицкий тоже поднялся.

— Разрушения будут невелики. Турецкой артиллерии, как и в прошлый раз, приказано обстреливать только валы и укрепления. Кара-Мустафа хочет сохранить город для себя.

— Для себя?

— Да. Ходят слухи, что он мечтает основать в Европе новую исламскую империю, а Вену сделать её столицей. Акынджи и татары сжигают села, уничтожают жителей, чтобы со временем своими ордами заселить эту землю.

Светло-голубые глаза Штаремберга вспыхнули гневом.

— Подлые цели! Но достичь их Кара-Мустафе легко не удастся. Мы будем драться до

последнего!

— Я верю в это — иначе не помогал бы вам, господин генерал, рискуя жизнью, — с достоинством произнёс Кульчицкий. — Чем ещё я могу быть полезен?

— У нас нет связи с левым берегом, с главнокомандующим Карлом Лотарингским. Мы не знаем, что там решили... Не знаем, на что можем рассчитывать...

— Я налажу такую связь! — уверенно пообещал Кульчицкий.

— Как ты это сделаешь?

— Из города выйду так же, как и входил. Через турецкий лагерь проберусь беспрепятственно: там я свой человек...

— А через Дунай?

— Я плаваю, как рыба!

— Тебя сам бог послал нам! — обрадовался Штаремберг. — Тогда слушай... Карлу Лотарингскому скажешь, что у нас всего достаточно — пороха, ядер, бомб, провизии. Но не хватает людей. Много убитых, раненых. Начала свирепствовать дизентерия — от неё гибнет масса венцев.

— В турецком лагере тоже, — вставил Кульчицкий. — Если так пойдёт и дальше, то через месяц заболит половина войска.

— Однако у Кара-Мустафы и в этом случае останется не менее ста тысяч! А у нас? Месяц-другой осады — и все мы перемрем здесь. Так и скажи Карлу. Пусть поторопится с помощью...

— Передам.

— И ещё узнай, не пришёл ли король польский. Не прибыли ли с войском немецкие князья? Нам это тоже важно знать.

— Хорошо. Узнаю. — Кульчицкий надел шапку. — Ждите меня в ближайшее время... Сейчас главное — отбить завтрашний штурм! Желаю успеха, герр генерал!

Штаремберг обнял его, поцеловал.

— Благодарю тебя, голубчик...

4

Генеральный штурм, как и говорил Кульчицкий, начался рано поутру.

После нескольких залпов из трехсот пушек, бивших по стенам и бастионам, лавина янычар пошла на приступ.

Ян Кульчек с Якобом Шмидтом выскочили из погреба, где прятались от артиллерийского обстрела, и заняли своё место на Швехатских воротах. У каждого по мушкету, через одно плечо — кожаная сумочка с оловянными пулями, через другое — пороховница на ремешке. На левом боку — шпаги, пролежавшие на складах, должно быть, со времён крестоносцев, ибо они изрядно поржавели.

Солнце только что взошло и слепило глаза. Кульчек прикрыл глаза ладонью — посмотрел вниз, на залитый солнцем вражеский лагерь.

Какое это было жуткое и вместе с тем величественное зрелище!

Тысячи воинов в широких цветных шароварах, с разноцветными флажками под звуки тулумбасов и труб выскакивали из шанцев [73] и, неся штурмовые лестницы, бежали к городу.

За каждой лестницей торопился юз-баша, десятник, назначенный со своими людьми брать приступом стены.

Как только передние ряды приблизились на расстояние полёта картечи, с валов ударили пушки. Крики боли и неистовой ярости донеслись в ответ. Десятки янычар, не добежав до рва, упали на землю и корчились в предсмертных муках.

Пока артиллеристы перезаряжали пушки, выстрелили из мушкетов солдаты и ополченцы. Упали ещё несколько десятков нападающих. Но остальные добежали до рва, попрыгали в него, взобрались по эскарпу вверх и приставили к стенам штурмовые лестницы. Янычары полезли по ним, как муравьи. Все вокруг сотрясалось от громового крика «алла, алла!».

вернуться

70

Бюлюк (тур.) — большой военный отряд, войсковое соединение.

вернуться

71

Орта (тур.) — отряд, рота.

вернуться

72

Рейтар (нем.) — солдат наёмной кавалерии в Европе XVI — XVII вв.

вернуться

73

Шанец (нем.) — земляной окоп, общее название временных полевых укреплений в XVII—XIX вв.

С этой минуты для подмастерьев-пивоваров время остановилось. Им казалось, что они погрузились в кошмарный сон, которому не будет конца. Сначала стреляли в нападающих. Ян заряжал и передавал мушкет худошавому, белесому и нежному, как девушка, Якобу. Тот, вопреки своей внешности, имел мужественное сердце и твёрдую руку. Ни один его выстрел не прогремел напрасно. Он почти не целился: янычары, взбиравшиеся по лестнице, сами подставляли свои головы и груди — назад им, живым, ходу не было. Сражённые с дикими

криками падали вниз.

Якоб покраснелся. Глаза его блестели. На лбу выступили крупные капли пота. После особенно удачного выстрела он восклицал:

— Гох! Гох! Славно! А что — угостил я вас, дьяволов? Туда вам и дорога, кровавые собаки! Убирайтесь ко всем чертям, паршивые свиньи!

Мушкетеры не могли уже сдерживать натиск атакующих, янычары влезали на стены, и друзья схватились за шпаги. Раньше им не приходилось действовать этим оружием, и было страшно ощущать, как упругое тонкое железо легко входит в тело врага. Но в разгар боя не до переживаний. Ибо жили и действовали они как в чаду... Вместе со всеми кричали, вместе кидались на врагов врукопашную и радовались, когда очередной янычар, не успев взобраться на стену, летел вниз, сражённый ловким ударом...

Бой бушевал повсюду, от Швехатских ворот на востоке до Шотландских на западе. Генерал Штаремберг скакал на коне из одного конца города в другой, поднимался на стены, подбадривал защитников.

— Крепче держитесь, друзья! Отступить некуда — разве что в могилу или в турецкую неволю... Бей врага! Не жалея пороха — в погребах его хватит! Коли, руби проклятых!.. Засыпай им глаза песком!.. Лей на головы кипятком и смолу!..

Он был немолод, но ловок и безгранично смел. Появлялся в самой гуще сражения, где тяжелее всего. И его громовой голос перекрывал шум боя и вселял в бойцов новые силы.

— Держитесь, друзья! Крепко держитесь!

Убедившись, что держатся, мчался дальше...

В полдень, когда напряжение битвы достигло наивысшего предела, Штаремберг поднялся на башню собора святого Стефана. Она, стройная, высокая, словно шпага устремилась в небо.

Здесь уже сидел со зрительной трубой Колонич. Штаремберг взял у него трубу — поднёс к глазу.

Все стало видно как на ладони: и тёмные колонны янычар, которые подходили на смену поредевшим и уставшим бюлюкам, и красный шатёр Кара-Мустафы, и группа всадников перед ним, и огонь, вылетающий из крепостных пушек, и суeta на стенах... Турецкая артиллерия молчала, хотя могла закидать бомбами почти весь город. Теперь это не удивляло генерала, предупреждённого Кульчицким о причине странного поведения противника.

Кульчицкий! Вот к кому чувствовал сейчас отеческую любовь и сердечную благодарность старый генерал. «Друг мой! Сама судьба послала тебя нам на помощь! — думал он, переводя трубу с одной части города на другую. — Дважды за последние десять дней ты предупреждаешь венцев о вражеских наступлениях! Если ещё сообщишь Карлу Лотарингскому о нашем положении, твоему благородному подвигу не будет цены!»

Вдруг рука генерала со зрительной трубой вздрогнула: что там за возня на валу, у Швехатских ворот? Неужели янычарам удалось захватить этот участок стены?

— Пан Колонич, посмотри-ка, пожалуйста, ты! Что-то там неладно!

Колонич взял трубу.

— Все хорошо, мой генерал! Оснований для беспокойства нет. Продержимся час-другой — и турки сыграют отбой. Разрази меня бог! Я чувствую, Кара-Мустафа будет полностью посрамлён...

Но тут он умолк, присмотрелся внимательнее, потом выругался:

— Гром и молния! Действительно, у Швехатских ворот творится что-то странное. Кажется, там идёт резня. Пошли!

Они быстро спустились вниз. Пока Колоничу подводили коня, Штаремберг вскочил в седло ил сопровождении эскорта адъютантов помчался к восточной части города.

Навстречу на забрызганных кровью подводах везли раненых. Бледные лица, искажённые болью, окровавленные повязки, широко открытые глаза, запёкшиеся губы... Кто стонал, кто просил пить... Некоторые лежали молча, крепко стиснув зубы.

Генерал окидывал их взглядом, но не останавливался — мчался во весь опор дальше. Главное сейчас — отбить врага. Не пустить в город. Сбросить со стен.

На валу и на площади возле Швехатских ворот шёл жестокий бой. Бились на саблях, резали ятаганами, кололи шпагами, разбивали головы боздуганами и боевыми топорами...

Штаремберг спрыгнул с коня, выдернул шпагу — ринулся в самое пекло боя.

— Вперёд, братцы! Вперёд!

Адъютанты обогнали его, закрыли от пуль и сабель.

Появление генерала и двух десятков его адъютантов и телохранителей влило новые силы, вселило уверенность в сердца изнемогающих защитников.

— Генерал с нами! Генерал с нами! — раздались голоса. — Наддай, братцы! Перебьём бешеных псов!

Янычарам, которые прорвались на площадь, и так было нелегко, а теперь на валу их отрезали от своих свежие воины, приведённые Штарембергом. Поэтому дрались они с яростью обречённых — отступить им было некуда.

Ян Кульчек и Якоб Шмидт держались друг друга. Они забыли обо всем, кроме одного — бить врага! Одежда их была насквозь пропитана потом, залита своей и чужой кровью...

Смертельный вихрь уже полдня кружил их в неистовом танце, которому, казалось, не будет конца.

Увидев генерала, кинувшегося в бой со шпагой в руке, Ян и Якоб ещё сильнее надели на противника и потеснили его к стене.

Янычары яростно оборонялись. Их осталось около двадцати, но по всему было видно, что это опытные воины, их сабли снесли головы многим защитникам Вены.

Не миновал этой ужасной участи Якоб Шмидт.

Увлечённый рукопашным боем, он не заметил, как со стороны налетел на него ещё один янычар, и вражеская сабля со всего размаха опустилась на его темя.

— Ох! — вскрикнул он глухо и повалился наземь.

Ян Кульчек ничем не мог помочь другу: тот уже не дышал. Лежал навзничь, худой, белолицый,

с мёртвыми невидящими глазами.

Когда пал последний янычар из прорвавшихся в город, чех склонился над другом и пальцами закрыл его веки. Долго и горестно глядел на лицо Якоба, а у самого из глаз катились слезы.

В это время ему на плечо легла чья-то рука. Он поднял голову — рядом с ним стоял генерал.

— Молодец, паренёк! Я видел, как ты дрался... Но впредь я запрещаю тебе рисковать жизнью! Ты мне нужен для другого дела. Понял?

— Понял, господин генерал.

Кульчек выпрямился, вложил шпагу в ножны. Вытер разорванным рукавом закопчённое, забрызганное кровью лицо и только теперь почувствовал, как у него пересохло во рту и как дрожат от длительного напряжения руки.

5

Это была ужасная ночь. Давно стихла пушечная канонада, умолкли мушкетеры, не слышно было жуткого рёва распалённых атакующих воинов. Но все это сменилось душераздирающими криками умирающих, стоном и мольбой, руганью и проклятиями раненых, лежащих вперемешку с убитыми вокруг города.

Никто не мог спать — ни венцы в своих домах, ни турки в шатрах.

Утром Штаремберг послал к Кара-Мустафе офицера — передать, что австрийцы прекратят огонь до тех пор, пока не будут вынесены раненые и похоронены убитые.

Несколько дней над Веной стояла полная тишина, воздух был насыщен трупным смрадом. Обе стороны не сделали ни единого выстрела. Турецкие похоронные команды беспрепятственно уносили раненых и тех, кто уже отошёл в «райские сады аллаха». И только когда во рвах не осталось ни одного трупа, в турецком лагере раздался сигнальный выстрел гаубицы, оповещающий, что затишье закончилось. С этой минуты начался ежедневный обстрел валов и бастионов.

Штаремберг ждал нового штурма, с тревогой осматривал поредевшие отряды защитников столицы. Но турки вели себя спокойно. И это удивляло старого генерала. Почему Кара-Мустафа не наступает? Что он задумал? Ведёт подкопы и закладывает мины под валы? Или выжидает удобное время, чтобы застать врасплох?

Генерал не спал, ходил ночами по валам и в тишине прислушивался — не доносятся ли глухие удары ломов и лопат? А может, роят только днём, когда взрывы сотрясают землю?

В одну из таких бессонных ночей Ян Кульчек привёл к нему Кульчицкого.

Усадив обоих молодых людей за стол и велел ординарцу развернуть карту, Штаремберг с нетерпением спросил:

— Ну что там? Рассказывай! Видел Карла Лотарингского?

— Герцог внимательно выслушал мой рассказ о положении в Вене и просил заверить вас, генерал, что ни на минуту не забывает об осаждённой столице, — ответил Кульчицкий. — Он ждёт короля Яна Собеского с поляками. Вот-вот должны прибыть франконцы. Как только все силы объединятся, они сразу же выступят против Кара-Мустафы и снимут осаду с Вены. Так

уверяет герцог Лотарингский.

Штаремберг слушал, не пропуская ни слова, тревога и озабоченность не оставляли его лица.

— Меня очень беспокоит то, что в городе лютует поветрие. Мы каждый день хороним умерших. Болезнь забирает больше, чем война...

— Я сообщил и об этом... Герцог просил напомнить вашему превосходительству, что мор и болезни — всегдашние спутники войны и в особенности осады. Но, несмотря ни на что, нужно держаться. Вену сдавать нельзя!

— Мы и не думаем об этом! — воскликнул губернатор. — Одного не могу понять: почему Кара-Мустафа, зная о нашем тяжёлом положении, не штурмует? Что он замышляет? Подкопов как будто не ведёт.

Кульчицкий разгладил свои маленькие, недавно подстриженные усы.

— Герр генерал, Кара-Мустафа не ожидал такого отпора с вашей стороны во время первого и второго штурмов. Потери у турок огромны! В лагере тоже много больных. Нарастает недовольство. Военачальники начинают ссориться и препираться. Поэтому великий визирь, учитывая все это, принял новое решение...

— Какое?

— Он решил уморить осаждённых голодом.

— У нас достаточно припасов. Думаю, ему известно об этом.

— Чего не сделает голод, довершат болезни... Кроме того, сераскер возлагает большие надежды на подкопы и мины. Турки искусные мастера в таких делах.

— Я знаю. Но сейчас не слышно, чтобы где-либо подбирались.

— Рюк, господин генерал. Со стороны Леопольдштадта ведутся два подкопа. Из Пратера — один. Там удобно: сады подходят вплотную к валу — землю можно выносить незаметно. Следите внимательно на этих участках! Не исключено, что и в других местах...

— Спасибо, друг. — Генерал поднялся из-за стола и пожал Кульчицкому руку. — Это очень важно. Мы сделаем все возможное, чтобы продержаться как можно дольше. Но если осада затянется, мы погибнем. Вся наша надежда на быстрый приход короля и немецких князей.

6

Ян Собеский, на которого возлагал такие большие надежды губернатор Вены Штаремберг, прибыл в лагерь Карла Лотарингского лишь в конце августа, приведя с собой смехотворно малое войско — четыре тысячи всадников.

Король был невероятно зол. Ещё бы! Такой срам претерпеть! Как только он вспоминал события последних месяцев, кровь бросалась ему в голову и заливала краской стыда его одутловатое, обрюзгшее лицо. Окаянные магнаты! Они все же настояли на своём — не дали на поход ни единого злотого! К июлю его собственными усилиями было собрано и экипировано четыре тысячи кварцаной конницы — гусаров. Кроме них, стоило брать в расчёт лишь две тысячи жолнеров. Остальные — несколько тысяч пехотинцев, которых так просил Леопольд, — просто

срамотища! Не воины, а сплошная деревенщина — польские, галицкие и белорусские холопы. В свитках, в белых полотняных рубахах, некоторые даже в лаптях! Неизвестно, смогут ли они стрелять из мушкетов. Артиллерия — одно название! Всего двадцать восемь пушек! И это в то время, когда у Кара-Мустафы, как говорят, пушек около тысячи, а на стенах столицы Леопольда — двести!

Какой позор! Вот до чего довели интриги магнатов и их зависть! Каждый стремится стать королём, а для величия и славы отчизны жалеет дать лишний золотый! Проклятье!

Когда в Тарнову Гуру от императора Леопольда прибыл генерал Караффа и захотел увидеть войско, готовящееся к походу под Вену, нечего было и показывать. Собескому пришлось укрыть в соседних сёлах и горе-пехоту, и злосчастную артиллерию... На плацу продефилировала только кавалерия, которой генерал остался доволен. Он просил выступить с нею немедленно — через Венгрию, чтобы по дороге усмирить, восставших против австрийского гнёта венгров.

Собеский через Венгрию не пошёл. Далекое. А главное — не хотел быть на побегушках у Леопольда, известного хитреца и интригана. Поэтому повёл своё войско форсированным маршем напрямик — через Силезию и Моравию.

В Холлабрунне его радостно приветствовал Карл Лотарингский, не скрывая, однако, разочарования, что у короля так мало войска.

Собеский сказал, что следом идёт гетман Станислав Яблоновский с главными силами. При этом сердце его тревожно заняло. Что, если казаки отказались идти в поход и Менжинский вернулся с Украины ни с чем? Кого тогда приведёт Яблоновский? Эту жалкую пехоту и артиллерию, которые остались в Тарновской Гуре?

Неизвестность угнетала короля. Но грусти и раздумьям предаваться было некогда.

В тот же день в Холлабрунн прибыл с франконцами граф фон Вальдек, а затем в Штадельдорфе присоединился курфюрст Саксонский.

Союзники двинулись к Тульну, расположенному в пяти милях на запад от австрийской столицы, и начали наводить наплавной мост через Дунай. Сюда подошёл с рейтарами и курфюрст Баварский.

Несколько дней кипела работа. Когда мост был почти готов, появился наконец Яблоновский. Уж лучше бы он не появлялся! Или остановился бы где-нибудь поодаль, в поле... Так нет — влез прямо в лагерь союзников, прошёл мимо австрийцев, саксонцев, баварцев, мимо штабных шатров — к самому берегу Дуная.

Собеский глянул — и у него опустились руки. Перед ним плелись уставшие, запалённые, в разбитой обуви, обыкновенные крестьяне из Ополья, Мазовии, Литвы, Белоруссии и Галиции. Протарахтели на неуклюжих крестьянских возах несколько пушек. И только две тысячи жолнеров имели пристойный вид. Среди них он заметил пана Спыхальского, узнал его по воинственно встопорщенным рыжим усам.

Краснолицые баварские рейтары, сытые и прекрасно одетые, громко издевались:

— Ха-ха-ха, вот это вояки! С ними навоюем!

— Фриц, клянусь тебе, эти польские бауэры [74] ни разу в жизни не нюхали пороху!

— Согласен, Михель, они тут же зададут стрелкача, как только раздастся первый выстрел!

Слыша эти насмешки, король готов был сквозь землю провалиться.

Когда к нему подъехал Яблоновский, Собеский, не отвечая на приветствие, сурово спросил:

— Где же казаки, пан Станислав? Привёл или нет?

Высокий худощавый гетман устало покачал головой.

— Нет, ваша ясновельможность, не привёл...

— Матка боска! Я так надеялся!

— Но они идут. Полковник Менжинский сообщил, что ведёт шестнадцать тысяч казаков, — попытался успокоить вконец расстроенного короля Яблоновский. — Я не мог ждать — генерал Караффа все время торопил меня выступить поскорее. Поэтому я оставил Менжинскому проводников, а сам двинулся вслед за вами...

Собеский не поверил своим ушам.

— Шестнадцать тысяч? Не может быть!

Яблоновский обиженно пожал плечами.

— Так доложил мне гонец Менжинского.

— Но это же чудесно, пан Станислав! — восторженно воскликнул король. — Шестнадцать тысяч!

Настроение его сразу улучшилось. Даже лёгкий румянец пробился на бесцветных одутловатых щеках. Он быстро прикинул, что с казаками у него будет тридцать тысяч воинов, и обрадовался ещё больше... Не сорок, конечно, как обязался, но все же. Целое войско!

— Ты вот что, пан Станислав: вышли кого-нибудь навстречу полковнику Менжинскому. Пусть поторопится! Он должен прибыть к началу генеральной битвы!

Через час на военном совете Ян Собеский был объявлен, согласно польско-австрийскому договору, главнокомандующим объединённой армией союзников. Он сразу же отдал свой первый приказ — переправляться на правый берег. Заметил при этом:

вернуться

74

Бауэр (нем.) — крестьянин.

— Панове, все наши силы, за исключением казаков, которые вот-вот подойдут, собраны в единый кулак. Ждать дальше мы не можем и не имеем права. Только в решительном бою добывается виктория, и в ближайшие дни я дам Кара-Мустафе генеральное сражение! Прошу переправлять войска и днём и ночью — без шума, без крика, чтобы не привлечь внимание

противника...

Когда все вышли, Карл Лотарингский, в шатре которого проводился совет, приблизился к Собескому, по-дружески — за эти несколько дней они успели подружиться — взял под руку и сказал:

— Ваше величество, теперь мне хотелось бы представить вам человека, который во всех трех лагерях — нашем, турецком и в гарнизоне Штаремберга — чувствует себя так же свободно, как рыба в воде...

— О! Это чрезвычайно интересно! — Глаза Собеского загорелись, он быстро взглянул на Таленти, не оставявшего короля ни на минуту. — Кто такой? Что сделал этот человек?

— Это наш лазутчик в турецком лагере. Благодаря ему и я, и Штаремберг знаем, что задумывает Кара-Мустафа. Через него я поддерживаю связь с осаждённой Веной.

— Просто невероятно! А он, случаем, не обманывает вас?

— И у меня сначала возникло такое подозрение. Однако я очень скоро убедился, что это наш преданный друг... Не знаю почему, но он люто ненавидит Кара-Мустафу. Этим чувством полно все его существо...

— Как его зовут?

— Кульчицкий.

— Судя по фамилии, он поляк?

— Возможно, ваше величество. Впрочем, сейчас вы сами спросите у него. — И Карл Лотарингский поднял звонок. На его мелодичный звук в шатёр явился адъютант. — Пригласите Кульчицкого!

Долго ждать не пришлось. Вошёл молодой стройный офицер в мундире австрийской армии.

Увидев Собеского, он на мгновение остановился, словно решая, как ему вести себя в присутствии короля, а затем твёрдым шагом, как присуще человеку, привыкшему к военной службе, приблизился и поклонился:

— День добрый, ваша ясновельможность!

Собеский вытаращил глаза. Ведь это тот же шляхтич, который так услужил ему зимой в Варшаве! И хотя на нем совсем другая одежда, ошибки быть не может. Те же серые пытливые глаза, ровный, с едва заметной горбинкой нос, короткие тёмные усики и буйный темно-русый чуб с непокорными кудрями... Вот только фамилия у него была иная...

Король удивлённо взглянул на герцога Лотарингского, спросил по-французски:

— Это и есть Кульчицкий, мосье?

— Да, ваше величество!

Собеский снова уставился на молодого офицера. Даже глаза протёр, словно не доверяя им.

— Как тебя звать-величать, пан? — спросил он наконец.

— Кульчицкий естэм, ваша ясновельможность! — вытянулся тот.

— Но разрази меня гром, если я уже не видел тебя однажды в Варшаве, и тогда у тебя была другая фамилия!

— Да, ясновельможный пан король. Вы не ошиблись. Тогда я был Комарницкий.

Король вдруг весело захохотал — да так, что ходуном заходил его большой живот, туго перетянутый зелёным шёлковым поясом с кисточками, — чем сильно смутил Карла Лотарингского, который не понимал польского языка.

— Ха-ха-ха, видишь, пан, память у меня есть! Я сразу узнал тебя... Вот только не пойму, для чего этот маскарад? Кто ты на самом деле — Комарницкий или Кульчицкий?

— Пусть лучше ваша ясновельможность называет меня Кульчицким. К этой фамилии здесь уже все привыкли.

— А может, ты такой же Кульчицкий, как и Комарницкий? А? — хитро прищурился Собеский и стал похож на обыкновенного мелкопоместного шляхтича, который запанибрата разговаривает со своим холопом.

— Всяко бывает на этом свете, ваша ясновельможность. Порой человеку удобнее под чужим именем. Ведь не у каждого такая прекрасная память, как у вашей ясновельможности, — с лукавинкой в голосе ответил офицер. — Да и какое это имеет значение, как я теперь называюсь? Главное, задать хорошую трёпку Кара-Мустафе! Чтобы бежал без оглядки и никогда больше не совался ни в Австрию, ни в Польшу, ни на Украину!

Собеский посерьёзней.

— Да, пан Кульчицкий, или Комарницкий, или как там тебя... А-а, все едино, как тебя зовут! Важно то, что я тебе верю. Скажи-ка мне, друг мой, чем объяснить, что турки не захватили Тульн и дали нам возможность беспрепятственно навести мост, а сейчас — переправлять войска?

— Только уверенностью Кара-Мустафы, что союзники не посмеют перейти на правый берег, ваша ясновельможность. Побоятся, мол, его превосходящих сил.

— Сколько их у него?

— Если не считать убитых, раненых и больных, то боеспособных воинов наберётся не более ста тысяч...

— Сто тысяч? Ты не ошибаешься? Ведь ходят слухи, что Кара-Мустафа привёл трехсоттысячное войско!

— Это сильно преувеличено, ваша ясновельможность. Кроме того, вместе с войском в походе превеликое множество невоенного люда — возниц, погонщиков скотины, кашеваров, маркитантов, цирюльников... Их можно не брать в расчёт.

Собеский удовлетворённо засопел, многозначительно взглянул на Карла Лотарингского и Таленти.

— А сколько артиллерии выставят против нас турки? Говорят, у Кара-Мустафы тысяча пушек?

Арсен — это, конечно же, был он — возразил:

— Не верьте слухам, ваша ясновельможность. Пушек в три раза меньше. И ошибиться я не мог — сам просмотрел весь артиллерийский обоз. Турки всегда преувеличивают свои силы, чтобы запугать противника.

— Пожалуй... — задумчиво произнёс король. — Не впервые встречаюсь с ними. Под Хотинном было то же самое.

Он умолк, размышляя о чем-то.

Арсен учтиво подождал некоторое время, а потом нарушил молчание:

— Ваша ясновельможность, губернатор Вены генерал Штаремберг при нашей последней встрече очень просил поторопиться с помощью. Силы осаждённых на исходе. От болезней ежедневно умирает пятьдесят — шестьдесят человек. А ещё гибнут и от бомб, и от пуль... В городе начинается голод...

— Понимаю, — ответил король. — Осаждённым осталось недолго ждать. Если сможешь пробраться ещё раз к Штарембергу, скажи, чтобы держался до последнего! И вот ещё что: нужно разведать подступы к Вене с западной стороны — от Дуная через гору Каленберг до Дорнбахского леса... Не заняты ли те места турками?

— Я попробую, — кивнул Арсен. — Только как мне возвратиться к вам и одновременно попасть в Вену? Кроме того, я хотел бы побывать во вражеском лагере, может, удастся узнать что-нибудь важное...

— Тебе нет надобности возвращаться. С тобой пойдёт один знакомый тебе пан, опытный и храбрый воин. Он вернется сюда и доложит мне обо всем, а ты пойдёшь своей дорогой дальше.

— Кто бы это мог быть? Храбрый и опытный... Пойдите, пойдите... Ваша ясновельможность, неужели — Мартын Спыхальский? Он здесь? — Радостная улыбка озарила озабоченное лицо Арсена.

Собеский тоже улыбнулся.

— О! Вижу, вы с ним настоящие друзья! Ну что ж — я рад свести вас сегодня вместе. И пусть это будет в счёт моей благодарности тебе за верную службу отчизне и королю. Пан Таленти, прикажи привести сюда пана Спыхальского!

Секретарь вышел отдать распоряжение.

Собеский заговорил с Карлом Лотарингским по-французски, и они оба склонились над столом, на котором лежала большая цветная карта Вены и её окрестностей.

Стоя в стороне, Арсен вслушивался в чужую речь. В душе росла уверенность, что не зря он за последние два месяца затратил так много сил, чтобы расстроить планы Кара-Мустафы! Не зря множество раз рисковал головой, пробираясь в Вену и переплывая Дунай! Силы союзников выросли вдвое, а во главе их стал сам Ян Собеский, который, как и Сирко на Украине, посвятил свою жизнь борьбе со страшным турецко-татарским нашествием и ровно десять лет назад, будучи ещё гетманом, а не королём, наголову разгромил турок под Хотинном.

Хотелось верить, что и сейчас, когда Собескому стукнуло пятьдесят четыре года, он не утратил

ни мужества, ни воинского умения и его не оставило покровительство судьбы.

Арсен прекрасно понимал: если не остановить Кара-Мустафу под Веной, к ногам его падёт половина Европы! И Златкина жизнь будет окончательно исковеркана. Поэтому он поклялся себе, что сделает все, чтобы помочь Собескому разгромить ненавистного врага.

Позади него зашелестел полог. Арсен оглянулся — в шатёр в сопровождении Таленти вошёл Спыхальский. Вытянулся, напыжился, выставив вперёд острые усы. Щелкнул каблуками.

И вдруг — увидел Арсена.

Куда девалась его напускная важность! Усы вздрогнули, белые зубы засверкали в улыбке, в глазах — удивление и радость... Он сразу забыл о присутствии высочайших особ, широко раскинул руки, кинулся к Арсену и, схватив в объятия, во весь голос воскликнул:

— Друзе мой! Холера ясная!.. Вот не ожидал встретиться тутай с тобою! — И только после того, как заметил недоуменный взгляд Карла Лотарингского и широкое, полное, добродушно улыбающееся лицо короля, понял, какое невероятное нарушение этикета допустил. Он покраснел, смутился, потом вытянулся в струнку и пробормотал: — Прошу прощения у вашей ясновельможности... Такая неожиданность — друга встретил...— И снова смущенно умолк.

В ответ Собеский громко рассмеялся.

— Друга увидел — и про короля забыл! Вот это я понимаю — дружба! Ха-ха-ха!

У Спыхальского теперь пылало не только его обветренное лицо, но и уши побагровели. Казалось, даже усы занялись малиновым пламенем.

Собеский захохотал ещё громче — он любил посмеяться, — но внезапно стал серьёзным.

— Ну вот что, панове, не будем терять время! Не позже чем завтра утром я должен знать, свободны ли от турецких войск западные подходы к Вене, можем ли мы их занять. Это будет выгодная позиция для нас... Оттуда и ударим по врагу! Только бы вовремя прибыл Менжинский с казаками...

Последние слова поразили Арсена.

— Разве сюда придут и казаки, ваша ясновельможность?

— Да, я жду их с часу на час!

А Спыхальский добавил:

— Сам Семён Палий ведёт их!

7

Два дня длилась переправа.

В обеденную пору восьмого сентября последний солдат союзной армии перешёл на правый берег Дуная.

Со стороны Вены доносилась глухая канонада. Долетал усиливаемый порывами ветра тысячеголосый людской рёв — а-а-а! Было ясно — турки ведут ещё один штурм осаждённого

города.

Все ждали приказа к началу движения. Но Собеский не торопился: стоял на высоком холме и в зрительную трубу разглядывал далёкую дорогу за рекой — не идут ли казаки?

— Ах, Менжинский, Менжинский! Что же ты так запаздываешь? — приговаривал он с досадой. — Если бы только знал, как ты нужен здесь! Как мне не хватает сейчас казачьей пехоты!

Верховные военачальники союзников со своими штабами стояли поодаль и тоже смотрели на левый берег. Им было известно, кого ждёт главнокомандующий и какое значение может иметь для исхода генеральной битвы эта помощь.

Но дорога была пуста. Ни души, ни облачка пыли вдали.

— Ах, Менжинский, Менжинский! — сокрушённо качал головой Собеский.

Подошёл адъютант, что-то сказал тихо.

Король опустил зрительную трубу. Оглянулся.

— Где он? Давай его сюда!

К нему подвели усталого, грязного и оборванного Мартына Спыхальского.

— Ну что? — не отвечая на приветствие, спросил король. — Рассказывай!

Спыхальский стал во фронт.

— Ваша ясновельможность, мы обшарили всю местность от Дуная до самого Дорнбахского леса, что за горой Каленберг. И ещё дальше... Нигде не встретили ни одного турка, ни одного татарина. Все силы Кара-Мустафа стянул к Вене. Сегодня с раннего утра штурмует город...

— Торопится... Хочет до нашего прихода взять его... — задумчиво сказал Собеский. — Тогда он развязал бы себе руки в тылу и в генеральной битве имел бы больше шансов на победу... Но и у нас тоже шансы немалые. Прежде всего то, что Кара-Мустафа не ждёт нашего наступления так быстро.

Подозвав командующих союзными частями, король изложил диспозицию и отдал приказ войскам выступать.

Австрийские, саксонские и баварские части под командованием Карла Лотарингского двинулись вдоль Дуная, занимая левый фланг. В центре должен был стать граф фон Вальдек со своими франконцами. На правом фланге, в Дорнбахском лесу и в прилегающих долинах, — гетман Яблоновский с поляками.

Продвигались медленно, на ходу перегруппировывались в три линии, с резервом и обозами позади. Только на третий день, поздно вечером, так и не встретив сопротивления, вышли через Венский лес на обозначенный диспозицией рубеж.

Собеский со своей штаб-квартирой остановился на вершине горы Каленберг, приказал поднять большое красное, с белым крестом знамя и разложить костры — знак Штарембергу и всем осаждённым, что союзники пришли на выручку городу. Защитники Вены высыпали на валы. С колокольни святого Стефана пускали ракеты, словно умоляли о немедленной помощи.

Не дожидаясь, пока жолнеры поставят шатёр, Собеский приказал разостлать на земле походную постель и лёг спать. Долго не мог сомкнуть глаз — не оставляли мысли о завтрашнем дне, о предстоящей битве. Знал, что Кара-Мустафа тоже готовится к ней, и пытался предугадать его замыслы.

Чтобы отвлечься, стал думать о королеве, своей любимой Марысеньке: перебирал в памяти совместную с нею жизнь и убеждал себя в том, что не так уж и несчастлива она была. Правда, злые языки болтают о Марысеньке всякое... Она и теперь, находясь замужем, позволяет себе влюбляться в других, хотя бы в того же Яблоновского...

Вспомнив пана Станислава, король поморщился. И что она нашла в нем? Ну да ладно, он все уже давно простил ей. Простил, когда она родила ему сына (кстати, завтра присматривать нужно за Яковом, не ввязался бы сгоряча в бой!), простил за глубокий, пронизательный ум, за красоту, которая, казалось, и годам не подвластна... «Молись за меня завтра, Марысенька!» — прошептал Собеский, глядя в безлунное звёздное осеннее небо.

Нет, никак не удавалось ему отрешиться от тревожного чувства, холодившего сердце... Что будет завтра? Кому улыбнётся фортуна? За кем останется поле боя?

Ответа на эти вопросы сейчас никто не знал.

Собеский уснул незаметно, и ничто уже не мешало ему — ни фыркание коней, ни перекличка часовых, ни разговоры жолнеров, которые ставили королевский шатёр, ни постукивание топоров.

Разбудил его Яков со вторыми петухами.

— Папа, вставай! — тормошил он отца изо всех сил. — Радостная новость!

— Что?! — вскинулся король.

— Казаки пришли! Передовой отряд фастовского полковника Семена Палия. Менжинский привёл. Четыре тысячи... И несколько сотен донских казаков...

— Пришли? Не может быть! — вскочил на ноги Собеский.

— Ей-богу, правда... Ждут приказания, где становиться.

— Слава богу! А остальные?

— Остальные с обозом отстали... Будут позднее.

8

После очередного неудачного штурма, когда ещё сотни воинов падишаха сложили головы, а тысячи были ранены, турецкий лагерь охватили растерянность и уныние. Многие открыто упрекали сераскера, который, как говорили, нарочно затягивает взятие Вены, чтобы не дать город на разграбление. Паши, крымский хан, молдавский и валахский господа были возмущены медлительностью Кара-Мустафы, его неумением вести осаду.

Получив от татар известие о том, что Собеский переправился на правый берег и уже занимает гору Каленберг, Кара-Мустафа собрал военный совет.

Красный шатёр визиря гудел, как растревоженный улей. Никто не притронулся к сладостям и

ароматному кофе, которыми угощал высоких гостей кафеджи [75] визиря. Никто не восторгался сказочной роскошью огромного, со множеством комнат шатра, не обращал внимания на фонтан, тихо журчавший в мраморной чаше, на висящее по стенам оружие, инкрустированное золотом, серебром и драгоценными камнями. Разве до этого сейчас? Речь пойдет о жизни и чести Блистательной Порты!

Когда вошёл Кара-Мустафа, паши замолкли и склонили в поклоне головы.

Сераскер разрешил всем сесть и сел сам. За последние дни он похудел, ещё больше почернел. Настроение у него было явно подавленное.

Отхлебнув из фарфоровой чашечки глоток кофе, мёдленно обвёл взглядом военачальников, которые, опустив глаза, молча сидели на шёлковых подушках. Тихо спросил:

вернуться

75

Кафеджи (тур.) — кофевар, хозяин кофейни.

— Что будем делать, высокочтимые паши?

Никто не шевельнулся. В шатре надолго воцарилась гробовая тишина. Казалось, паши проглотили языки.

Кара-Мустафу начала охватывать ярость.

Мерзкие жирные ишаки! Кровожадные псы! Бездельники и завистники! Злорадствуют при его неудачах! Готовы пожертвовать жизнями своих воинов, только бы вырвать из его рук власть великого визиря и сераскера! Негодяи!

Он едва сдерживал себя, чтобы не накричать на них. Рассудительность взяла верх. Сжав кулаки, переспросил:

— Ну, так что посоветуют мне мои паши?

Вот поднял голову хан Мюрад-Гирей. Кинул коротко:

— Снять осаду и отступить!

И тут словно прорвало плотину. Заговорили все вместе, зло сверкая глазами.

— Конечно, отступить!

— Два месяца толклись под этим проклятым городом, а чего добились?

— Болезнь уже расправилась с третью нашего войска!

— Аллах отвернулся от нас!

— Выманить Штаремберга в поле, а потом вместе с Собеским разгромить! В чистом поле у нас преимущество!

— В нашем лагере каждый второй либо раненый, либо больной! Как воевать?

Кара-Мустафа вновь стал задыхаться от гнева.

— Не все сразу! Кто-нибудь один! Это военный совет, а не стамбульский базар!

Поднялся будский паша Ибрагим, шурина султана. Держится независимо, чувствует поддержку Высокого Порога [76].

— Высокопочитаемый садразам [77], высокочтимые паши! Я воин, поэтому не ждите от меня многословья. Скажу кратко: чтобы спасти войско нашего всемогущего повелителя и властителя султана Магомета, нам нужно отступить! Мы оказались между трех огней: Собеским, Штарембергом и дизентерией — ужасной болезнью живота, которая беспощадно косит наши ряды... У кого другое мнение — пусть скажет! — Он сел.

Сразу же встал сухой, энергичный и умный паша адрианопольский.

— Великий визирь, все паши единодушны в том, что двухмесячная осада Вены не принесла нам победы и что её надо снять. Почему, спросишь ты меня? Отвечу: потому, что мы уже потеряли убитыми, умершими от болезней и ранеными половину войска. Потому, что в тылу у нас стоит сам Собеский, полководец опытный и решительный. Потому, что Штаремберг защищался храбро, а теперь, когда ему на помощь подошли войска союзников, он и не подумает о сдаче города. Потому, что со дня на день нужно ждать дождей и осенних холодов, а у нас нет зимней одежды. Потому, наконец, что не мы первые отступаем от стен этого города — великий султан Сулейман тоже отступил, не снискав лавров победителя... Если отступим, то сохраним войско и надежду на победу в будущем. Да поможет нам аллах!

Кара-Мустафа заскрежетал зубами.

— Позор! Высокочтимые паши забыли о воинской чести и достоинстве! Забыли о чести Османской державы и славе падишаха! Мы пришли на войну, а не на весёлую прогулку. Аллах вовсе не покинул нас. Он не отступает от людей мужественных и отважных. Помните об этом! Я уверен: ещё три дня осады — и Вена падёт! Осаждённые держатся из последних сил. Подождите ещё три дня, высокочтимые паши! А Собеского нечего бояться. Поляки измучены дальней дорогой, в бою они нестойки. Король польский не осмелится напасть на нас. Мы сами нападём на него и заставим бежать без оглядки! Я не отступлю из-под Вены, пока не возьму её, аллах мне свидетель! Завтра я с саблей в руке буду драться, как рядовой воин, и лучше мне погибнуть, чем получить петлю на шею! Да поможет нам аллах! — Он перевёл дыхание. — Сейчас, паши, идите к своим воинам и готовьте их к бою. Я пришлю диспозицию... Мы развернёмся фронтом к Собескому и с помощью аллаха разгромим его! Идите!

Паши молча выслушали сераскера; тяжело поднимаясь с шёлковых миндеров [78], начали выходить из шатра. По их мрачным каменным лицам можно было понять, что слова Кара-Мустафы не успокоили их и не убедили в правильности его решения.

9

Сафар-бей остановил коня на холме, откуда были видны западные окраины Вены и гора Каленберг, неторопливо провёл рукой на уровне глаз невидимую черту — показал Арсену:

— Вот здесь завтра заварится сеча! Ибрагим-паша уже занимает правый фланг — от Дуная до Хайлигенштадта. Янычары устанавливают пушки, копают шанцы. На левом фланге сосредоточено тридцать тысяч всадников... Кара-Мустафа надеется на успех.

— Ненко, как по-твоему, есть слабое место в турецкой обороне? — спросил Арсен.

Тот задумался.

— Трудно сказать... Великий визирь выставит завтра около ста тысяч воинов и более трехсот пушек. А двадцать или тридцать тысяч воинов останется вокруг осаждённого города. Сила, сам понимаешь, немалая. Кроме того, резерв, обоз...

— И все-таки... Неужели нет никакой слабинки?

— Есть. Но нападающий, решивший воспользоваться этой возможностью, сам должен быть готов к наихудшему, потому что рискует попасть в западню...

— Что же это за возможность?

Ненко поднялся на стременах, протянул вперёд руку.

— Видишь, вон там — Хайлигенштадт?

— Вижу.

— От него до самого Деблинга тянется глубокая расщелина, по которой можно скрытно проникнуть в тыл турецкого войска. Это, конечно, очень опасно: если турки обнаружат смельчаков, им останется одно — достойно встретить смерть!

— Ну, и что могут сделать те смельчаки, как ты думаешь?

— Неожиданно напасть на янычар с тыла. Причём не на фланге, а почти в самом центре, позади турецких позиций... Понимаешь, что это означает?

Арсен порывисто наклонился к Сафар-бею, стиснул его в могучих объятиях.

— Спасибо, Ненко! Спасибо, друг! Теперь мне пора! Жив буду — разыщу тебя, погибну — сообщи Златке. И скажи ей, что любил я её больше всего на свете!

— Ты что, Арсен? Уж не сошёл ли с ума? — Ненко тряхнул его за плечи. — Неужели надумал провести этой расщелиной союзников?

— Зачем союзников? Казаков! Только бы они прибыли вовремя!

— А если там будет засада? Вы все погибнете!

— Милый мой Ненко, у нас говорят: не так страшен черт, как его малюют! На то война, чтобы рисковать. Я хочу отомстить Кара-Мустафе — за Златку, за свои скитания, за мою разорённую землю! Во что бы то ни стало! А ты — береги себя. Ведь в случае моей гибели только ты сумеешь помочь Златке вырваться из когтей Кара-Мустафы... Ну, прощай! — Арсен ещё раз обнял Ненко и тронул коня.

10

Наступило воскресенье 12 сентября 1683 года.

В лагере союзников на рассвете все были на ногах. Выходило солнце. Но сквозь густой осенний туман оно светило скупо, окрашивая все вокруг в какой-то неестественный молочно-красный

цвет. Туман поднимался до половины горы Каленберг. Редкий на склонах, он закрывал сплошной непроницаемой пеленой низины и долину Дуная.

Над этим туманным саваном смутно виднелся острый шпиль собора святого Стефана. Оттуда наплывали и наплывали тревожно-призывные звуки колоколов — бом-м, бом-м, бом-м!

Подул лёгкий ветерок, и туман начал понемногу рассеиваться. Шпиль собора святого Стефана становился выше и выше, словно вырастал на глазах. Вскоре проглянули неясные очертания города, полуразрушенные, изрытые бомбами и ядрами земляные стены. На них стояли тысячи людей.

Когда солнце поднялось на небо и, брызнув на землю снопами ярких лучей, разогнало остатки тумана, Собескому и союзным военачальникам воочию предстала картина, подтверждающая всю мощь турецкого войска.

На холмах и в долинах, раскинувшихся перед городом, особенно на юг от него, извивались вражеские траншеи, а в них, как муравьи, копошились тысячи турецких воинов. Они поправляли разрушенные крепостной артиллерией шанцы, копали новые, устанавливали пушки.

Ближе к Каленбергу, от Дуная до самого Дорнбахского леса и за ним, стояло в боевом строю готовое к атаке войско Кара-Мустафы.

Собеский страха не чувствовал. Из прожитых пятидесяти четырех лет почти сорок он не выпускал саблю из рук и не раз лично принимал участие в кровавых битвах. Привык. К тому же под его командой сейчас семьдесят тысяч воинов! А это что-нибудь да значит!

вернуться

76

Высокий Порог, или Высокая (Блистательная) Порта (от тур. Паща-Капысы) — дворец правительства и само правительство Османской империи.

вернуться

77

Садразам (тур.) — титул великого визиря.

вернуться

78

Миндер (тур.) — подушка для сидения.

В глубине вражеского лагеря прогремели пять пушечных выстрелов — сигнал о начале атаки. И сразу же весь правый фланг турок, стоявший напротив Карла Лотарингского, пришёл в движение. Ударили пушки. Им ответили австрийские. Завязалась артиллерийская дуэль. Вскоре вспыхнули рукопашные схватки, которые переросли затем в жестокий бой.

Собеский видел, как полки Османа-оглы, паши месопотамского, дрогнули, смешались и покатались назад — к Нусдорфу, а потом — к Хайлигенштадту.

«Ну, пора!» — подумал он и приказал бросить в атаку франконцев фон Вальдека и драгун Любомирского. Послал также гонца на свой правый фланг к Яблоновскому, стоявшему в ожидании, с приказом наступать.

В центре турки оказали такое отчаянное сопротивление, что франконцы затоптались на месте, а драгуны, понеся серьёзные потери от пушечного огня, откатились на исходные позиции.

Наблюдая это, Собеский выхватил из ножек саблю, ринулся вперёд:

— Поляки, за мной!

За ним помчались две гусарские хоругви [79]. Обогнали короля, врезались в строй спахиев, потеснили их немного, но обратить в бегство не смогли. Опомнившись, турки сами перешли в стремительную атаку и заставили гусар поспешно ретироваться.

Собескому пришлось бы совсем туго, если бы во фланг спахиям не ударили из ружей немецкие ландскнехты, стоявшие в резерве. Под шквальным огнём спахии развернули коней и отступили. Ободрённые этим, гусары кинулись преследовать их — на этот раз успешно: с ходу захватили холм, господствовавший над прилегающей местностью.

Король не участвовал в преследовании спахиев. Он поскакал в расположение резерва и вернулся через час с четырьмя немецкими батальонами и двумя батареями. Въехав на вершину холма, неожиданно для себя увидел вдали красный шатёр Кара-Мустафы.

— Панове, там великий визирь! — крикнул Собеский пушкарям. — Пошлите-ка ему несколько гостинцев!

Пушкари установили пушки — ударили ядрами. Но безуспешно. Ядра падали в саду, не долетая до шатра почти с полверсты.

Между тем бой в долине продолжался. На помощь спахиям хан Мюрад-Гирей прислал отряд буджакских татар. Собеский бросил в атаку польскую пехоту. Простые крестьяне, на которых он ещё вчера смотрел с нескрываемым презрением, бесстрашно ринулись вперёд, опрокинули буджаков, с ходу форсировали долину и закрепились на возвышенности. Ею король согласно диспозиции должен был овладеть лишь к концу первого дня боя. Дальше продвинуться они не смогли — их в упор расстреливала картечью турецкая артиллерия.

На правом фланге из Дорнбахского леса выступил Станислав Яблоновский, выстроивший свои войска полумесяцем, чтобы Кара-Мустафа не ударил сбоку, и оттеснил янычар на их исходные позиции.

Яростные бои завязывались на левом крыле союзных войск и в центре. Османские войска стремились победить во что бы то ни стало, союзники были охвачены отчаянным порывом отбить бешеные атаки, а затем самим перейти в наступление.

Кровавые затяжные схватки, вспыхнувшие в десять часов утра, когда рассеялся туман, на всем протяжении от Дуная до Каленберга переросли в свирепую сечу. Поляки, австрийцы, казаки, немцы дрались с беззаветным мужеством. Когда османская конница зашла во фланг польской пехоте, прорвавшейся в глубину расположения противника, брат королевы граф де Малиньи с одним эскадроном гусар бесстрашно ударил ей в лоб, смял передние ряды нападавших — и те

отступили, внося путаницу и панику в турецкие порядки. Казаки, известные во всей Европе как лучшие пехотинцы, не только остановили янычар, но и отбросили их назад. Австрийцы вместе с баварцами, саксонцами и франконцами потеснили османов на берегу Дуная почти до самых предместий Вены.

Много часов битва неистовствовала, как разбушевавшееся море.

Ян Собеский уверенно держал в руках управление войсками союзников. С возвышенности ему и его штабным офицерам было видно все поле боя. Поэтому прибывающих с донесениями гонцов он, прекрасно понимая обстановку в том или ином месте, сразу же отправлял назад с новыми приказами.

Во второй половине дня, когда османам, несмотря на ожесточённые атаки, нигде не удалось добиться успеха, король вдруг почувствовал, что чаша весов истории, творившейся здесь усилиями и муками десятков тысяч людей, постепенно начала склоняться в его сторону. Об этом говорили многие признаки, которые замечал искушённый глаз старого полководца, — и то, с какой твёрдостью союзники отбили все атаки противника, и то, как заторопились, засуетились вражеские отряды, стоявшие в резерве Кара-Мустафы, и даже то, каким одухотворённым, счастливым было лицо сына Якова, когда он пронёсся во главе гусарской хоругви в атаку, отсалютовав отцу саблей.

В четыре часа Собеский неожиданно увидел на левом фланге какое-то странное движение в лагере противника. Заметались и стали отступать янычары. Тёмными волнами выплёскивались они из шанцев, в беспорядке, словно охваченные ужасом, бежали в тыл, сминая резервы, стоявшие позади, увлекая их за собой. Потом забеспокоился, зашевелился хан с ордой и тоже кинулся наутёк.

Король не мог понять причины такого поспешного бегства, но не очень-то задумывался над этим. Нужно было немедленно закреплять успех. Разослав гонцов с приказом решительнее атаковать противника по всему фронту, он сел на коня и во главе двух гусарских хоругвей помчался вперёд.

11

Арсен проехал мимо редутов, где пушкарки насыпали защитные валы, к хайлигенштадтскому ущелью, с холма внимательно рассмотрел позиции янычар и лагерь крымских татар в тылу у них, а потом, оставив в кустах коня, прыгнул в овраг.

Быстро пошёл по нему, как только позволяли деревья и густой кустарник.

Здесь было безлюдно, тихо. Пахло сыростью и грибами. Правее, в зарослях, мирно бормотал небольшой ручеёк. Даже не верилось, что наверху, в нескольких десятках шагов, тысячи воинов по обе стороны оврага копают шанцы, устанавливают пушки — готовятся к битве.

Сумерки густели, и вскоре наступила ночь.

Он не мог сбиться с дороги, знал — овраг выведет его в расположение войск союзников. Шёл долго, на ощупь, натываясь на деревья и падая.

Около полуночи его остановил окрик немецкого часового:

— Вер ист да? [80]

— Не стреляй, я свой! — ответил Арсен на ломаном немецком языке.

Он вылез из чащи и оказался на поляне, где горел костёр, вокруг которого спали солдаты.

Часовой провёл его к офицеру. Тот, узнав, что перед ним сам Кульчицкий, о котором в союзных войсках уже ходили легенды, спросил:

— Чем могу служить?

— Мне нужно видеть главнокомандующего, — потребовал Арсен. Офицер растерялся.

— О! Майн готт, это невозможно. Ночь!

— Как же быть? Утром будет поздно... — Арсен сокрушенно покачал головой. То, что он задумал, нужно было начинать сейчас, немедленно.

Офицер молчал. Красноватые отсветы огня выхватывали из тьмы его худощавое, с белесыми бровями лицо и грустные глаза.

— Может, отвести тебя к нашему оберсту? [81] — сказал он в раздумье.

Арсен пожал плечами.

— С ним я буду говорить так же, как и с тобой. Ты по-нашему — ни гугу, я по-вашему — с пятое на десятое. Вот если бы мне к полякам! Или к казакам...

— К казакам? Так они же здесь — рядом. Соседи.

— Неужели? — Арсен не мог скрыть радости. — Веди меня к ним скорее!

Казаки только что прибыли и расположились во второй линии, в резерве. В их лагере, как и повсюду, горели костры. Кашевары варили кулеш и кашу. Никто ещё не спал. Одни копали волчьи ямы, другие обтёсывали колья для них, некоторые кормили коней.

У Арсена радостно забило сердце — свои! Он отпустил офицера-немца и направился к костру, над которым висел на треноге чёрный казан. У котла, с огромным половником в руках, суетился маленький казачок-кашевар.

— Готов уже, знаешь-понимаешь! — прищёлкнул он языком, отведав горячее кушанье. — Кулеш вышел на славу! Даже Зинка дома, в печи, не сварит такого!

вернуться

79

Хоругвь — воинское подразделение, а также знамя этого подразделения.

вернуться

80

Вер ист да? (нем.) — Кто идёт?

вернуться

81

Оберст (нем.) — полковник.

Арсен усмехнулся — да это ж Иваник! И, схватив кашевара в охапку, поднял над землёй, закружил вокруг костра.

— Иваник! Вот не ожидал встретить тебя аж под самой Веной! Здорово, брат!

Иваник задрыгал ногами.

— Арсен! Да неужто это ты, знаешь-понимаешь? — И закричал во всю мочь: — Братцы, сюда! Арсен Звенигора объявился! Батько Семён! Роман!

На его крик отовсюду торопились казаки. Первым прибежал Роман — обнял побратима, прижал к груди.

Подошёл Семён Палий.

— Батько! — бросился к нему Арсен. — Как хорошо, что ты здесь!

— Я тоже рад видеть тебя в добром здравии! Да ещё в янычарской шкуре! Значит, у тебя что-то на уме?!

— А как же! Есть тут совсем рядом глубокий овраг. Я только что добрался по нему из лагеря Кара-Мустафы. Вот если бы взять нам тысячи две хлопцев да прокрасться в тыл к басурманам — был бы знатный переполох!

Палий не сводил пристального взгляда с молодого друга.

— Ты уверен, что это удастся?

— Конечно, можем и головы сложить... Но если повезет, то будем на коне!

— Гм, заманчиво... Нужно только поставить в известность главнокомандующего. К счастью, его посланец здесь. Пошли к нему. — И Палий, хитро прищурившись, направился к своей палатке.

Арсен и Роман шагали за ним.

Возле палатки на разостланном плаще кто-то крепко спал, раскинув руки. Мощный храп, разносившийся чуть ли не на всю поляну, свидетельствовал о беззаботном сне человека.

— Пан, вставай! — громко произнёс Палий. — Так и царство небесное проспишь!

Но тот и ухом не повёл.

Тогда Палий толкнул королевского посланца носком сапога под бок.

Посланец что-то пробурчал, отмахнулся рукой, как от надоедливой мухи, повернулся на бок и опять захрапел.

Арсену показалось знакомым это бормотанье, но не успел он смекнуть, что к чему, как Палий, рассердившись, бесцеремонно затормошил спящего и наградил его солидным тумаком.

Храп сразу прекратился. Человек зашевелил усами.

— Какая там холера толкается? Иль захотелось пану разумнику отведать моих кулаков?

Арсен хлопнул себя руками по бёдрам: ведь это же Спыхальский! И как это он не узнал друга?

— Будет тебе, пан Мартын! Вставай!

Спыхальский подскочил, как ужаленный.

— Арсен? Холера ясная! Чего сразу не разбудил? Мне, дружище, как раз приснилось, что мы с тобой...

— Постой, постой, пан Мартын, — остановил его Палий. — Потом сны расскажешь. А сейчас — поезжай к королю!

— С чего бы это?

Палий объяснил.

— Ни за что! — неожиданно заявил Спыхальский. — Мне да не пойти с вами? Такому не бывать! И не проси, батько. Не поеду. Посылай кого хочешь другого... К королю каждому дорогу покажут.

Палий подумал, добродушно сказал:

— Черт с тобой! Оставайся. Пошлю кого-нибудь из казаков... — И обратился к сотникам: — Хлопцы! Поднимайте людей! Половина останется здесь, а остальных я беру с собой. Да поживее, время не ждёт! Поедим кулеша — и айда!

— Батько Семён, возьми и моих донцов, — попросил Роман Воинов. — Опасаются хлопцы, что, приехав от самого Дона на Дунай, в настоящем деле не побывают...

Палий посмотрел на Арсена. Тот утвердительно кивнул головой.

— А с конями по оврагу они проберутся? Нам не помешал бы летучий конный отряд.

— Думаю, проберутся.

— Тогда готовь своих донцов! — коротко приказал полковник Роману.

Через час две тысячи пеших казаков и отряд с лошадьми в поводу спустились в овраг и двинулись вслед за Арсеном Звенигорой.

Шли осторожно друг за другом, растянувшись на полверсты. Сначала ночная тьма, а потом утренний туман и непроглядные заросли леса надёжно скрывали их от постороннего глаза. После восхода солнца ударили пушки, затрещала ружейная стрельба, воздух наполнился рёвом тысяч людских голосов, лязгом оружия и топотом конских копыт — и казаки пошли смелее. Если бы кто и услышал их теперь, то не придавал бы этому значения, поскольку вокруг все ревело, грохотало, земля сотрясалась от взрывов бомб.

Наконец Палий приказал остановиться, а сам с Арсеном пошёл на разведку.

На опушке леса влезли на высокий дуб с сухой вершиной и, примостившись так, чтобы видно было во все стороны, начали наблюдать за полем боя. Оба понимали, что сил с ними немного и вводить их в дело можно не раньше того, как битва достигнет наивысшего напряжения, когда один внезапный удар может стать решающим.

В ожидании проходили часы. Солнце поднялось в зенит.

Повсюду бурлил страшный бой. Хотя на правом фланге турки отступили до самых стен Вены и осаждённые могли уже переключаться с солдатами Карла Лотарингского, ещё рано было говорить о победе. Палий видел, что у Кара-Мустафы в тылу стоят свежие резервы — полки янычар и крымская орда, которые, вступив в битву, склонят чашу весов на свою сторону. Именно они и привлекали все его внимание.

Особенно опасными были янычарские бюлюки, засевшие в шанцах второй линии обороны. Глубоко зарытые в землю, они занимали очень выгодную позицию, поддерживаемую несколькими батареями пушек. В лоб взять их было просто невозможно. За ними, в широкой долине, притаилась орда, и Мюрад-Гирей, выполняя приказы Кара-Мустафы, посылал в места, находящиеся под угрозой, многочисленные конные отряды.

Эти силы могли решить исход всей битвы.

Когда солнце начало садиться за Венский лес, ослепляя войска противника, Палий понял, что наступил благоприятный момент.

— Пора, Арсен!

Они быстро спустились вниз. Палий собрал сотников.

— Ну, хлопцы, слушайте внимательно: к шанцам янычаров подползайте с тылу осторожно, скрытно, чтоб ни одна собака не заметила нас! В шанцы врываться, как черти, — с криком, свистом, мушкетной стрельбой. Побольше шума! Побольше гвалта! Чтобы хорошенько напугать янычар! Понятно?

— Поняли, батько!

— И знайте — отступать нам некуда. Забрались мы на самый край света, до дома далеко. И путь к нему лежит только через победу. Иначе — всем смерть... Поэтому смело, без страха — вперёд! Сотня за сотней. Рубите идиолов! Не жалейте! Они сюда не в гости пришли, а по чужую землю, по чужое добро. А мы на чужой земле защищаем свою. Поэтому, братья, забудем про страх! Помните мудрую древнюю присказку смелых: или пан — или пропал!

— Помним, батько!

— Тогда выводите сотни на опушку! А ты, Роман, — обратился Палий к Воинову, — со своими донцами жди моего сигнала. Как услышишь казацкую сурму [82], вихрем вылетай из засады, промчись вдоль шанцев — порубай тех, кому удастся удрать от наших сабель, а потом ударь во фланг хану Мюрад-Гирею! Татары ой как не любят фланговых ударов.

— Хорошо, батько! Сделаю.

— Ну, с богом!

Двадцать казачьих сотен быстро просочились сквозь заросли, и вышли на опушку. Отсюда, прячась в ложбинках, среди виноградников и садов, проникли в тыл янычарам. Арсен шёл впереди в своём янычарском одеянии — указывал путь.

Все складывалось как нельзя лучше. Двух или трех янычар, случайно наткнувшихся на казаков, сняли точными выстрелами из мушкетов. На эти выстрелы никто из турок не обратил внимания среди общего шума.

Палий поднял шапку — махнул.

— Начинай, хлопцы!

Казаки вынырнули из укрытий и поползли к шанцам и артиллерийским редутам. Арсен, Иваник и Спыхальский не отставали от полковника: они договорились оберегать его в бою.

Вот и шанцы! До них — несколько шагов. Янычары заняты кто чем: одни наблюдают за боем, медленно приближающимся к ним, иные — полдничают, третьи — дремлют на солнышке... Никому из них, пожалуй, и в голову не приходило, что сегодня они примут участие в деле. Вот-вот уже вечер накроет осеннюю землю туманными сумерками — и бой сам по себе затихнет...

И вдруг из тыла, откуда воины падишаха совсем не ожидали нападения, раздался боевой клич казаков, и сотни их, стреляя из пистолетов и мушкетов, размахивая саблями, ринулись в шанцы! Многие янычары, даже не успев понять, кто напал на них, полегли в первые же минуты. Другие в ужасе заметались по позиции. Крики отчаяния, мольба о пощаде взлетели над артиллерийскими редутами и траншеями.

вернуться

82

Сурма (укр.) — труба.

Артиллеристы прежде всех кинулись бежать. За ними — янычары. Страх ослепил их — бежали кто куда: к передовым линиям, к городским валам, а большая часть — в направлении, где стояла крымская орда.

Как раз эту картину и наблюдал Ян Собеский.

Арсен сбросил шапку и бешмет, чтобы свои не приняли его за янычара, и в одной сорочке носился по шанцам, стараясь не потерять из виду Паляя, — рубил, стрелял, отбивался.

Его сабля разила без устали, не знала промаха. Не одна янычарская голова скатилась под ноги, в траву, не один враг, ползая на коленях, молил: «Аман! Аман!» [83]

Не отставали от Арсена и Спыхальский с Иваником. Спыхальский рычал, как разъярённый лев, его громоподобный голос перекрывал шум боя. Иваник кричал тонко, бесстрашно кидаясь на любого, кто оказывался перед ним.

Все вокруг было завалено трупами. Земля — залита кровью. Янычары уже не сопротивлялись. Оставшиеся в живых мчались прочь с истошными воплями:

— Ойе, правоверные! Казаки в тылу! Спасайтесь!..

Палий приказал трубачу подать сигнал Роману Воинову.

Ярким бликом вспыхнула на солнце медная сурма. Зычный призывный звук эхом прокатился над полем боя и достиг опушки, где донцы ждали своего часа в засаде.

Сверкая саблями, со свистом и гиканьем выскочили они на равнину, неудержимым вихрем промчались над траншеями и апрошами [84], догоняли удирающих янычар, многих посекали и дружно повернули во фланг татарам.

Мюрад-Гирей боя не принял. Внезапный прорыв казаков в самом центре, на всю глубину турецких позиций ошеломил его. Орда, вздымая тысячами конских копыт густую пыль, бросилась бежать, топча всех на своём пути.

Наперерез орде от красного шатра метнулись несколько всадников, и среди них в белой абе

[85], разукрашенной драгоценными камнями и расшитой канителью, в белом тюрбане сам Кара-Мустафа.

— Остановитесь! — кричал он, нещадно нахлестывая коня. — Куда же вы? О аллах!

Но орда промчалась мимо него, не замедляя бега.

За ордой подались спахии, открывая позиции перед гусарами Собеского.

Следом за янычарами второй линии и татарами сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее начал отступать весь правый фланг турецкого войска.

Напрасно Кара-Мустафа метался среди бегущей толпы, напрасно просил остановиться, угрожал, умолял... Ничто не помогало! Охваченное ужасом войско откатывалось с позиций со скоростью неудержимой лавины.

Конница топтала пехотинцев — только бы вырваться из лагеря на широкий простор.

Пехотинцы бросали пушки, ружья, шатры, одежду, награбленное в походе добро, оставляли раненых и больных — спасались кто как мог.

Возчики, фуражиры, пастухи, маркитанты и цирюльники тоже, побросав все — палатки, возы, лошадей, волов и верблюдов, — мчались на восток, подальше от Вены.

Поняв, что битва проиграна и что его самого вот-вот могут схватить воины противника, Кара-Мустафа со свитой и личной охраной кинулся наутёк с поля боя. Нахлестывая коня плетью, галопом проскакал он мимо своего шатра, мимо гордого бунчука, высившегося над ним, проклиная в мыслях и хана, и пашей, и трусливых воинов — недостойных защитников знамени аллаха. Обуреваемый злостью и страхом, великий визирь, как самый последний трус, позорным бегством спасал свою жизнь.

В турецкий лагерь вступали союзные войска. Король Ян Собеский с гусарами захватил красный шатёр, а в нем — знамя пророка. На второй же день он отослал его с Таленти в подарок папе римскому. В казне великого визиря было найдено пять миллионов гульденов. Два миллиона король оставил себе, три — передал австрийцам.

Турки бросили в своём лагере пятнадцать тысяч шатров, сто шестьдесят пушек, огромное количество ядер и другого военного снаряжения, сотни мешков кофе. Груды тел пленных, зарезанных при отступлении, убитых турецких воинов загромождали всю местность вокруг Вены, и от этого воздух был наполнен нестерпимым трупным смрадом.

Собеский приказал отвести войска в поле, подальше от города, и расположился там лагерем.

12

Через два дня, спустившись по Дунаю из Линца, под гром пушечной пальбы в Вену въехал император Леопольд. С ним прибыли и члены верховного совета.

Держался император надменно, будто сам только что одержал победу над врагом. Ходил по Вене гоголем, важно выставив вперёд свой круглый живот.

Вечером, на заседании верховного совета, Леопольд оказал высочайшие почести военному губернатору столицы генералу Штарембергу, подарил ему усадьбу и значительную сумму

денег.

Штаремберг был рад, но чувствовал себя неловко, так как никто из полководцев, даже Карл Лотарингский, награжден не был.

Немного погодя старый генерал осмелился просить только за одного Кульчицкого, рассказав о его смелых подвигах и необычайной находчивости.

Леопольд подумал и изрёк:

— Думаю, этот поляк будет весьма доволен моей милостью: я дарю ему дом в старом городе, вблизи собора святого Стефана, а также весь запас кофе, захваченный в турецком лагере. Там его, как говорят, сотни мешков... Почти все пивоварни в Австрии разрушены противником, пива мало — так пускай твой Кульчицкий в подаренном ему доме откроет кофейню и приучает моих подданных к этому вкусному и полезному напитку!

Штаремберг поморщился, хотел было возразить, что многие австрийцы в жизни своей, пожалуй, не выпили и чашечки кофе, за исключением разве что самого императора с его семьёй, и потому Кульчицкий вряд ли будет иметь от этого подарка хоть какую-нибудь выгоду. Однако, боясь разгневать императора, промолчал...

Карл Лотарингский как почётный гость верховного совета держался с достоинством, шутил, улыбался, но Штаремберг видел, насколько глубоко он уязвлён тем, что его обошли наградами и почестями. Только великосветское воспитание да прирождённое чувство юмора помогли герцогу скрыть обиду.

Все сознавали эту несправедливость, но никто не осмелился указать на неё императору. Никто не хотел во время всеобщего триумфа по поводу непредвиденной и, что греха таить, мало ожидаемой победы над громаднейшим войском Кара-Мустафы попасть в немилость...

Наконец возник вопрос, как отметить Яна Собеского.

— Я послал к нему адъютанта с сообщением, что хочу встретиться с ним завтра и поблагодарить его за ратные труды, — сказал Леопольд. — Но как принимать победителя?

— С открытыми объятиями! — воскликнул прямодушный Карл Лотарингский. — Как же иначе? Он спас Вену и всю Австрию!

Леопольд нахмурился.

— Удостоить его императорских почестей? Я император по роду, наследственный, а он — король выборный. Разница, как видите, большая!

— Но он не жалел собственной жизни и жизни своего сына, спасая империю вашего величества! — не сдавался Карл Лотарингский. — С саблей в руке он шёл впереди войска, показывая пример бесстрашия и самоотверженности!

Леопольда передёрнуло. Кажется, этот французик намекает на то, что сам австрийский император, пока длилась осада Вены и не закончилась генеральная битва, отсиживался в Пассау и Линце?

— Мы воздадим должное нашему брату, королю польскому, — заявил он, чтобы прекратить неприятную беседу.

Войска выстроились на Эберсдорфской равнине, в полутора милях от Вены. На правом фланге стояли австрийцы и немцы, на левом — поляки и казаки. Собеский со своими гетманами и командующими союзного воинства ждал императора в центре, перед строем всей армии.

Из Швехатских ворот на красивом тонконогом, белой масти коне выехал Леопольд со своей свитой и направился к группе всадников, возглавляемой королём Речи Посполитой. Когда он проехал половину пути, ему навстречу двинулся в сопровождении сенаторов и гетманов, немецких курфюрстов, герцога Лотарингского и сына Якова Ян Собеский.

вернуться

Аман (тур.) — пощада, помилование.

вернуться

Апроши — вспомогательные ходы сообщения между окопами, траншеями.

вернуться

Аба (тур.) — плащ.

Император и король съехались на середине широкой равнины.

Не слезая с коня, Леопольд произнёс на латыни короткое поздравление королю по случаю победы и пожал ему руку. Речь была сухой, без эмоций, без тени теплоты, на которую надеялись и король, и союзные полководцы, словно говорилось не о славной победе, а о каком-то будничном деле. Да и длилась она не более трех-четырёх минут.

Польские сенаторы переглянулись с удивлением и возмущением, лица их начали багроветь. Такое приветствие походило на плохо скрытое пренебрежение.

Немецкие курфюрсты были обижены ещё больше, нежели поляки: император без единого ласкового слова поблагодарил вообще «немецких друзей», которые «помогли» австрийцам разбить ненавистного врага.

Создавалось впечатление, что австрийский двор специально хочет уменьшить значение вклада союзников в общее дело победы.

Ни словом не обмолвился Леопольд о Карле Лотарингском, будто вовсе не он возглавлял австрийскую армию. Герцог кусал губы: это было прямое оскорбление и унижение!

Ян Собеский — тоже на латыни — поздравил Леопольда с победой, отметил героизм и

самоотверженность воинов, искусство полководцев, в особенности герцога Лотарингского, а потом прибавил:

— Ваше величество, пользуясь случаем, хочу представить вам моего сына Якова, который проявил истинную доблесть, не раз обagrив свою саблю вражеской кровью. Я горжусь таким сыном!

Король ждал, что император в присутствии австрийской знати и немецких курфюрстов, а главное — при польских сенаторах обнимет королевича, приголубит и поприветствует как будущего зятя.

Но Леопольд лишь едва кивнул головой, скользнув холодным равнодушным взглядом по вспыхнувшему лицу молодого Собеского.

За своей спиной король услышал грозное покашливание братьев Сапег, недовольное ворчание Станислава Яблоновского. А казачий полковник Семён Палий, не сдержавшись, выругался вполголоса по-украински, полагая, что его никто здесь не поймёт:

— Ну и гусь, черт бы его побрал! И где он только был, когда тут пушки гремели?

Обида сжала сердце Собескому. Ему вдруг стало ненавистным выхоленное, надменное лицо Леопольда. «Ничтожество! — подумал он со злостью, едва сдерживая себя от вспышки негодования, чтобы не нарушить торжественную церемонию. — Трус несчастный!»

Но рассудительность превозмогла. Король холодно сказал:

— Ваше величество, возможно, захочет увидеть мою армию? Вот мои гетманы — они вам её покажут! — С этими словами он развернул коня и вместе с сыном поскакал прочь.

Император тоже тронул коня и поехал вдоль фронта.

Два следующих дня в союзных войсках царило подавленное настроение. Польские сенаторы, магнаты, даже простые жолнеры открыто возмущались недостойным поведением императора Леопольда, требовали от короля немедленного возвращения на родину.

Курфюрст Саксонский поднял по тревоге свои войска и отправился домой. Баварцы и франконцы колебались.

Только Ян Собеский, стараясь унять клокотавший в душе гнев, силой разума овладел собой и неуклонно стоял на том, что союзные войска должны довершить начатое дело: догнать Кара-Мустафу и добить его!

— Панове, — доказывал он шляхетному панству, — мы воевали не за императора, а за Речь Посполиту! Мы воевали за Вену, чтобы Кара-Мустафа не появился под Краковом или под Варшавой! Неужели вам это не понятно?.. Как же мы, зная, что у визиря хотя и основательно потрёпанное нами, но все ещё большое войско, как же мы можем спокойно возвращаться домой? Нет! Враг в панике — нужно его уничтожить! На этом я настаивал и буду настаивать! Визирь ещё опасен, и если мы дадим ему время собрать остатки войска в кулак, то совершим непоправимую ошибку не только перед отчизной, но и перед будущими поколениями; родившись рабами, они проклянут нас за то, что мы, имея возможность, не разгромили врага окончательно!

Королю удалось все же убедить воевод и сенаторов. Стали готовиться в поход.

В день выступления польского войска от императора прискакал гонец. Он привёз письмо с извинениями Леопольда за свою бестактность и драгоценную шпагу от него в дар королевичу Якову Собескому.

Поляки двинулись на Пресбург (Братиславу), где соединились с большим отрядом казаков, приведённых Куницким, а оттуда, дождавшись Карла Лотарингского, — на Гран (Эстергом). Там, как доносили разведчики, турки перешли на левый берег Дуная и заняли предместное укрепление в Паркане.

14

— Арсен, холера ясная, ты стал настоящим богатеем! — гремел Спыхальский, переходя вместе с казаками из одной комнаты дома, подаренного императором, в другую. — Вот бы такую хату тебе в Фастове!

Дом действительно оказался большим. Штаремберг от имени императора вручил Кульчицкому-Арсену ключи от него. Из турецкого лагеря австрийские солдаты привезли оставленный турками кофе — несколько сотен мешков — и сложили в подвале и в задних комнатах первого этажа.

Арсен только посмеивался. Что ему делать с домом и с кофе?

Иваник развязал один мешок — зачерпнул горсть коричневых зёрен, кинул одно в рот. Сплюнул.

— Тьфу, какая гадость, знаешь-понимаешь! Чтоб у того императора язык отнялся, когда он надумал наградить тебя, Арсен, черт знает чем! Не мог, скряга, отмерить ковш золотых! Сам отсиживался, когда мы кровь проливали, за тридевять земель от Вены — и захапал три миллиона гульденов! А герою Вены — на тебе, боже, что мне негоже!

— Нет, не говори, Иваник! — возразил Арсен. — Вот мы сейчас с Яном заварим кофе — попробуешь. Турки не дураки, у них на каждом углу кофейня. Кофе — божественный напиток. — И обратился к Кульчеку: — Ян, приведи-ка пленного! Кажется мне, он мастер на все руки. Думаю, что и кофе сумеет сварить.

Кульчек привёл пленного турка. Высокий, худой, горбоносый, он со страхом вошёл в большую комнату, в которой за столом на мягких стульчиках сидели казаки. А когда увидел дородного, грозного на вид Метелицу и не менее грозного Спыхальского, встопорщившего свои острые усы, задрожал как осиновый лист.

— Аман! Аман! — забормотал он, решив, наверное, что его здесь хотят убить.

Но к нему подошёл Арсен, положил руку на плечо, заговорил по-турецки:

— Не бойся, почтеннейший! Никто не жаждет твоей крови. Поверь мне.

— О! Эфенди так хорошо говорит по-нашему... Неужели меня и впрямь не зарежут?

— Не зарежут, не зарежут, аллах свидетель! Как тебя звать?

— Селим, эфенди.

— И кем же ты был в Турции, пока тебя не забрали в армию?

— Кафеджи, эфенди.

— Что? Кафеджи? — удивился Арсен и повернулся к друзьям. — Вы слышали? Он мастер варить кофе! Вот это повезло! — И снова обратился к турку: — Кофе нам сварить?

— Ещё бы, эфенди! Я этим занимаюсь двадцать лет. Меня и в плен взяли только потому, что я молот зёрна и не видел, как наши отступают...

— Вот и чудесно. Тогда свари нам, Селим, кофе. Да такой, чтоб аромат пошёл по всей Вене, а мои друзья полюбили его на всю жизнь!

У турка радостно заблестели глаза. Ему стало ясно, что ничего плохого эти люди не замышляют.

— Я мигом! Где кухня?

Ян Кульчек повёл его в глубь дома.

Вскоре оттуда донёсся приятный запах. Послышалось звяканье посуды. Забулькала жидкость, которую разливали по чашкам.

Не успели казаки рассказать друг другу о своих приключениях за последние два дня, не успели похвалиться добычей, доставшейся им в турецком лагере, как расторопный чех внёс на широком деревянном блюде несколько чашек с ароматным напитком, а на фарфоровой тарелке — поджаренные, румяные гренки.

— Ого-го! Да это ж, прошу добрейшее панство, и вправду вкусно! Разрази меня перун, если вру! — воскликнул Спыхальский, запихивая в рот хрустящую гренку и запивая её кофе. — Конечно, это не варёный мёд, каким меня угощали на Украине, но все же...

— И верно, не мёд! — пробасил Метелица. — Однако пить можно...

Сквозь распахнутые окна густой аромат кофе полился на улицу, и там стала собираться толпа: солдаты и офицеры, мастеровые, подмастерья, чиновники и студенты, ремесленники и их ученики — те, кто ещё несколько дней назад защищал город.

Арсен, сидевший у окна, видел, как они приносятся к приятному запаху. Что это? Откуда?

Один горожанин что-то сказал, но Арсен не понял. К окну подбежал в белом поварском колпаке Ян Кульчек.

— Здесь харчевня? Можно заходить? — обратились к нему.

— Не харчевня, а кофейня, — ответил Кульчек. — Кофейня Кульчицкого!

— Что это такое? — спросил седоусый человек в заляпанной краской одежде. — Чем тут торгуют?

— А вот попробуйте, герр! — Кульчек протянул ему через окно чашку кофе и гренку.

Тот понюхал, осторожно отхлебнул глоток, а потом с удовольствием выпил все.

— Гм, вкусно! Клянусь святой Магдалиной, вкусно! — проговорил он, возвращая Кульчику чашку. — Если нальешь, парень, ещё одну, то я тебе над входом, вон там, у самого фонаря,

намалюю вывеску. Как ты сказал: кофейня?..

— Кофейня Кульчицкого!

— Так и намалюю: «Кофейня Кульчицкого». Согласен?

— Согласен, герр. — И Ян подал ему ещё одну чашку кофе с гренкой.

Маляр выпил, раскрыл свой ящик, достал кисти и краски.

— Вынеси лестницу, пожалуйста!

Кульчек метнулся куда-то и притащил лестницу.

Седоусый привычно взмахнул кистью — и над дверями начали появляться большие — в пол-аршина — буквы. Не прошло и десяти минут, как люди, запрудившие улицу, с удивлением читали свежую надпись: «Кофейня Кульчицкого».

Наиболее нетерпеливые пытались зайти, но Кульчек, загородив двери, не пускал.

— Завтра, завтра приходите! Сегодня ещё ничего не готово! А завтра наварим кофе два котла — на всех хватит! Были бы только у вас денежки!

Арсен с казаками сперва посмеивался над выходкой Яна, но потом, когда толпа, узнав, что полакомиться сейчас не удастся, постепенно разошлась, неожиданно заявил:

— Послушай, Кульчек! Почему бы тебе и в самом деле не стать хозяином этой кофейни? А?

— Как это? Она не моя, а твоя, друг!

— Видишь ли, я не намерен жить в Вене. Наше войско выступает в поход — и я с ним... Так что становись, брат, Кульчицким! Разница невелика: Кульчек — Кульчицкий... Не один же я заработал этот дом и этот кофе! Вместе с тобой! Так и скажу генералу Штарембергу... Ладно?

Ян Кульчек обнял Арсена, прослезился.

— Брат, как же это?.. Где это видано, чтобы бедный, бесправный чех, которого австрийское панство и за человека не считает, стал вдруг богатеем и владельцем прекрасного дома с кофейней в самой Вене, неподалёку от дворца императора? Нет, не верится...

— Пройдёт время — поверится.

— А как же ты?

— Обо мне не волнуйся! У меня другой путь... Если судьба, вопреки всему, ещё раз забросит меня в Вену, то, думаю, ты, Кульчек, не откажешь тогда мне в удовольствии — нальёшь чашечку вкусного, ароматного кофе?

Ян был так взволнован, что вновь бросился обнимать Арсена.

— Не называй меня Кульчеком. Отныне я — Кульчицкий. Ян Кульчицкий! Хорошо звучит? Тебя всегда буду рад видеть. Только бы ты сам не забыл меня, брат! — Он ещё раз крепко обнял Арсена и неожиданно добавил: — А Селима я оставляю у себя. Так варить кофе, как он, здесь никто не сумеет. Потом, может, и сам научусь...

Не дожидаясь Карла Лотарингского с австрийцами и баварцами, Ян Собеский решил одним ударом захватить Гран с крепостью, в которой засел сильный турецкий гарнизон, или хотя бы разгромить молодого пашу Кара-Магомета, закрепившегося с семьёю тысячами спахив в пригороде Грана — Паркане.

— Ваша ясновельможность, Гран и Паркан взять нелегко, — пытался отговорить короля от поспешного наступления Арсен, вернувшись из разведки. — Крепость мощная, в предместье вырыты шанцы. Через Дунай наведён мост — с правого берега подходят новые отряды... Надо бы дождаться союзников...

— Твоё дело, казак, доложить королю и гетманам, что видал и что слышал, — высокомерно взглянул на разведчика гетман Яблоновский. — Решать — это прерогатива его ясновельможности или гетманов!

Арсен, пожав плечами, отошёл в сторону.

— Ну что, получил отповедь, проше пана? — упрекнул его тихо Спыхальский. — Не хватай панского проса — останешься без носа!..

Поляки и казаки потеряли много воинов, ряды их сильно поредели. Сотни раненых и больных находились в походных госпиталях. Однако Собескому не хотелось делить лавры победы с Карлом Лотарингским.

— Драгуны, вперёд! Казаки — за ними! — Он ткнул саблей в направлении города, видневшегося в долине. — Сомните спахив! Окружите крепость!

Быстро проскочив долину, засаженную виноградом, драгуны с казаками приблизились к Паркану. Но не успели казаки выстроиться в боевые лавы, как ружейный и пушечный огонь заставил их залечь на открытом месте. Драгуны тоже остановились. И сразу же, не теряя времени, Кара-Магомет во главе спахив кинулся в атаку.

Натиск был таким неожиданным и сильным, что драгуны, не приняв боя, бросились бежать, расстроив ряды казаков. Спахии догоняли беглецов — рубили саблями, кололи пиками, топтали конями.

Палий со своими фастовцами отступал через виноградники. Рядом с ним сопел Метелица, хекал Шевчик, а Иваник, будто заяц, бежал вприпрыжку впереди — благодаря маленькому росту и худобе он легко проскальзывал в любую щель между виноградными лозами.

От полного уничтожения их спас король, который, поняв, к чему привела его неосмотрительность, сам во главе четырех тысяч гусар бросился наперерез спахиям. Он задержал Кара-Магомета ровно настолько, чтобы драгуны и казаки оторвались от преследователей. Но спахив было почти вдвое больше, и вскоре гусары тоже начали отступать.

— Поляки, за мной! — гремел голос короля. — Куда же вы? Ещё удар — и турки покатаются к Дунаю!

Он продолжал рваться вперёд, разгорячённый боем, размахивал длинной саблей с

позолоченным эфесом. Арсен и Спыхальский не отставали от него ни на шаг, защищали от врагов, настойчиво наседавших на них.

Но гусары уже разворачивали коней. Скакали сломя голову назад. Смертельный страх внезапно охватил всех, развеял боевой пыл.

Началось паническое бегство. Некоторые отбрасывали копья цеплявшиеся за виноградные лозы и мешавшие бежать; покатались под ноги лошадям литавры; знаменосцы кинули в кустах полковые и сотенные хоругви.

— Ваша ясновельможность, бежим! — взревел Спыхальский, заметив, что король с небольшой группой воинов вот-вот будет окружён турками, и, схватив его коня за повод, поскакал прочь. — Арсен, прикрывай нас!

Арсен точными ударами сабли свалил двух спахиев, третьему в грудь разрядил пистолет и только тогда помчался вслед за королём, стараясь не потерять его в этом ужасном кавардаке.

Гусары как ошалелые охаживали коней саблями плашмя, скакали что есть духу, налетали друг на друга, обгоняли короля и в невероятной тесноте даже толкали его.

Собеский едва держался в седле, голова без шлема, ноги, выскочив из стремян, беспомощно болтались. Дородный, тучный, он очень быстро выдохся, жадно хватал ртом воздух.

Над беглецами свистели стрелы. Как молнии сверкали пики, неся смерть многим гусарам.

Арсен догнал короля, подхватил под руку.

Спыхальский, вернув Собескому повод, поддержал с другой стороны.

Так и мчались они втроём: посредине — совсем обессиленный король, а по бокам — казак и шляхтич. К счастью, сильный конь короля, перепрыгивая через канавы, ни разу не споткнулся.

Почти час продолжалось это бегство. Турки прекратили погоню и повернули назад только после того, как увидели вдалеке колонны пехоты, а за пехотой артиллерию. Это подходил с войском Карл Лотарингский.

— Ради бога, остановитесь! — прохрипел Собеский, задыхаясь.

Арсен со Спыхальским помогли ему слезть с коня, уложили на разворошённую лошаадьми копну сена. Широкая грудь и большой живот короля вздымались, как кузнечный мех. Пот градом катился по бледному лицу.

— Ф-фу! — наконец перевёл он дух. — Благодарю вас, панове! Вы спасли меня от смерти.

Подъехал герцог Лотарингский, спрыгнул с коня, обеспокоенно спросил:

— Вы ранены, ваше величество?

Собеский вытер пот со лба.

— Благодаря этим рыцарям, — он указал на Арсена и Спыхальского, — не ранен и не убит. Но в

сердце моем рана — жжёт мою совесть...

— Отчего же?

— Сознаюсь — гордыня овладела мной, захотелось мне победить Кара-Магомета без вас. Для славы только своего войска... И вот за это — наказан. Совесть мучит за напрасные потери, и стыд — за позорное бегство!

Глаза Собеского как туманом заволкло.

— Ну, разве стоит так волноваться и переживать, ваше величество! — воскликнул поражённый чувствительностью короля герцог. — На войне всегда кто-то побеждает, а кто-то терпит поражение.

— Вот-вот... Но я теперь вместе с вами отомщу им! Об этом следует сейчас же подумать. Общими силами сбросим турок в Дунай! Отплатим за кровь нашу и за позор... Где командиры? Собирайте войско! — Он тяжело поднялся с земли и, заметив, что все ещё держит в руке обнажённую саблю, засунул её в ножны. — Коня мне!

2

Штурм Паркана начался после сильного пушечного обстрела. На этот раз Собеский не посмел пренебречь военной наукой и выстроил войска в три линии по всем правилам. Чтобы не было упрёков, что кому-то из союзников достался более лёгкий участок, поставил их вперемежку.

Мартын Спыхальский как связной короля остался с фастовцами Семена Паляя. Вместе со своими испытанными друзьями — Арсеном Звенигорой и Иваником — он находился в первой линии. Слева от них залегла польская пехота, а справа — баварские ландскнехты.

Ожидая приказа идти в атаку, Спыхальский не чувствовал страха. Почему-то вспоминались позавчерашний штурм и вчерашние препирательства в польско-украинском войске.

Далёкая и тяжёлая дорога, которую преодолели поляки и казаки, битва под Веной, преследование турок и непрерывные стычки с ними утомили воинов. А тут ещё откровенно пренебрежительное отношение Леопольда. Да и при разделе трофеев им почти ничего не досталось. Зато убитых, раненых и больных было больше, чем у австрийцев и немцев. Это озлобило людей... Поэтому после отступления из-под Паркана сначала глухо, а потом все громче заговорили о возвращении домой.

— Половина нашего брата лежит либо в земле, либо в госпиталях, и за это император нам — ничем и ничего!

— У него поживишься! От турка драпанул аж в Баварию, а как добычу делить — так себе отвалил три миллиона гульденов, забрал всю артиллерию, обозы, лучшее оружие, нам же — янычарские лохмотья!

О том, что Собескому перепало два миллиона, молчали — боялись.

Подлил масла в огонь Станислав Яблоновский.

— Панове, — заявил он на совете старшин, — мы свой долг по договору перед Леопольдом выполнили. Кара-Мустафу разбили и сняли осаду с Вены. Турки покинули территорию Австрии... А что же Леопольд? Он оскорбил нашего короля и всех нас, по сути, отказавшись

выдать замуж за королевича Якова свою дочку. Пани королева пишет из Кракова, чтобы мы возвращались домой!

— Домой! Домой! — загудело вельможное панство.

Лишь король был против. И так и сяк доказывал, что Кара-Мустафа разбит не до конца, что лучшего случая разгромить турок наголову больше не будет, что султан соберет новое войско, и тогда...

Его и слушать не хотели.

Наконец Собеский сдался.

— Ладно, Панове! Если настаиваете... Но не можем же мы бросить на произвол судьбы Карла Лотарингского! Это было бы не по-рыцарски! Вчера он выручил нас, а завтра мы поможем ему. Захватим Паркан и Гран — и я поведу вас домой. Никак не раньше! Пусть я останусь один, а боевой дружбы не нарушу.

Эти слова подействовали и на старшин, и на воинов. Войско целый день готовилось к предстоящему штурму...

И вот заиграли сурмы. Союзники пошли в атаку.

Воспоминания мигом вылетели из головы Спыхальского. Покрепче сжав в одной руке саблю, в другой — пистолет, он вместе с Арсеном, Иваником, Метелицей, Секачом, Шевчиком и другими казаками вскочил с земли и побежал к вражеским шанцам, опоясывающим предместье.

Навстречу им ударила турецкая артиллерия. Прогредел залп из янычарок [86]. А когда подбежали ближе — посыпался рой стрел. Упали убитые и раненые.

Нападающих это не остановило. Как вихрь ворвались они во вражеские шанцы, смяли передние ряды янычар и спахиев.

Палий разил саблём направо и налево.

— Хлопцы! Сильней навались! — гремел его голос.

Арсен рубился молча, сжав зубы. Звонко покрикивал Иваник, смело набрасываясь на врагов. Глухо, как дровосёк, хекал Метелица...

Люто бились казаки и зорко следили, не грозит ли кому из друзей опасность. Как только замечали, что кто-нибудь попал в тяжёлое положение, сразу же шли на выручку.

Но войн без жертв не бывает.

Когда выбили турок из первой линии шанцев и пошли на штурм второй, вперёд вырвался Секач. Ему оставалось несколько шагов до земляного бруствера, за которым испуганно суетились янычары, как вдруг он будто споткнулся, схватился левой рукой за сердце и, охнув, со всего размаха рухнул на землю.

— Брат! Что с тобой? — нагнулся над ним Арсен.

Секач молчал. Губы крепко сжаты, синие глаза, которые так нравились девчатам, смотрят

безжизненно. Пуля попала прямо в сердце.

Арсен пальцами прикрыл ему веки и кинулся догонять товарищей.

Янычары и спахии со всех ног бежали к мосту через Дунай. Здесь был сущий ад. Кара-Магомет, раненный в руку, пытался наладить оборону предместья, чтобы дать возможность основной массе войск переправиться на другой берег. Ему удалось собрать тысячи две воинов — они стреляли из янычарок, пистолетов, луков. По наступающим били пушки из крепости, но ядра не долетали до них и не причиняли никакого вреда.

Собеский руководил боем с холма. Оценив обстановку, он бросил в атаку вдоль берега гусарский полк — отрезать обороняющихся янычар от моста. Завязалась кровавая схватка.

По приказу Карла Лотарингского подтянули батарею, и, когда шаткий наплавной мост заполнился обезумевшими от страха турецкими воинами, пушкари ударили залпом по живой ниточке, движущейся к противоположному берегу реки.

Одно из ядер разнесло в щепки чёлн, перебило натяжные канаты. Мост в месте разрыва начал расходиться и от тяжести множества людей погружаться в воду.

Крики отчаяния, ужаса раздались над широким Дунаём.

Сколько мог видеть глаз — в волнах с мольбой, руганью и проклятиями барахтались те, кто несколько минут назад, шагая по зыбкой переправе, радовался своему спасению. Сейчас они один за другим шли на дно...

— Сгиньте до дзябла! — гремел с берега Спыхальский.

К нему присоединил свой тенорок Иваник:

— Плывите, анафемы, к чёртовой маме, знаешь — понимаешь!

Он хотел ещё что-то добавить — очень любил человек поговорить, — как вдруг почувствовал жуткую боль. Тонкая длинная стрела впилась ему в живот.

— Ой, братцы!.. О-ой! О-ой!.. — закричал Иваник и, выпустив саблю, обеими руками ухватился за древко стрелы, по которому на землю стекали багровые капли крови.

— Не тронь! — гаркнул Спыхальский.

— Иваник, погоди! — закричал и Арсен, увидев, что тот изо всех сил старается вытащить стрелу.

Но Иваник от боли ничего не слышал. А если и слышал, то слова друзей не доходили до его сознания. Он рванул стрелу и... сломал. Древко оказалось в руках, железный наконечник — глубоко в животе.

В глазах у него потемнело, и он медленно склонился на руки Арсена и Спыхальского.

Бой не стихал. Метелица шёл в полный рост, прокладывая саблей дорогу. За ним семенил сухонькими ножками дед Шевчик. Ощеривая беззубый рот, подзадоривал побратима-великана:

— Бей дюжее, Корней! Загоняй аспидов на тот свет, чтоб и духу нашего боялись! И не оглядывайся, на меня надейся. Ежли чего — я подсоблю. Пусть только попробует кто напасть

сзади — тут ему и каюк! Моя сабля ещё ого-го!..

— Ну, если ого-го, тогда мне и впрямь нечего бояться! — захохотал Метелица, нанося противнику удар.

вернуться

86

Янычарки (укр.; производное от «янычар») — ружья, которые были на вооружении янычар.

Шевчик почему-то не отозвался.

Метелица оглянулся — и оторопел. Турецкое ядро снесло Шевчику голову. Маленькое безголовое туловище старого запорожца, качнувшись, упало на окровавленный труп янычара.

— Шевчик! Брат! Как же это ты?.. Эх! — Метелица в отчаянии рубанул саблей воздух. Его толстые обвисшие щеки задрожали, и из могучей груди вырвалось глухое рыдание...

Союзники окружили спахивев у предместных укреплений и, несмотря на то что многие из них просили «аману», порубили всех до последнего.

3

Сразу же после боя, коротко переговорив с друзьями — Романом, Палием, Спыхальским, Метелицей, с раненым Иваником, постояв над телами Секача и Шевчика, Арсен облачился в одежду янычарского аги.

— Прощайте, братья! Вам дорога домой, а мне — в другую сторону. Передавайте привет моим и не поминайте лихом!

— Возвращайся скорее, Арсен! — обнял его на прощанье Роман.

— Только со Златкой! — твёрдо ответил Арсен и, вскочив на коня, помчался берегом Дуная к югу...

В тот же день казачьи полковники Палий, Самусь, Искра и Абазин пришли в королевский шатёр. У короля сидел гетман Яблоновский.

— Ваша ясновельможность, — начал Палий, — мы честно выполнили свои обязательства. Турок разгромлен, и завтра королевское войско отправится домой. Казаки хотели бы сегодня получить ратными трудами и кровью заслуженную награду, а мы — приговорные грамоты на города Фастов, Немиров, Корсунь и Богуслав, как обещал нам от имени вашей ясновельможности королевский комиссар полковник Менжинский...

— Спасибо, Панове! Благодарствую, пан Семён! — Собеский подошёл к Палию и, положив ему на плечи свои тяжелые руки, посмотрел прямо в глаза полковнику. — Казачье войско воевало доблестно, не жалея ни сил, ни крови... Я написал своей жене королеве Марысеньке, как твои казаки, пан Семён, помогли нам в самую тяжкую минуту... Но ведь таких денег я не вожу с собою! Прибуду в Варшаву — пришлю казначея, и он выплатит все, что положено. А приговорные грамоты...

— Приговорные грамоты тоже можно выслать из Варшавы, — вмешался гетман Яблоновский, холодно поглядывая из-за стола на полковников. — К чему такая поспешность? Сейм обдумает, решит...

— Нет, пан гетман, — возразил Палий, — отложенный только сыр хорош...

— Но, но, полковник, не забывай, с кем говоришь! — вспыхнул высокомерный Яблоновский. — Я не потерплю, чтобы меня поучали холопскими присказками!

— А мы, пан гетман, не нуждаемся в посреднике в нашем разговоре с его ясновельможностью! — отрубил Палий. — Приговорные грамоты обещал нам не сейм, а король!

— Однако ж... — Яблоновский вскочил на ноги, и рука его потянулась к сабле.

— Панове! Панове! — Собеский повысил голос. — Этот спор ни к чему! Пан Станислав, ты ставишь меня в неловкое положение... Я действительно обещал казачьим полковникам дать приговорные грамоты на те города и земли, где они живут со своими казаками... Я человек слова. И грамоты уже подписаны мной. Вот они. — Говоря это, король открыл ларец, стоявший в изголовье его походной кровати, достал пергаментные листы, вложенные в сафьяновые переплёты, и вручил их полковникам. — А деньги получите, когда вернётесь домой... Об этом не беспокойтесь!

Полковники были разочарованы и не пытались скрыть это.

— Как нам идти к войску, ваша ясновельможность? Казаки надеются, что мы принесём деньги! — воскликнул Искра. — При разделе трофеев нас тоже обошли... Самое лучшее забрали австрийцы, чуть похуже — поляки, а нам, не во гнев сказать, дулю с маком!

— Слово чести, я не потерплю такого тона, каким разговаривают паны полковники с королём Речи Посполитой! — вновь вспыхнул Яблоновский.

Но Собеский, настроенный миролюбиво, расхохотался:

— Ха-ха-ха! Полковник метко выразился, пан Станислав! Ибо Леопольд и венский двор всем поднесли дулю с маком! И если бы я не был заинтересован в том, чтобы до конца разгромить турок, то плюнул бы на всю эту кампанию и ещё из-под Вены вернулся домой!

Полковники откланялись и вышли из шатра.

— Обдурят нас паны, — сердито пробурчал Абазин. — А казаки намылят шею!

— Сказал пан — кожух дам, да словом его не согреешься, — поддержал товарища Искра. — Не видать казакам денег как прошлогоднего снега!

— Я тоже так думаю, — сказал Палий. — Вот — дал нам король бумажки, то есть заплатил за нашу кровь нашей же землёй, — и бывайте здоровы!

— Боюсь, друзья, как бы не попали мы снова в ляшскую кабалу! — воскликнул Самусь. — Обещают паны деньги, приговорные грамоты дают, а как почувствуют в себе силу — на шею сядут!

— С той поры, как разорвал проклятый Юрась Украину на две части, — все наши беды!

Конечно, король мягко стелет, да жёстко спать нам будет, — согласился Палий. — Панство уже сейчас примеряет ярмо на наши шеи. Видали, как расхорохорился Яблоновский? Готов был с саблей наброситься!

— Надо что-то придумать, хлопцы! — разволновался Самусь.

— Чего думать? Прежде всего — собирать силы, заселять пустые земли, организовывать войско! — уверенно ответил Палий. — А тем временем засылать тайных послов в Москву, чтобы взяла Правобережье в свои руки... Иначе куда податься? От хана — погибель, от султана — галеры, а от короля — извечное ярмо! Так я говорю, друзья?

— Мы все одной думки с тобою, Семён! — горячо заверил Абазин.

— Все! — в один голос поддержали его Самусь и Искра.

Палий внимательно посмотрел на каждого и, чеканя каждое слово, сказал:

— Тогда на этом и стоять будем!

4

Польское войско торопилось домой.

Отдельно от поляков, не теряя их из виду, двигались казачьи полки. Раненые возвращались на возах своих побратимов и товарищей.

Умирал Иваник. Умирал тяжело, в страшных муках.

Кусок татарской стрелы, застрявший глубоко в животе, жёг его адским огнём. Казак весь почернел, как головешка, только глаза блестели. Он беспрерывно просил пить. Спыхальский, который вёз Иваника на своём возу, настелив ему перин и подушек, прикладывал к его воспалённым губам глиняную бутылку — тот, отпив из неё глоток или два, на некоторое время умолкал. Когда боль становилась нестерпимой, кричал слабым голосом, как ребёнок:

— Зинка! Зи-инка ми-илая!.. Ой, спаси, погибаю, знаешь-понимаешь!..

Спыхальский натягивал вожжи, умеряя бег лошадей, хотя и рисковал оторваться от своих и стать добычей любителей лёгкой наживы, которых так много слонялось вблизи дороги. Украдкой смахивал с усов слезу — больно ему было смотреть, как мучается этот человек, походивший скорее на мальчонку, чем на взрослого мужчину.

После короткой передышки Спыхальский брался за кнут, торопился догнать уехавших вперёд товарищей. Воз тарахтел по неровной, размытой осенними дождями дороге, подскакивал на выбоинах, вытряхивая из несчастного Иваника всю душу.

— О-ой! — кричал умирающий. — Тише поезжай, пан Мартын, а не то все потроха растеряю, черт поberi! Нет никаких сил терпеть... Или убей, умоляю тебя! Убей... Чтобы не маяться...

Под вечер казаки остановились на высоком берегу быстротечной Тисы на ночлег. Спыхальский поставил свой воз у самого обрыва, под развесистым кустом калины, густо усыпанным ярко-красными гроздьями.

Солнце заходило за далёкие горы, в долине постепенно сгущались вечерние сумерки.

В какой-то момент, глядя на Тису, горы и густые леса на холмах, Иваник вдруг почувствовал, что боль, мучавшая его все эти дни, исчезла и тело стало необычайно лёгким, почти невесомым.

Он холодеющими руками ощупал живот, грудь, и ему показалось, что нет у него ни живота, ни груди. Осталась одна голова, лежащая на подушке.

— Пан Мартын! — неожиданно громко крикнул он.

— Чего тебе? — испугался Спыхальский. — Что случилось?

— Помираю...

Поляк уронил торбу с овсом.

— Ты что — шутить вздумал иль сдурел, холера ясная?

— Нет, пан Мартын, я не шучу, — серьёзно ответил Иваник. — Правда, умираю. Покличь, будь добр, товарищей-побратимов. И сам не мешкай... Сказать должен кое-что перед смертью. Я долго не задержу...

В его словах и в голосе было что-то такое, что заставило Спыхальского бросить все дела и опрометью кинуться между возами.

Несколько минут спустя возле Иваника собрались все, кто его знал. Рядом с возом стояли Семён Палий, Метелица, Спыхальский, Роман.

— Спасибо, что пришли, — начал Иваник и попросил Спыхальского: — Пан Мартын, приподними мне голову повыше... Хочу посмотреть и на друзей, и на милый сердцу белый свет...

Спыхальский легко взял его на руки, а Метелица тут же взбил перины и подушки. Теперь Иванику стали видны и багровый диск солнца, садившегося за вершины гор, и серебристо-блестевшие плёсы реки, и темно-зеленые еловые леса на горизонте...

— Ах, как тут хорошо и любо, — прошептал Иваник. — И помирать, братцы, ой как не хочется... — Он помолчал. Почувствовал вдруг необыкновенный прилив сил. Так бывает иной раз перед смертью — отчаянный рывок живого в борьбе за жизнь. — Сидел бы вот так и смотрел... На голубое небо, на красную калину, слушал бы, как шумит вода, подмывая крутые берега, как щебечут пташки да шелестит ветер в ветвях... Но, знать, пришёл мой час. Споткнулся мой конь — и я, его всадник бесталанный, выпал из седла. И никакая сила не поднимет меня...

Иваник умолк, сухим языком провёл по запёкшимся губам. Спыхальский подал ему воды. Он жадно глотнул и грустным взглядом обвёл товарищей, молча стоящих возле него.

Все были поражены речью Иваника. Слова его звучали ярко, проникновенно, будто говорил это не знакомый им человек, которого, что греха таить, считали малость придурковатым, а кто-то другой...

Переведа дух, Иваник вяло махнул рукой.

— Ну, прощайте, братья! Я счастлив, что был вместе с вами, с Арсеном, рыцарем нашим... Рад, что возвращаетесь с победой и что в ней есть и моя частица... моя кровь... Как отойду,

схороните меня под этой калиной... Чтобы... как в той песне нашей поётся, помните? — Помолчав, произнес глуховато:

Будуть пташки прилітати —

Калиноньку їсти,

Будуть вони приносити

З України вісті.

— Обещаем тебе, казаче, — за всех ответил Палий. — Пусть будет спокойной душа твоя!

— Спасибо... — Иваник прикрыл глаза, давая понять, что он удовлетворён вниманием товарищей, потом вдруг встрепенулся и пристально посмотрел на Спыхальского. — А все-таки жалостно мне...

— Отчего? — спросил поляк.

— Оттого, что покидаю жену и двух деток сиротами. Тяжело будет им без меня...

Он вытер ладонью слезы, катившиеся по припорошенным дорожной пылью щекам, и неожиданно для всех заявил:

— Пан Мартын, а моя Зинка, знаешь-понимаешь, того... любит тебя!..

Спыхальский вытаращил глаза.

— Пан Иван, ты что? — воскликнул он озадаченно. — Зачем наговариваешь. В такую минуту!..

На измученном лице Иваника промелькнула едва заметная улыбка.

— Я давно это знал. С первой или второй нашей встречи — ещё в Дубовой Балке. Только молчал... Разве погасишь любовь злой силой? Её можно только лечить: временем, а ещё — более сильной любовью... — И, увидев смущение Спыхальского, прибавил: — Да ты не того... Ведь и тебе она приглянулась...

Спыхальский побагровел, в замешательстве не знал, как ответить. Не перечить же умирающему... Да к тому же он правду говорит.

Все растерянно молчали.

Иваник вздохнул и совсем тихо, так, что слышали только те, кто склонился над ним, сказал:

— Ты хороший человецище, пан Мартын. Добрый. Я верю, ты не обидишь моих детей. И Зинку. Не обижай их... прошу тебя. — Потом, помолчав, выдохнул: — Прощай, белый свет! Прощай навеки...

С этими словами и умер.

Казачи сняли шапки. Метелица достал из саквы лоскут красной китайки [87] и накрыл покойнику лицо. У Спыхальского дрожали усы, а в удивлённо-печальных глазах стояли слезы.

Здесь же, поблизости от воза, на крутом берегу, под калиной, выкопали глубокую яму и под

залп мушкетов опустили в неё обёрнутое в белый саван лёгонькое тело Иваника...

ПОДАРОК СУЛТАНА

1

Весть об ужасном побоище под Парканом и сдаче Грана, привезённая Арсеном, потрясла Кара-Мустафу. Он долго молчал, кусая губы. Лицо его побледнело и стало матово-серым. Только глаза пылали яростью. Затем великий визирь осwirепел. Затапал ногами. Закричал:

— Чаушей!

Вбежали чауши во главе с чауш-пашой Сафар-беем. Замерли, ожидая приказаний.

— Приведите пашу будского Ибрагима, Каплана Мустафу-пашу, хана Мюрад-Гирея, графа Текели! Всех пашей, кого найдёте, сюда! Ко мне!

Пока чауши выполняли этот приказ — а выполнить его из-за полной неразберихи в войсках было нелегко, — сераскер помылся, велел слугам почистить свою одежду, съел кусок холодной телятины и заперся в прохладной комнате, имеющей два выхода — в парадный зал и, через другую комнату, в сад.

Оставшись в одиночестве, он тяжело опустился на мягкий, обтянутый розовым бархатом стульчик и обхватил руками голову. Смертельный ужас, отчаяние и боль терзали его сердце.

«О аллах! — беззвучно шевелил сухими губами великий визирь. — Ты поставил меня перед страшной бездной! Все, о чем я мечтал и к чему стремился, разлетелось в прах. Великая и безграничная власть над войском, богатство и надежда на будущее — все пропало!»

Сидеть на одном месте Кара-Мустафа не мог. Подошёл к раскрытому окну, выглянул в пышный, лишь кое-где тронутый осенней позолотой сад. Но деревья внезапно заколыхались, расплылись... Затуманился взгляд. И он с удивлением ощутил, что его трясёт, как в ознобе.

«Тьфу! Только этого не хватало! — Ему стало щемяще жаль себя. — Что делать? Как спасти честь, власть и, наконец, жизнь?»

Великий визирь надолго задумался.

Собственно, для спасения оставался один путь — всю вину за разгром, за позорное поражение свалить на других. Способ не новый, но хорошо действующий. Не одному хитрецу он приносил успех. Воспользоваться им стоит и теперь.

А ещё — нужно как-то задобрить султана. Вытрясти из своих сундуков золото, драгоценные камни. Послать в подарок сотню или две австрийских красавиц, которых, слава аллаху, в городах и сёлах Австрии взяли не одну тысячу... Или — подарить Златку?

Как утопающий хватается за соломинку, так и великий визирь ухватился за эту, как ему показалось, спасительную мысль. Отдать султану Златку!

Кара-Мустафа заскрежетал зубами.

«О аллах экбер! Как несправедливо отнёсся ты к одному из твоих преданнейших сынов! Ты отбираешь у меня не только славу непобедимого воина, не только честь, но и единственную в моей жизни девушку, к которой я испытываю настоящую любовь. Я берег её для себя, а ты

решил иначе — даровав победу неверным, разрушил моё счастье!»

В то же самое время здравый смысл говорил Кара-Мустафе другое: ради жизни не следует жалеть ничего. Златка как раз и может стать той каплей на чаше весов, которая перевесит в сладострастном сердце султана в сторону милосердия.

Он сжал горячими руками виски и зашагал по комнате.

«А может быть, не отдавать Златку? Может, ещё не все утрачено? Может быть, удастся собрать разбросанные вдоль Дуная, потерявшие разум от страха орты и бюлюки янычар, отряды спахивей и крымскую орду, стянуть их в единый кулак и в решительном бою разгромить ненавистного Яна Собеского?»

Великий визирь даже остановился посреди комнаты, удивлённый этой мыслью, но сразу же отбросил её.

«Нет, пока соберу войско, пока фортуна повернётся ко мне лицом, мои недруги и завистники уведомят султана о поражении под Веной и Парканом, и этот ожиревший бездельник подпишет фирман об отстранении меня от власти над войском и над империей... Значит, нужно поскорее задобрить его! Нужно убедить, что не я виноват в поражении и что есть ещё надежда круто изменить ход событий в этой тяжёлой и затяжной войне...

Итак, решено: пошлю в подарок султану Златку, а в придачу — сотню австрийских красавиц, прикажу доставить из тайников в Эйюбе сундук золота и самоцветов! А с виновниками поражения под Веной, с виновниками моего бесславия и позора следует расправиться сейчас же и беспощадно! Эта расправа поможет удержать в руках власть, убедить султана в моей способности обновить войско и защитить западные земли империи... Ради этого стоит пожертвовать и Златкой, и всеми красавицами мира!»

вернуться

87

Китайка — сорт гладкой хлопчатобумажной ткани.

Кара-Мустафа от природы был человек нерешительный, долго колебался при окончательном выборе, терзаясь сомнениями, но когда решение было принято, начинал действовать немедленно.

Он позвал капуджи-агу.

— Паши прибыли, Мурад-ага?

— Сидят в зале, эфенди, — поклонился налитый бычьей силой капуджи-ага, преданным, собачьим взглядом следя за малейшим жестом своего хозяина.

— Мурад, — великий визирь понизил голос до шепота, — аллах покарал нас немилостью своей и даровал победу неверным... Но это не означает, что среди нас нет виновников нашего поражения... Они есть — и их нужно наказать!

— Кто это? — хриплым голосом спросил Мурад, с готовностью берясь здоровенной ручищей за рукоятку ятагана.

— Они там, в зале... Но обойдёмся без крови...

— Удавкой?

— Да. Станешь с двумя-тремя верными капуджи вот за этой дверью, — Кара-Мустафа открыл дверь в соседнюю комнату, — и всех, кого я направлю сюда, удавишь, а трупы вытащишь на галерею, выходящую в сад.

— Будет исполнено, мой повелитель, — поклонился Мурад. — Со мной всегда надёжные люди.

Отдав это распоряжение, Кара-Мустафа вошёл в зал.

Паши вскочили, застыли в молчаливом поклоне.

Вот они — все, кто из-за своей трусости и бездарности привёл войско к невиданному поражению! Нет только хитрого хана Мюрад-Гирея да графа Текели — пронюхали, верно, вонючие шакалы, об опасности и не торопятся на вызов, чтобы ответить за своё далеко не рыцарское поведение на поле боя. Но он доберётся и до них, достанет их хоть из-под земли!

— С чем пришли, паши? Чем порадуете сердце вашего сердара? — спросил великий визирь глухо, едва сдерживая ярость. — Где ваши воины? Где ваши знамёна? Где оружие и обозы? Где, спрашиваю я вас?..

С каждым его словом все ниже склонялись головы пашей. В зале стояла гробовая тишина.

— Чего молчите? И почему я вижу вас всех живыми? Почему ни один не сложил голову в бою? А? Видимо, потому, что вы не воины, а ничтожества, трусы, свинопасы! Вы не достойны носить высокое звание паши, которого удостоил вас богом данный султан!

Голос сераскера дрожал от гнева. Никто не посмел возразить ему. Только зять султана, прямой и горячий Ибрагим-паша, смотрел великому визирю прямо в глаза, не скрывая ненависти и презрения.

Кара-Мустафа заметил это и обратил свой гнев на него.

— Что скажем султану, паша? Кто виноват в поражении?

Ибрагим-паша шагнул вперёд, сверкнул глазами.

— Все мы виноваты! Но наибольшая вина — твоя, Мустафа-паша!

— Почему?

— Ты — сердар. Ты и в ответе за все войско. А мы — лишь за свои отряды.

— Я буду отвечать перед падишахом, а вы — передо мной!

— Мы и отвечаем!

— Это не ответ! Сейчас каждый из вас зайдёт ко мне и один на один доложит, что он делал под Веной и Парканом... Вот ты, Ибрагим-паша, первым и заходи!

Кара-Мустафа пропустил перед собой в комнату Ибрагима-пашу. Тот хотел направиться к столу, но Кара-Мустафа указал на вторую дверь.

— Нет, паша, сюда, пожалуйста!

Ничего не подозревая, Ибрагим-паша переступил порог и оказался в просторной полутёмной комнате — густые ветви деревьев затеняли окна. В тот же миг два капуджи схватили его, как тисками, за руки, а третий молниеносно накинул на шею петлю. Паша и вскрикнуть не успел, как петля сдавила ему горло, в глазах потемнело...

Высоченный капуджи перекинул верёвку через плечо, выпрямился — и паша повис у него на спине. С минуту он ещё дёргался, но скоро затих.

Капуджи-«виселица» для верности ещё немного подержал свою жертву на себе, а потом, убедившись, что тот уже отошёл в «райские сады аллаха», отволол труп на галерею и там швырнул в угол.

— Первый готов! — сказал он, вернувшись в комнату.

Кара-Мустафа мрачно взглянул на Мурада.

— Зови Каплан-пашу!..

До самого вечера продолжалась расправа. Устал великий визирь. Устали палачи. Капуджи-«виселица» еле волочил ноги: шутка ли — повесить на собственных плечах пятьдесят одного пашу!

Весть о жуткой казни быстро разнеслась по городу. Ледяным холодом наполнялись сердца тех высших военачальников, которые в этот день остались живы. Каждый ждал своей участи...

Крымский хан и граф Текели наказания избежали, укрывшись в своих отрядах.

2

В ту же ночь Кара-Мустафа выехал из Буды в Белград. Здесь, в своём роскошном дворце, не отдыхая, сел писать объяснение султану. Всю вину за поражение свалил на Мюрад-Гирея, Текели и на пашей. Красочно описал, как они изменили или проявили трусость и слабование. Затем сообщил, что казнил виновных через повешение, а Мюрад-Гирея, который, взяв от Собеского большой бакшиш [88], первым бросился бежать с поля боя, он властью, данной ему падишахом, лишил трона. В завершение заверил султана в преданности и пообещал, собрав силы, остановить армии союзников, а потом разбить их...

Закончив, собственноручно переписал начисто, свернул письмо трубкой, обвязал зеленой лентой, приложил печать и только тогда позвонил в колокольчик.

Явился Мурад-ага.

— Пришли ко мне Сафар-бея и Асен-агу, а также приведи невольницу Златку. И сам готовься к отъезду в Стамбул.

Когда Ненко и Арсен в сопровождении Мурад-аги вошли в покои великого визиря, уже светало, но в подсвечниках все ещё горели свечи. За широким, с резьбой столом сидел осунувшийся, с более тёмным, чем обычно, лицом Кара-Мустафа и грустными глазами, в которых, казалось, блестели слезы, смотрел на стоящую перед ним нарядно одетую девушку.

Это была Златка.

Увидев Арсена и Ненко, она вскрикнула и побледнела, но быстро овладела собой и опустила на лицо тонкую шёлковую вуаль.

Молодые чауши тоже были поражены неожиданной встречей. Они даже забыли, как велел этикет, низко поклониться великому визирю.

Однако Кара-Мустафа сидел молча в кресле и, как замороженный, не сводил взгляда со Златки. Кроме неё, никого не замечал.

Наконец тяжело вздохнул и едва уловимым жестом руки отпустил девушку.

— Иди! — сорвалось с губ единственное слово.

Златка пошла к выходу, и тут же из тёмного угла к ней шагнули Фатима и Джалиль. Ни Арсен, ни Ненко сначала не заметили их.

Проходя мимо Арсена, Златка подняла голову, чуть приоткрыла шаль... Кровь так и бросилась в голову Арсену. Во взгляде девушки были и любовь, и боль, и мольба... Она будто спрашивала с укоризной: милый, когда же ты освободишь меня?

Как он сдержался, не натворил беды — и сам не знал. Мелькнула было молнией мысль — выстрелить из пистолета в Кара-Мустафу, ударить ятаганом Мурада, а потом, схватив Златку, бежать...

Но далеко ли убежал бы?

Златка скрылась за дверью. Исчезла, как сон.

Чауши переглянулись и запоздало поклонились великому визирю, застывшему чёрной статуей.

Прошло несколько тяжких минут, прежде чем Кара-Мустафа обратил на них внимание. Он ещё раз вздохнул, затем вышел из-за стола, держа в руках свиток бумаги.

— Поедете в Стамбул! — сказал устало. — Отвезёте падишаху моё письмо... Коней не жалейте. Покупайте свежих — деньги на это у вас будут... Я хочу, чтобы это письмо попало в мобейн раньше, чем туда дойдут слухи о поражении под Веной. Султан должен знать правду! Но лучше эту горькую правду скажу я, чем недруги мои... Вы меня поняли?

— Да, наш повелитель.

— Второе... С одним письмом являться пред светлые очи падишаха не годится. Султаны тоже любят подарки. С вами поедет Мурад-ага во главе отряда моих телохранителей. Кроме того, что он будет охранять вас в дороге, он повезёт от меня в подарок султану девушку-невольницу. Вы её только что видели. Султан давно прослышал о её красе — пусть теперь утешается! Берегите эту невольницу как зеницу ока. Вслед за вами я вышлю падишаху обоз австрийских девушек-пленниц. Они прибудут в Стамбул позднее, однако скажите о них султану, чтобы знал...

Услышав, что Кара-Мустафа решил подарить Златку султану, Арсен чуть было не лишился чувств. Из одной неволи девушка попадёт в другую — более страшную! Как говорится, из огня да в полымя... Если не посчастливится вызволить в дороге, попробуй-ка вырви её тогда из султанского гарема!

вернуться

88

Бакшиш (перс.) — подарок, взятка.

Ненко понял состояние Арсена, незаметно коснулся локтем его руки: мол, держись, друг! И тут же поспешил поклониться великому визирю, заверив его:

— Все сделаем, как приказывает наш преславный властелин!

Но Кара-Мустафа не отпускал их. Углубившись в свои мысли, прошёлся по мягкому пёстрому ковру, постоял перед окном, побарабанил сухими тёмными пальцами по окрашенному подоконнику и только потом, словно решившись на что-то важное, повернулся и добавил:

— И, наконец, последнее... Нужно позолотить горечь новости, чтобы не такой горькой казалась. Заедете в Эйюб и из моей сокровищницы возьмёте зелёный сундук с драгоценностями. Мурад уже получил на это полномочия. Преподнесёте его султану одновременно с девушкой... Отправляйтесь немедленно и в дороге не мешкайте! Все. Идите. Да хранит вас аллах!

3

Арсен был в отчаянии: им не удалось освободить Златку в пути. Из Белграда до Стамбула отряд Мурад-аги мчался как ветер. Останавливались только немного отдохнуть и покормить коней. Рядом с каретой, в которой ехала Златка с Фатимой и Джалилем, неотступно следовали два десятка свирепых капуджи. О том, чтобы выкрасть девушку, нечего было и думать.

В Эйюб прибыли поздним осенним вечером. К их удивлению, здесь уже знали о поражении Кара-Мустафы, и во дворце царила растерянность, граничившая с паникой. Все, кто пригрелся под крылышком великого визиря, с ужасом ждали конца своего благополучия. Некоторые постепенно собирались — складывали вещи, прибавляя к ним кое-что из имущества хозяина.

Мурад-ага твёрдой рукой сразу навёл порядок. На кухне запахло ужином для прибывших. Банщик затопил печи в бане. Цирюльники правили бритвы — нужно было придать чаушам и капуджи благообразный вид, угодный аллаху, а рабыни доставали из сундуков новую одежду для них, чтобы завтра своими «лохмотьями» не оскорбили Высокий Порог.

Несмотря на поздний час, дворец сиял огнями. Гремел властный голос Мурад-аги. Суетились слуги, рабы и рабыни.

Златку поместили в её прежнее жилище, поставили стражу; к ней могли заходить лишь женщины, которые готовили её к завтрашнему утру, когда она предстанет пред ясные очи падишаха.

Арсен и Ненко поужинали, побывали в бане, у цирюльника и только после полуночи вошли в отведённую им комнату. Обоим было не до сна.

— Нужно предпринимать что-то сейчас — завтра будет поздно! — решительно заявил Арсен, быстро расхаживая по комнате.

Ненко поднял на него свои тёмные, как ночь, глаза.

— Что ты надумал?

— Ничего... Будь нас не двое, а двадцать, мы бы напали на охрану, перебили всех, вывели из башни Златку — и ищи ветра в поле!

— Это неразумно!

— Знаю, что неразумно... Но ничего путного в голову не приходит. Жуть берет от одной мысли, что завтра мы отведём Златку в султанский сераль. Сами!.. Я не переживу этого! Как подумаю, что она будет рабыней в гареме султана, так готов немедля схватиться с капуджи и погибнуть от их сабель.

— Почему ты думаешь — рабыней? Султан может сделать Златку своей ирбалью — возлюбленной, или кадуной, то есть женой... Златка — очень красивая девушка! — с грустью сказал Ненко.

Арсена даже передёрнуло.

— Не добивай меня окончательно, Ненко! Этим не шутят!

— А я не шучу, — серьёзно ответил тот. — Если Кара-Мустафа отослал Златку в подарок султану, значит, наверняка знал, что она с её красотой и обаянием понравится ему и, пожалуй, станет его женой. Султаны женятся не так, как простые смертные. Они никогда не берут турчанок, потому что считают недостойным жениться на своих подданных. В султанском гареме всегда есть несколько сотен красавиц со всего света. Не все, конечно, становятся возлюбленными, а тем более жёнами падишаха. Далеко не все... Рабыню, удостоившуюся его внимания, называют гиездой, то есть той, которая приглянулась, — она сразу поднимается в гареме на ранг выше. Когда гнезду начинают считать ирбалью, ей дают несколько комнат, рабыни и евнухи обслуживают её, и она, пока пользуется благосклонностью султана, чувствует себя полновластной хозяйкой своего небольшого дайре — двора... И все же она ещё не жена... И вообще, законных жён у султана не бывает. Достаточно ему произнести три слова: «Это моя жена!» — как гиезда или ирбаль считается кадуной падишаха... Но стоит ему сказать: «Я не желаю видеть эту женщину!» — как такую гнезду или ирбаль в течение дня выселяют из гарема и отдают замуж за какого-нибудь чиновника. Правда, все имущество она может забрать с собой... Если же годы её не дают надежды выйти замуж, то её просто выводят за ворота — и иди куда хочешь... Очень скоро эти изгнанницы проедают сбережения, одежду, драгоценности и нищенствуют на базарах Стамбула, нередко становясь воровками. Многие в отчаянии бросаются в воды Мраморного моря...

— А кадуны?

— Кадуны-эфенди вместе со своими детьми — принцами и принцессами — постоянно живут в гареме, враждуя между собой и воспитывая сыновей — шах-заде — в лютой ненависти к сыновьям других кадун. Когда шах-заде подрастают, они становятся смертельными врагами, и тот из них, кому удаётся захватить престол, беспощадно уничтожает своих братьев-соперников или же кидает их в сырые казематы Семибашенного замка...

— Страшную картину нарисовал ты, Ненко. Выходит, что султанский сераль — настоящая тюрьма для многих сотен людей? Но для чего ты мне все это рассказываешь?

Ненко печально взглянул на друга.

— Пойми, Арсен, нужно смотреть правде в глаза. Через несколько часов Златка попадёт в

сераль, и её упрячут в гарем. Я хочу, чтобы ты знал, что такое султанский гарем, и не падал духом. У вас есть пословица: не так страшен черт, как его малюют... Я слышал её от тебя...

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что когда Златка окажется в султанском гареме, то и тогда у нас останется надежда на её освобождение. Даже большая, чем сейчас... В гареме постоянно живёт не менее двух тысяч людей — рабынь, служанок, аляибр — то есть молоденьких невольниц, гиезд, ирбалей, кадун, принцесс крови, малолетних принцев крови, евнухов... Кого там только нет! Под видом возчиков, которые доставляют все необходимое для кухни, дровосеков, трубочистов, золотарей, вывозящих нечистоты, лекарей, ворожей в гарем не так уж и трудно проникнуть. Да и султанские жены и невольницы не сидят там безвылазно. Время от времени их выпускают под присмотром слуг-батаджи, — которых, понятно, можно и подкупить, — в город, где они развлекаются, посещая базары, наблюдая свадебные и похоронные процессии, покупают себе обновки и сладости. Нередко заводят флирт с молодыми людьми, особенно с янычарскими чорбаджиями...

— Не может быть! — удивился Арсен. — Я был уверен, что евнухи им и шагу ступить не дают из гарема.

— И все же это так! Когда я обучался в военной школе, то сам не раз встречался с девушками из султанского гарема.

— Твои слова — нож для моего сердца! — с мукой в голосе воскликнул Арсен. — Лучше нам со Златкой погибнуть вместе, чем ей испытать такое!

Ненко обнял Арсена за плечи, привлёк к себе.

— Держись, друг! Не все потеряно! Положись на меня — я хорошо знаю Стамбул и султанский сераль. А если погибать, то погибнем все трое! Неужели ты думаешь, что я оставлю сестру и тебя в беде? Но завтра мы выполним поручение Кара-Мустафы, другого выхода у нас нет.

— Нужно устранить его!

— Я согласен с тобой. Но сделаем это руками других...

— Как?

— Это моя забота. А сейчас хотя бы часок отдохнём, ибо завтра, вернее уже сегодня, нас ждут немалые испытания...

4

Галера мягко пристала к каменному причалу. Первыми на берег ступили чауши, за ними, в окружении четырех капуджи, — Златка. Потом сошёл Мурад-ага во главе целого отряда своих людей, которые несли и охраняли зелёный сундук с драгоценностями великого визиря.

Их встретили, предупреждённые посланцем Мурад-аги, четыре чауша султана и по каменным ступеням проводили к громаднейшему беломраморному дворцу — султанскому сералю, утопавшему в зелени великолепного приморского парка.

Ненко тихонько объяснял Арсену:

— Слева — мобейн, или селямлик, где живёт султан. Справа — гарем. Между ними, посредине, где виднеется лестница, ведущая к парадной двери, — зал для приёмов. За ним — коридоры, соединяющие оба крыла сераля...

Их привели в небольшой зал. Здесь было пусто.

— Сейчас мы увидим самого султана, сообщим ему «приятную» новость, — шепнул Ненко. — Слава аллаху, что прошли времена, когда за такие вести чаушам отрубали головы!

Батаджи-нубийцы распахнули высокие двери, и султанский чауш-паша дал знак следовать за ним.

Ненко и Арсен, переступив порог, упали на колени и, непрестанно кланяясь, поползли к позолоченному трону, на котором восседал Магомет IV.

Вдоль стен стояли высшие сановники Порты — шейх-уль-ислам, визири, главный привратник «дверей счастья» — первый евнух, имперский казначей, главный интендант, первый цирюльник и другие лица из ближайшего окружения султана.

За чаушами ввели Златку, наряжённую в роскошные одежды с большим, как было принято, декольте, с непокрытой головой и без вуали на лице — ведь она была невольница-гяурка, на которую не распространялись требования корана.

Потом Мурад-ага со своими капуджи внесли сундук и поставили его посреди зала.

Султан, не шелохнувшись, следил за всеми приготовлениями. Его полное, слегка желтоватое лицо, обрамлённое чёрной бородой, было непроницаемо.

Когда капуджи, принёсшие сундук, кланяясь, попятились к дверям, Магомет взглянул на Мурад-агу, распластавшегося на блестящем полу, и спросил:

— Ты что за человек?

— Капуджи-ага великого визиря, о падишах всего мира, — пролепетал в страхе Мурад-ага, приподняв голову.

— Ты не нужен здесь!

Мурад-ага, не поднимаясь, пополз к дверям так быстро, будто был не человеком, а ящерицей.

Наконец Магомет посмотрел на чаушей.

— Говорите, с чем прибыли! — Голос его был ледяным: он уже знал о поражении войска.

Ненко сделал несколько шагов, упал на колени и протянул свиток Кара-Мустафы. Чауш-паша передал его султану, а тот — одному из визирей, стоящих у трона.

— Читай! — приказал коротко.

В могильной тишине падали, как каменные глыбы, слова, которыми великий визирь оправдывался перед султаном за страшное поражение.

Чем дальше, тем больше хмурились лица членов дивана, а Магомет в бессильном гневе кусал губы. Из письма следовало, что это не просто поражение, отступление, как утверждали слухи,

а разгром, позорное бегство, потеря половины войска и большей части обоза!

Услышать такое ни султан, ни члены дивана не ожидали.

Напоминание о преданности, безмерной любви к падишаху всего мира, тени бога на земле, проявлением чего были присланные в подарок красавица-полонянка и сто австрийских пленных девушек из знатных семей, а также золото и другие драгоценности на несколько миллионов динаров, вызвало у султана и визирей недобрые пренебрежительные усмешки.

А когда был прочитан список казнённых пашей, виднейших полководцев империи, по залу прокатился грозный гул. Несмотря на присутствие султана, члены дивана не могли сдержать своего негодования.

Магомет побагровел. Злобой блеснули его глаза. Он вскочил, топнул ногой и, воздев руки, воскликнул:

— О аллах! Ты наказал этого человека, помутив его разум! Но наказал недостаточно! Его ждёт ещё и суд земной! — Он обратился к членам дивана: — Как ответить на это письмо Мустафа-паше, достойные визири?

— Что скажут чауши об осаде Вены? Были ли они свидетелями позорного бегства сераскера с поля боя? — спросил шейх-уль-ислам. — Выслушаем сначала очевидцев...

— Хорошо, — согласился султан, опустил на трон и, равнодушно взглянув на Златку, кинул коротко: — Выведите её!

Когда батаджи закрыли за перепуганной, едва державшейся на ногах Златкой двери, Ненко и Арсен стали рядом и низко поклонились.

— О великий повелитель правоверных, — начал Ненко, — мы с Асен-агой были участниками и очевидцами осады Вены и битвы под Парканом.

— Почему Кара-Мустафа не взял Вену? — спросил султан. — За два месяца её можно было сровнять с землёй!

— За два месяца было всего два генеральных штурма, да и те были отбиты с большими потерями для нас.

— Сераскер не позволял бомбардировать город, — вставил Арсен. — Если не считать сожжённых самими австрийцами предместий и нескольких разрушенных домов сразу же за валами, то вся Вена осталась целой и невредимой...

— Почему? Не хватало пороха и бомб? — удивился главный интендант.

— И пороха и бомб хватило бы, чтобы сровнять с землей ещё один такой город, как Вена, — ответил Арсен.

— В чем же причина?

— Сераскер Мустафа-паша не позволял обстреливать прекрасные дома и дворцы, потому что хотел захватить Вену неповреждённой. В войске говорили, что сераскер мечтал стать императором на завоёванных землях, а Вену сделать своей столицей...

Султан снова вскочил, с яростью воскликнул:

— Проклятье! Я приказал ему уничтожить столицу императора Леопольда, народ покорить, а земли присоединить к Священной империи османов! А он, оказывается, вынашивал совсем иные, преступные замыслы! Этот человек не имеет права на жизнь!

— Не имеет, не имеет! — дружно откликнулись визири. — Смертный приговор ему! Послать шёлковый шнурок! — зашелестело в зале.

— Шёлковый шнурок!

— Шёлковый шнурок!

Султан согласно кивнул.

— Принесите серебряное блюдо!

Батаджи тут же внесли большое серебряное блюдо, на котором лежал тонкий, но крепкий, длинный шёлковый шнур с зелёными кистями на концах. Подали султану.

Магомет, держа на вытянутых руках плоское круглое блюдо, повернулся к чаушам.

— Подойдите сюда! — И когда Арсен и Ненко с поклоном приблизились к нему, сказал: — Своей правдивостью и преданностью вы заслужили моё доверие. Я поручаю вам отвезти мой подарок великому визирю и сераскеру Мустафе!

Ненко взял блюдо. Молча поклонился.

Султан обратился к визирям и советникам:

— Все приказы Мустафы-паши отменить! Богатства, хранящиеся в Эйюбе, передать в государственную казну! Ибрагим-пашу [89] и хана Селим-Гирея, сосланных на остров Родос, освободить и привезти в Стамбул! Освободить также из заключения в Семибашенном замке Юрия Хмельницкого и немедленно, дав ему надёжную стражу во главе с Азем-агой, послать на Украину... Там казаки пойдут за ним... Мы должны в это тяжкое время сохранить за собой те земли, чтобы в будущем, хорошо подготовившись, нанести оттуда смертельные удары Москве и Варшаве!

Арсен незаметно скосил глаза на Ненко: мол, слышал ли? Но тот, придерживаясь ритуала, застыл как каменный, с блестящим, украшенным по краю чернью блюдом в руках, не мигая смотрел на султана.

— Все! Идите! Выполняйте мои приказы! — И Магомет, не глядя на придворных, склонившихся в глубоком поклоне, скрылся во внутренних покоях мобейна.

5

С отъездом в Белград ни Ненко, ни тем более Арсен не торопились. Они выговорили у гениш-ачераса [90], который должен был дать им охрану, день отдыха после изнурительной дороги в Стамбул. Этого, конечно, было мало, чтобы найти Златку и освободить её, поэтому друзья не теряли времени.

С самого начала они договорились, что с подарком султана к Кара-Мустафе поедет один Ненко. Арсен же, если им удастся вызволить Златку, помчится с нею сперва в Болгарию, к воеводе Младену, а потом — на Украину. Если не посчастливится сразу освободить её,

останется в Стамбуле, будет искать пути к этому, ожидая возвращения Ненко.

Ненко хорошо знал обычаи, царящие в серале.

Когда они подошли к старому батаджи-аге, лениво наблюдавшему, как на крыше конюшни, нахохлившись, дерутся воробьи, Ненко сунул ему в руку золотую монету. Тот глянул на неё сонным взглядом и сразу ожил. Поклонился.

— Я к твоим услугам, чауш-ага.

— Мне нужно знать, где теперь девушка, которую Мурад-ага привёз от великого визиря Мустафа-паши.

вернуться

89

Ибрагим-паша — великий визирь, предшественник Кара-Мустафы.

вернуться

90

Гениш-ачерас (тур.) — начальник корпуса янычар.

— Я видел её... Очень красивая девушка, эфенди.

— Куда её повели и кто?

— Повели в гарем... Кто — не рассмотрел.

Ненко достал из кармана ещё один золотой. У батаджи жадно блеснули глаза.

— Постой, постой, кажется, я припоминаю... О, аллах, дай памяти!

Ненко положил монету на его протянутую ладонь. Батаджи-ага крепко зажал её в кулаке.

— О! — воскликнул он. — Припомнил! Её взял евнух Саид... И передал кальфе [91] Мариам, а та забрала в свой даире... А зачем эфенди интересуется этой девушкой? — Батаджи-ага улыбнулся, но смотрел он пытливо и холодно.

Ненко опустил в карман батаджи-аге ещё монету. Жестко сказал:

— Батаджи-ага, не лучше ли получать в подарок золото, чем железо? Ты меня понял? Мы тебя не знаем, ты нас не видел...

Тот, поклонился, сложил молитвенно руки.

— Понял, эфенди. Пусть мне выжгут раскалённым прутом глаза, если я вас видел, и пусть отрежут ятаганом язык, если я вам сказал хоть слово! Аллах свидетель!

Итак, стало известно, где находится Златка. Это так обрадовало Арсена, что, оставшись с

Ненко наедине, он едва не задушил его в объятиях.

— Ты просто волшебник! Три золотых — и дело сделано!

Но тот охладил его восторг:

— Это — самое лёгкое... Тяжело будет вырвать её оттуда, а ещё тяжелее — уйти от погони.

— С чего же нам лучше начать?

Ненко задумался.

— Если удастся, нужно, пока светло, предупредить Златку, чтобы была готова. Затем — приобрести коней и одежду. И на всякий случай, позаботиться о ночлеге в Стамбуле. Ибо вечером и ночью все ворота города закрыты — не выедешь...

— Тогда не будем мешкать! — заторопился Арсен. — Я во всем полагаюсь на тебя.

Они вышли из дворца с противоположной от моря стороны, и только сейчас, с высоты парадного входа, Арсен впервые смог как следует разглядеть весь сераль.

Огромный дворец, с бесчисленными пристройками, множеством крылечек и дверей, тянулся почти на милю. К нему примыкали дворы — три около мобейна и несколько у гарема — с самыми разнообразными строениями: кухнями, конюшнями, складами, казармами для янычар, банями, помещениями для слуг и рабов, карет и возов... Всюду сновали слуги, разъезжали всадники и погонщики, слышались людской гомон, лошадиное ржание, ослиный рёв...

Это был целый город! В нем постоянно проживало две или три тысячи человек, а днём, вместе с вольнонаёмными слугами, жившими за границами сераля, набиралось, пожалуй, до четырех тысяч...

Друзья пошли дворами и задворками вдоль гарема. Никто не останавливал их. Батаджи-евнухи, устроившиеся на солнышке возле своих дверей, равнодушно смотрели на янычар... Из некоторых окошек с любопытством выглядывали хорошенькие личики девушек. За которым же Златка?

— Мы должны пойти на риск, — сказал Ненко. — Не хотелось бы ни у кого спрашивать, где двор кальфы Мариам, однако придётся... Только прежде нам нужно изменить свою внешность и кое-что приобрести.

Арсен вынужден был согласиться.

6

На другой день, утром, когда к сералю потянулись вереницы возов с овощами, фруктами, мясом, печёным хлебом, мукой, рыбой и другими припасами, в ворота гарема въехал запряжённый сытыми лошадьми крытый воз. На передке, держа в руках ремённые вожжи, сидел старый бородатый турок. Из-за его спины выглядывала такая же старая, как и он, высокая худая турчанка в тёмном одеянии, с опущённой чадрой, сквозь которую поблёскивали только глаза.

— Эй, любезный, скажи, будь добр, где мне найти кальфу Мариам? — прошамкал возница, обращаясь к высокому безбородому евнуху, который медленно, опустив голову, брёл по двору.

Тот вяло махнул тонкой холёной рукой.

— Поезжай дальше, старик... Вон, видишь, баня? Там, как раз напротив, вход в дайре кальфы Мариам...

— Спасибо, любезный. — И возница тронул вожжами коней...

Воз подъехал к бане — большому мрачному строению, чуть ли не со всех сторон обложенному дровами, — и остановился. С него слезла турчанка, по-старушечьи покачиваясь, поплелась к гарему. Тяжёлый узел оттягивал ей руку.

В полутёмном коридоре её окликнул евнух.

— Бабка, ты к кому?

— К кальфе Мариам, сынок, — прошипела та хриплым голосом. — Привезла кое-что для неё и для красавиц... Покажи, где её найти!

— Иди сюда, бабка. — Евнух провёл старуху в конец коридора. — Вот комната Мариам...

— Спасибо, сынок... Да хранит тебя аллах!

Старуха толкнула дверь и вошла в большое помещение с широким зарешеченным окном. Вдоль стен стояли узкие топчаны, покрытые коврами, да окованные железными узорчатыми пластинами сундучки. Посредине — низенький круглый стол, на нем — большая миска с горячим пловом и высокий кувшин с шербетом.

На топчанах, подобрав ноги, сидели несколько девушек и голодными глазами смотрели, как пышнотелая женщина, не обращая на них никакого внимания, доставала рукой из миски куски мяса побольше и запихивала в рот.

— Кальфа Мариам? — спросила старуха. — Пусть хранит тебя аллах!

— Да, я. А тебе чего? С чем пришла? — недовольно пробурчала кальфа, глотая мясо. — Видишь — не вовремя... У нас как раз завтрак.

— Прошу прощения, — поклонилась старуха. — Я подожду, если позволишь... Сяду вот тут. — И присела на краешек топчана.

Мариам покосилась на неё, но не сказала ничего. Ещё некоторое время она, не торопясь, запихивала в рот то, что повкуснее, потом прямо из кувшина напилась шербета и только после того, как вытерла рукой жирные губы, сказала коротко:

— Ешьте!

В то же мгновение девушки вскочили, окружили миску и стоя начали брать еду и торопливо глотать её, как голодные щенки.

Только одна осталась сидеть на своём месте в уголке, накрывшись платком.

— Ты чего? Ешь! — обернулась к ней Мариам. — Вчера не ужинала! Сегодня не завтракаешь! Или сдохнуть хочешь, чтобы меня обвинили в том, что я объедаю своих учениц?.. Но тебе это не удастся. Я заставлю тебя есть!

— Не буду есть! Не хочу! — ответила девушка, не открывая лица.

Услышав её голос, старуха вздрогнула. Через просвет чадры, которую она так и не сняла, пристально посмотрела на строптивую одалиску.

— Нет, будешь! — Мариам поднялась и крикнула своим подопечным, которые уплетали плов из миски: — Эй, хватит вам! Оставьте малость этой сумасшедшей. Видали, она недовольна, что попала в султанский гарем! Ей бы стать наложницей или рабыней какого-нибудь грязного торгаша или спахии! Или на хозяйственном дворе топить печь в бане, стирать бельё, мыть посуду на кухне... Это лучше?

— Лучше.

— Ну и глупая ты! Но эта дурость пройдёт... Не таким здесь рога обламывали... Иди ешь!

— Не буду! Лучше умру...

— Ха-ха! Вы слышали? Она не будет есть! Голод припечёт — сама попросишь... Доедайте, девчата, — не пропадать же добру!

Девушки опять бросились к миске и быстро опорожнили её. Было ясно, что голод — постоянный спутник их жизни.

Кальфа подошла к старухе, пнула ногой её узел.

— Покажи, что принесла. Чем удивишь моих красавиц?

Старуха поклонилась. Заскорюзлыми пальцами развязала верёвку, стала вынимать небольшие кусочки цветастых тканей. Раскинула их на тахте поближе к свету.

Девушки в восторге всплёскивали руками.

— Ой, какая красота!

Кальфа Мариам тоже не смогла скрыть своих чувств. Как замороженная рассматривала материю, — все было великолепным! Только странными казались размеры — совсем маленькие лоскуты: на косынку и то еле хватит

— Так из этого платья не выйдет! — воскликнула она с сожалением, примеряя на себя кусок яркого китайского шелка.

— Отчего не выйдет? — прошамкала старуха. — Во дворе стоит мой воз — там есть все, чего только душа пожелает! Правда, не очень много... На весь гарем не хватит. Но вам достанется. Мой старик отмерит, лишь бы денежки были!

Девушки кинулись к своим сундучкам и с зажатыми в руках акче, курушами и динарами выпорхнули из комнаты.

Одна лишь новенькая не проявила заинтересованности: согнувшись, как надломленный ветром стебелёк, молча сидела в углу на топчане.

вернуться

Кальфа (тур.) —хозяйка, старшая рабыня в гареме, в подчинении которой находятся девушки-невольницы.

Старуха начала медленно собирать своё добро, складывать в узел. Каждый лоскут она сворачивала по нескольку раз, укладывала, потом снова вынимала.

Кальфа нетерпеливо притопнула ногой.

— Да побыстрей ты!

— А ты, голубушка, иди, иди... Не бойся — я не воровка. Да и не одна я остаюсь, есть кому за мной присмотреть: — И старуха скрюченным пальцем указала на новенькую. — Иди, я сейчас соберу — да за тобой следом... Не мешкай, не то там расхватают все...

Последние слова подстегнули кальфу — хлопнув дверью, она протопала во двор.

В тот же миг старуха, открыв лицо, устремилась к девушке и совсем другим голосом воскликнула:

— Златка! Милая! Неужели не узнала меня?

— Арсен! — Девушка поначалу не поверила своим глазам, а потом с рыданием упала к нему на грудь. — Милый мой! Ты здесь!..

— Т-с-с! — Арсен зажал ей рот ладонью. — Слушай внимательно! Мы с Ненко прибыли за тобой. Он с подводой во дворе. Вот тебе другая одежда. — Он выхватил свёрток из своего узла. — Пока твои подружки выбирают у Ненко обновы, накинь на себя эти лохмотья рабыни, выйди во двор и жди нас возле ворот... Мы не задержимся. Быстрей!

Скомкав все лоскуты, казак запихнул их в узел и, вновь согнувшись, как старая бабка, заковылял из комнаты.

Около воза шла бойкая торговля. Ненко не скупился. За бесценок продавал то, что втридорога купил вчера с Арсеном у заморских купцов. Кальфа и девушки держали в руках отрезы дорогих тканей и, не имея больше денег, с завистью и сожалением смотрели на оставшееся.

Арсен, выйдя из гарема, подождал, пока мимо него промелькнула Златка, а потом направился к возу.

— Накупили, сороки? — зашипел он на девушек. — Вижу — набрали... Ну и хватит! А теперь — кыш, кыш! Некогда нам, надо ехать дальше, ведь в кошельках у вас, хе-хе, ничего не осталось! — Он влез на воз. — Погоняй, старик!

Ненко взмахнул камчой [92], хлестнул коней.

— Где она? — спросил тихо, когда немного отъехали.

— Вон побежала... Будет ждать... Теперь бы хоть малость пофартило нам!

Не задавая больше вопросов, Ненко быстрее погнал лошадей.

— Эй-эй, берегись! — кричал он тем, кто оказывался на пути.

Запыхавшаяся Златка стояла у ворот, боязливо озираясь вокруг через узенькую щель чадры. Она, видимо, ещё не могла поверить в реальность происходящего. Худенькую её фигурку так и притягивало к быстро приближающейся подводе.

Ненко натянул вожжи.

Арсен подхватил девушку под руки, поднял — и она мгновенно оказалась внутри будки.

— Гони! — крикнул казак.

Камча обожгла спины лошадей. Колёса, высекая из камней искры, громко затарахтели в узком проезде под каменной башней.

Часовые, стоявшие снаружи, у ворот, бросились на шум, однако завидев, что на них мчатся озверевшие кони, испуганно отшатнулись, чтобы не попасть под копыта.

— Вай, вай! Горе мне! — вопил Ненко, размахивая камчой. — Взбесились, окаянные! Вай, вай!

Капуджи скрестили длинные копыта, закричали:

— Стой! Назад!

Но было поздно. Кибитка вихрем вылетела из-под башни, промчалась через широкий майдан, разгоняя испуганных прохожих, и скрылась за углом, в боковой улице.

— Сумасшедший старик! — буркнул старший. — Свернет себе шею! Или кому-нибудь...

Младший добавил:

— Попадись он мне в руки — отходил бы его копьём по спине!..

Тем временем Арсен внутри будки скинул женское платье, остался в обычной своей одежде янычарского чорбаджия. Потом он сменил на передке Ненко — и тот вскоре тоже красовался в пышном наряде чауш-аги. Переоделась и Златка, преобразившись в юного стройного чорбаджия.

Проехав через весь Стамбул, беглецы миновали ворота Айвасары-капу и быстро домчались до леса, что неподалёку от Эйюба.

Здесь их ждала другая повозка.

Ненко обнял Арсена.

— Прощай, друг мой и брат! Бумаги и деньги на дорогу у тебя есть, а куда путь держать — сам знаешь. Увидишь воеводу Младена, отца нашего, скажи, что скоро прибуду к нему. Вот выполню приятное для меня поручение султана — и приеду...

— Смотри — не выпусти его из рук! — сказал Арсен, памятуя об изворотливости Кара-Мустафы.

— Будь спокоен! Не забывай, что я не только Ненко, но и Сафар-бей! Хватка у меня — янычарская! — И он сжал, усмехаясь, свой крепкий кулак. Потом обнял Златку. — Ну, дорогая моя сестрёнка, прощай! Нашёл я тебя, но, возможно, никогда больше не встречу. Я знаю, что с Арсеном ты будешь счастлива, и рад вашему счастью...

— Ты приедешь к нам, Ненко?.. — прошептала сквозь слезы Златка.

— Все может быть... Поезжайте! Счастливого вам пути!

Он ещё раз крепко обнял их и долго стоял у дороги, пока богатая повозка не скрылась за поворотом, в лесной чаще.

7

С нараставшей тревогой ждал Кара-Мустафа вестей из Стамбула. Измучился вконец. По ночам вскакивал в холодном поту при любом шуме.

Днём, когда отдавал разные распоряжения, когда устраивал смотры ортам, которые постепенно вновь становились подобными прежнему боеспособному войску, было легче, и казалось, что все обойдётся, все будет по-старому.

А ночи были ужасными. Долгие, осенние, с северными холодными ветрами, завывающими за окнами его тёплого дворца, от чего ледяным страхом сжимало сердце, с кошмарными снами и бесконечными тяжкими мыслями.

Надежда боролась в нем с безысходностью.

Великий визирь надеялся на легковерие и привязанность к нему султана, надеялся, что подарки смягчат гнев, а основательное, подробное письмо объяснит истинные причины поражения и укажет на настоящих виновников.

Потом он припомнил, сколько у него в Стамбуле врагов, которые, безусловно, науськивают султана на него, и ему стало страшно. Неужели нет никакой надежды?

На всякий случай Кара-Мустафа держал при себе драгоценности, поскольку решил бежать при малейшей опасности. Вокруг дворца поставил часовых и приказал никого не впускать, не предупредив его. За высокой каменной стеной, в соседней усадьбе, куда был прокопан подземный ход, под присмотром надёжных слуг стояли наготове быстроногие кони...

Кончался несчастливый для него 1683 год.

День 25 декабря ничем не отличался от предыдущих. Разве что изменилась к лучшему погода — яркие живительные лучи солнца залили Белград, повеселевший широкий Дунай, который во время непогоды выглядел мрачным, даже грозным, и его меньшую сестрицу Саву, а также все окрестности города.

Потеплело на сердце и у великого визиря, он впервые за долгие месяцы после обеденного намаза пошёл в библиотеку, достал из богато инкрустированной серебром с перламутром шкатулки коран в дорогом переплётё и углубился в чтение.

Спустя полчаса его стал одолевать сон. Он лёг на мягкую широкую оттоманку, но его покой был тут же нарушен появлением секретаря.

— Прости меня, эфенди, за беспокойство. Из Стамбула прибыл чауш...

— Что?! — подскочил Кара-Мустафа. — Его впустили?

— Пока что нет. Мой повелитель сам изволил так приказать.

— Он один?

— Чауши султана, да и визиря, не ездят в одиночку... Всегда с охраной, — спокойно ответил секретарь.

— Ладно. Пойди к воротам и посмотри, кто там, спроси имя чауша, с чем прибыл, а потом, не впуская никого, вернешься немедленно сюда!

Секретарь молча поклонился и вышел.

Кара-Мустафа торопливо зашагал по просторному помещению библиотеки, залитому солнечными лучами. Лихорадочно думал: что привёз чауш? Жизнь или смерть?

Никто не мог дать ответа на этот вопрос.

Остаться и выяснить, кто этот чауш, с чем приехал, или бежать сразу, пока не поздно?

Он колебался. И на эти вопросы ответить мог, пожалуй, только один аллах.

Страх сжимал его сердце. Но все же в самой глубине сознания теплилась мизерная надежда. Может, не все утрачено? Может, привезён приказ о новом походе? Или — отставка?..

Возвратился секретарь.

— Ну что? — подался к нему всем телом великий визирь.

— Прибыл чауш-ага Сафар-бей, эфенди.

вернуться

92

Камча (тюрк.) — нагайка, кнут.

— Сафар-бей! — обрадовался Кара-Мустафа, чувствуя, как огромная тяжесть постепенно оставляет его. Забыв даже спросить, с чем тот прибыл, сразу же приказал: — Сафар-бея ко мне! Быстро!

Секретарь удалился.

Кара-Мустафа облегчённо вздохнул. Ну, кажется, аллах смилостивился. От своего-то чауш-аги, безусловно, нечего ждать плохих вестей... Значит, либо вести хорошие, либо, выполнив приказ, Сафар-бей просто возвратился... От него многое можно узнать... Он видел султана!

Дверь распахнулась внезапно. В библиотеку торжественно, как на параде, вошёл чауш-ага Сафар-бей. Но что это на его вытянутых руках? «О аллах-экбер!» Кара-Мустафа вздрогнул. Ему несли на серебряном блюде шелковый шнурок!

В библиотеку входили и входили янычары. В дверях стоял бледный, перепуганный секретарь. За ним толпились слуги, тоже бледные и испуганные.

Великий визирь все ещё не верил собственным глазам.

— Ты... Сафар-бей?.. — глухо проговорил он, поражённый происходящим. Смертный приговор прислан с его собственным чаушем!

— Это воля падишаха! — громко объявил Сафар-бей.

У Кара-Мустафы зашлось сердце, онемели ноги.

— Есть у меня право выбора — выпить яд или застрелиться? — спросил великий визирь, в надежде выговорить хотя бы малейшую оттяжку, которая дала бы ему возможность кинуться к противоположной двери — за ней винтовая лестница в подземелье, откуда начинался тайный ход. Шанс ничтожный, но все же...

— Такого выбора у тебя нет, Асан Мустафа! — жёстко ответил Сафар-бей и приказал янычарам: — Взять его!

Янычары быстро окружили великого визиря, схватили за руки.

Тонкий и скользкий шёлковый шнур змеёй обвился вокруг его шеи...

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

1

Побагровевший от гнева паша Галиль топнул ногой на Юрия Хмельницкого, закричал, как на мальчишку:

— Я написал в Стамбул, что у меня нет для тебя войска, нет денег! Сейчас не то время, когда мы можем нарушать мирный договор с Москвой! Поражение под Веной окончательно подорвало наши силы, а ты хочешь втянуть империю в новую войну с московской царицей Софией! Ни одного воина я тебе не дам! Таков приказ дивана... Если султан — да будут благословенны его лета! — вытянул тебя из Еди Куле и послал сюда, то надеялся, что ты сам наберёшь войско из казаков и будешь защищать Правобережье и от Ляхистана, и от Москвы. А оказалось, что от тебя все бегут, как от прокажённого! Смешно сказать — только пьяница Многогрешный, которого я почему-то ещё не повесил, поддерживает тебя! — И паша с презрением посмотрел на согнутую спину Многогрешного, который боязливо выглядывал из-за Азем-аги. — Да ты сам не просыхаешь от горилки! Наливаешься, как бочка, и целыми днями валяешься в беспамятстве на тахте...

— Но... мой благодетель, высокочтимый эфенди...

— Молчи! Будь моя воля — давно бы повесил вас обоих, как вонючих псов!

— Чтобы набрать войско, нужны деньги, — не сдавался Юрась, — а проклятый изменник и ворюга Кара-Мустафа все украл у меня... Пустил по миру! Потому и прошу выдать мне на военные нужды из государственной казны пятьдесят тысяч курушей...

— Что?! — приземистый Галиль-паша так и подпрыгнул от возмущения. — Ты слышишь, Азем-ага? Пятьдесят тысяч! Не тысячу, не пять, а пятьдесят тысяч! Да он завтра же промотает их в кабаке!..

Паша долго испытующе смотрел на Хмельницкого. Немного успокоившись, сказал жёстко:

— Последний раз даю тебе две тысячи курушей, но с условием — набрать хотя бы двести

казаков! Сделаешь это — получишь больше. Не сделаешь — я устрою и тебе, и твоему хитрецу Многогрешному такое табандрю [93], что — клянусь всевышним! — запомните меня до самой смерти! А теперь — убирайся с глаз долой!

— Благодарствую, эфенди, — поклонился Юрась, пряча досаду. — Сегодня же сотник Многогрешный поедет в Немиров на переговоры с тамошними казаками...

2

На майдане, посреди Выкотки, собралась вся немировская сотня. Казаки хотели узнать, зачем приехали из Львова пан Порадовский и пан Монтковский. О чем они там толкуют с полковниками Андреем Абазиным и Семёном Палием, прибывшим из Фастова.

— Может, привезли остальные деньги, которые не выплатили за венский поход? — рассуждали одни.

— Как же, держи карман шире! — отвечал им кто-то. — Что с возу упало, то пропало!

Казаки волновались.

— Нечего им сидеть за стенами! Нехай выходят сюда! На люди!

— Пусть комиссары гетмана Яблоновского всем скажут, почему не выплатили вознаграждение семьям тех, кто погиб в походе или умер от болезней!

Среди казаков шнырял Свирид Многогрешный. Он больше слушал, мотая на ус каждое слово, порой и сам подавал голос:

— Правду люди говорят! Нечего полковникам комиссаров прятать... За нашими спинами договариваются! Как погибать в походе — так нам, а как получать денежки — так они впереди.

Его сгрёб за шиворот Метелица, сопровождавший Палия в Немиров.

— Что-то я тебя, братец, в походе не видывал! наших полковников хаять не смей! Бреши, да знай меру! А не то по сопатке получишь! — И старый казак поднёс к самому носу Многогрешного свой здоровенный кулачище.

Выкрики в толпе усилились. В дверях появился Абазин.

— Что за шум, братья?

В ответ загомонили громче:

— Выходите толковать на майдан!

— На люди! На люди!

Абазин улыбнулся. Был он высокий, горбоносый, с чёрными бровями. И горяч, и скор на руку. Все это знали. Но улыбка его всегда означала хорошее настроение. За ней никогда не таились коварство и злоба.

Поэтому зашумели дружнее.

— Давай, Андрей, комиссаров сюда! — закричали старшие.

— Выводи их, полковник, на свет божий! — поддержали младшие.

— Ладно, братья! Мы с батюшкой Семёном тоже так думаем, — ответил Абазин и скрылся в хате.

Через минуту на крыльцо вышли все четверо: впереди — комиссары, за ними — полковники.

Над толпой прокатился глухой гомон.

— С чем приехали, паны комиссары?

— Говорите, а мы слушаем?

Порадовский и Монтковский переглянулись. Видимо, их встревожило недовольство толпы.

Начал говорить Порадовский.

— Панове! Вы хотите знать, зачем мы приехали к вам и о чем говорили с вашими полковниками? Скажу... Коронный гетман Станислав Яблоновский по поручению короля прислал нас сюда, чтобы набрать охочих в поход на турок... Лазутчики доносят, что султан не смирился с поражением и готовится вновь выступить против союзников. Не исключено, что уже этим летом он нападет на Речь Посполитую...

— Так и защищайтесь сами!

— Не пойдём! Не пойдём!

— Один раз обманули, больше не выйдет!

— Панове, панове... — пытался перекричать толпу Порадовский.

Его не желали слушать.

— Деньги отдайте вдовам и сиротам тех, кто погиб под Веной и под Парканом!

— Всем отдайте! Ведь мы поделились своей частью с семьями погибших! Стало быть, вы обманули и живых, и мёртвых!

Порадовский покраснел. Монтковский отступил в глубь крыльца, словно примерялся шмыгнуть при малейшей опасности в дом.

Вперёд шагнул Семён Палий. Встал рядом с Порадовским. Поднял руку. Гомон над майданом унялся.

— Братья! Я согласен с вами! — крикнул он. — Полковник Абазин тоже... Мы целый час доказывали панам комиссарам, что они должны сперва выполнить прежние обязательства и только потом звать нас в новый поход.

— Правильно! Правильно!

— Землю свою мы защищаем не за плату, а из любви к ней и хотим, чтобы она всегда была свободной и кормила нас и детей наших! Но когда воин идёт в наёмный поход, он должен иметь оружие и коня, должен быть уверен, что его жена и дети будут сыты в его отсутствие... Для этого казаку нужно заплатить! А как поступили вы, паны комиссары? Обещали одно, сделали другое... Прислали едва ли половину того, что сулили!

— Государственная казна опустела — неоткуда взять, — выдавил из себя Порадовский. — Все, что прислал папа римский, мы до шеляга отдали вам! Больше платить нам нечем...

вернуться

93

Табандрю (тур.) — жестокое наказание: битьё палками по пяткам и по спине.

— Дёшево же цените вы нашу кровь, панове! Обхитрили нас, как хотели, а теперь имеете нахальство опять обращаться за помощью! Не выйдет! — Палий разгневался, голос его дрожал.

Порадовский напыжился, надменно посмотрел на полковников.

— Не я обманывал вас, панове! Як бога кохам! [94] Езжайте к тем, кто над нами... Просите их...

— Что-о? Просить?! — Палия передёрнуло. — Мы столько крови пролили, да ещё просить? Не поедем мы побираться! Тебе ж, пан Порадовский, поручаем передать вот эту нашу благодарность вельможному панству за лицемерие и обман! — С этими словами Палий неожиданно ударил комиссара ладонью по щеке. — Не тебя бью, а их! А у тебя за это прошу прощения...

Порадовский в первое мгновение растерялся. Потом потянулся к сабле. К нему кинулся Монтковский, удержал.

— Ради бога, пан! Посекут в куски! Что греха таить, справедливо нас обвиняют... Глаз не могу поднять от их обвинений!

Порадовский зло взглянул на Палия.

— Ну, этого я тебе никогда не забуду, полковник! Пока жив, не забуду! — Он сбежал с крыльца и пошёл прямо на казаков.

Казаки расступились, давая ему проход. Монтковский последовал за ним. Когда комиссары удалились, Абазин тихо сказал Палию:

— Не следовало так делать, Семён!

Однако казаки, стоявшие поблизости и слышавшие это, зашумели:

— Правильно! Правильно!

— Не его же я бил, а в его лице тех, кто над ним!

Но тут же Палий с досадой махнул рукой.

— Может, и не следовало. Погорячился... Впрочем — пусть знают! Черт с ними! Теперь и ломаного гроша не пришлют!

Вперёд протиснулся Свирид Многогрешный.

— Панове полковники, дозвоьте слово молвить! Вам и всему товариству!

— Ну говори! Чего хочешь? — разрешил Абазин.

Многогрешный взбежал на крыльцо, скинул шапку.

— Братья, поручил мне наш гетман Юрий Гедеон Вензик Хмельницкий бить челом вам... Зовёт он вас, братья, под свои знамёна!

— Это под турецкие, значит? — грозно спросил Палий. Он ещё не совсем успокоился после стычки с Порадовским. — Чтобы опять орда и янычары топтали нашу землю, а нас вырубали под корень? Прочь отсюда, выродок! Прочь, собака, да живо! Не то отведаешь моей сабли!

— Убирайся вон! Долой! — закричали казаки.

— Гони его ко всем чертям!

Многогрешный съёжился, надвинул шапку и сбежал с крыльца.

3

Конный отряд, сопровождавший комиссаров в поездке на Украину, готовился к отъезду. Жолнеры седлали коней, приторачивали к сёдлам дорожные саквы. Сами шляхтичи сидели в корчме возле окна и ели вкусную горячую колбасу-кровянку, запивая её холодным, из погреба, пивом.

Оба молчали. Маленький, круглый, как бочонок, черночубый Монтковский был ниже чином и не смел первым начать разговор, видя, в каком скверном настроении Порадовский. А тот, высоченный, рыжий, все ещё пылал от стыда и злобы из-за безболезненного, но оскорбительного удара Паляя, из-за того, что придётся теперь возвращаться, не выполнив поручения Яблоновского.

Они уже кончали трапезу, когда в дверь прошмыгнул Свирид Многогрешный и в почтительной позе замер у порога.

— Прошу прощения у вельможных панов... Мне хотелось бы поговорить с панамы о том, что их интересует, — льстиво произнёс он.

— А что нас интересует? — вытаращился на него Порадовский.

— Я был на Выкотке в то время, как этот разбойник Палий...

— На что пан...

— Сотник Свирид Многогрешный.

— На что пан Многогрешный намекает? — грозно спросил Порадовский.

— Прошу вельможного пана на меня не сердиться. Что было, то было... А вот про то, что будет, хотел бы поговорить. Пан комиссар сам понимает, что речь пойдёт про того разбойника...

— Паляя?

— Да.

Порадовский подумал, вытер ладонью жирные губы.

— Ну что ж, послушаем...

Многогрешный суетливо приблизился и примостился у стола. Оба комиссара впились в него глазами.

— Панове, я хотел тайно доложить вам, а через вас — гетману Яблоновскому о ненадёжности Палия... Пан король дал ему приговорное письмо на Фастов и окрестные земли, осчастливил его своей милостью. Он же — Палий — замыслил чёрную измену супротив короля...

— Что именно? Говори! — воскликнул Порадовский.

Многогрешный подвинулся поближе. Почувствовав себя увереннее, налил из кувшина пива — осушил кружку. Оглянувшись, не подслушивает ли кто, прошептал:

— Он хочет подбить других полковников на то, чтобы все Правобережье снова присоединить к Левобережью, точнее — к Москве...

— Что? — подскочил Порадовский. — У тебя есть доказательства?

— Я сам — доказательство тому, панове! — напыщенно заявил Многогрешный. — Своими ушами слышал, как Палий болтал с казаками, а те, разинув рты, как дурни, слушали его...

Порадовский радостно потёр руки.

— Гм, это важная весть! Значит, Палий — изменник, и его нужно немедленно арестовать!

— Без приказа пана Яблоновского? — засомневался Монтковский.

— У меня есть такой приказ! Касающийся не лично Палия, а всех, кто так или иначе выступает против короны! В данном случае есть доказательства измены полковника Палия...

— Об этом я и говорю, — обрадовался Многогрешный. — Палий — опасная личность. Уверен, что гетман Яблоновский отдаст его под суд. А я готов свидетельствовать против него... Тем более, панове, что мне давно хотелось перейти на службу к пану Яблоновскому... При возможности замолвите за меня словечко, как за верного слугу.

— Замолвим, — согласился Порадовский. — Пан Яблоновский щедро платит преданным людям... Но слова — лишь слова, пан Многогрешный. Для того чтобы я поручился за тебя перед самым коронным гетманом, нужны дела!

— Какие?

— Ты поможешь мне арестовать Палия.

— Побойся бога, пан! — воскликнул удивлённый Монтковский. — К Палию благосклонно относится сам король!

— Король пока не знает о его истинных намерениях! — отрубил Порадовский. — Дело решённое, Палия арестуем! Но как?

— Тихо, без шума, — ответил Многогрешный. — Можете целиком положиться на мою ловкость.

4

Документы, заготовленные Ненко, оказались весьма кстати. Без серьёзных препятствий Арсену и Златке под видом янычарского чорбаджия с подчинённым удалось добраться до Болгарии, а затем, переодевшись на перевале Вратник, в межгорья Старой Планины.

Погостив у воеводы Младена в его гайдуцком краю и дождавшись приезда Ненко к отцу, Арсен со Златкой тронулись в путь, на Украину.

В Белой Церкви, где они решили отдохнуть с ночёвкой, неожиданно узнали об аресте Паляя. Хотя кони, да и сами они — особенно Златка — нуждались в более длительном отдыхе, Арсен без колебаний сказал:

— Поехали, милая! Здесь недалеко — тридцать вёрст... Как раз к утру будем дома.

Златка не перечила Арсену, понимая, что речь идёт о важном деле. Быстро собравшись, они двинулись на север.

В Фастов прибыли, как и думал Арсен, к завтраку.

Весна приукрасила, убрала зеленью и цветами разоренный войнами и лихолетьем город. Шумели на фастовской горе, возле крепости, молодые яворы, седыми облаками нависли над серебристой Унавой ветвистые вербы.

Вот наконец подъехали они к приземистой хатке, где жили мать с дедом. Ещё с дороги Арсен заметил во дворе осёдланных лошадей. Сердце его тревожно забилося. Кто бы это мог быть?

Когда открыл ворота и помог Златке слезть с коня, услышал топот ног и радостные восклицания:

— Арсен! Златка!

— Родные наши!

— Слава богу! — послышался голос матери. — Живы!

— Слава аллаху! — вторил ей Якуб.

В хате оказалось полно людей: Арсен и Златка переходили из объятий в объятия.

— Яцько? Неужели ты, парень? — не поверил своим глазам Арсен, здороваясь с русоголовым двадцатилетним парубком в бурсацкой одежде. — Ну, как наука — не идёт без дрюка? Иль закончил уже школу?

— Да, закончил и... домой, — смутился Яцько. — То есть к тебе, Арсен, потому как мне, сам знаешь, больше некуда... Собирались мы с Семашко приехать через неделю — хотелось на воле побродить по Киеву, да узнали про арест батьки Семена и примчались...

вернуться

94

Як бога кохам (польск.) — ей-богу.

— Куда же тебе ехать ещё, братик мой дорогой? Конечно, ко мне! — обнял его Арсен. — Теперь нас у матери трое — Стёха, я и ты!

— Холера ясная! А про меня забыл? Я четвёртый, ведь тоже родной неньки не имею! — И Спыхальский чмокнул сначала Златку, а потом Арсена.

Кроме родных — матери, бабушки Оноприя, Стёхи, — Романа и Якуба, навсегда оставшегося в семье Звенигор, Яцько и Спыхальского, здесь были Метелица и Зинка, которые последними, но не менее пылко поздоровались с прибывшими.

Звенигориха пригласила всех к столу.

После завтрака Спыхальский, на удивление молчаливый в течение оживлённой трапезы, взял Арсена и Романа под руки.

— Друзья, прибыл я из Львова не только для того, чтоб повидаться с вами. Есть дело более важное... Не пройтись ли нам, Панове, на левяду и там, над Унавой, в затишье поговорить? Пускай тут жинки прибирают, а мы малость проветримся...

С этими словами он потянул мужчин из хаты. Вскоре их нагнали Метелица и Яцько.

Под ближайшими вербами стали в кружок. Солнце уже высушило росу, и в воздухе струились медвяные запахи первых луговых цветов, гудели шмели и пчелы. От Унавы долетали гогот гусей и криканье уток, а из леса, тёмной стеной высившегося на другой стороне, несло далёкое, грустное кукование кукушки — ку-ку, ку-ку...

Когда кукушка замолкла, Арсен сказал:

— Друзья мои, у всех у нас сейчас одна мысль — про батьку Семена... про Палия... Кто больше других знает, тот пусть и расскажет. Ты, Мартын, хотел что-то поведать?

— И вправду, панство, я могу вам сказать, где Палий... Як бога кохам, могу!

— Ты знаешь, где Палий? — воскликнул Арсен. — Откуда?

— Из первых рук, как говорят...

— Начинай же! — нетерпеливо перебил его Звенигора. — Не тяни!

— Видите ли, панове, во Львове, при дворе коронного гетмана Станислава Яблоновского, служит один человек, которому я чем-то понравился, считает он меня своим другом... Это комиссар Порадовский. И хотя я не питаю к нему подобных чувств, мы с ним частенько встречались — сживали по вечерам в корчме, потягивая пиво... Но вот он на время исчез. А когда вернулся, сразу заглянул ко мне. Пан Порадовский был основательно навеселе и необыкновенно болтлив. Расхваставшись, он рассказал, что они с паном Монтковским побывали в Немирове и арестовали там Палия... Как услышал я такое, чуть не подавился куриным бедрышком, которое как раз обгладывал... «Как! Полковника Семена Палия?!» — воскликнул я. «Да», — спокойно ответил пан Порадовский. «За что?» — «За то, что он хочет со своими казаками переметнуться под власть Москвы!» — «Это он сам тебе сказал?» — спросил я. «Ещё чего! Конечно, нет... Об этом мне донёс один казачий сотник по имени Свирид Многогрешный...» — «Матка боска ченстоховска! — воскликнул я, потрясённый. — Свирид Многогрешный?» — «Почему пан Мартын удивлён? Он знаком с Многогрешным?» — «Спрашиваешь! Я знаю его как облупленного! Потому как был вместе с ним в турецкой

неволе... Потурнак [95] и свинья, каких свет не видывал! А ты, пан, арестовал героя Вены, поверив этой бестии! Что ещё скажет гетман и сам король?» Порадовский засмеялся и ответил: «Не знаю, что скажет пан круль, а коронный гетман похвалил меня и велел бросить арестованного, заковав его в кандалы, в подземелье в Подкаменном... Думаю, пану Мартыну известно, какие там казематы!» — «Ну и как решил гетман поступить с тем полковником? Повесить?» — «Это уже его забота, я своё сделал...» После этих слов я быстренько выпроводил Порадовского и помчался в Подкаменное. Там убедился, что он не наплёл небылиц спьяну... Что мне оставалось? Один я в Подкаменном ничем не мог помочь батьке Семёну... Поэтому сказал всем, что еду домой, в свой Круглик, а сам на коня — и к вам, в Фастов!..

Друзья удручённо молчали. Арсен первым нарушил гнетущую тишину:

— Спасибо тебе, пан Мартын, за важную весть... Теперь нам нужно придумать, что предпринять...

— Как что! — воскликнул Яцько. — Поднять фастовский полк, захватить Подкаменное — и вызволить полковника!

— погоди, хлопец! Ты слишком горяч по своей молодости. К тому же тут есть старшие, и пока тебя не спрашивают, помолчал бы... По крайней мере, так в войске заведено. Иль в бурсе тебя по-другому учили? А-а? — добродушно улыбнулся в седые усы Метелица и добавил: — Давайте-ка гуртом покумекаем... Паляя высвободить нужно во что бы то ни стало! Это ясно! Но как? Не идти же и впрямь с одним полком войной на польское войско, как советует наш молодой друг.

Покусывая стебелёк травы, Яцько смущённо отвернулся.

— Пожалуй, — промолвил Роман, — кое в чём Яцько прав... Только нужно отправиться в Подкаменное небольшим отрядом. А там, разведав все как следует, выбрать тёмную ночь, напасть на замок и, перебив стражу, освободить батьку Семена.

— Напасть можно, но доберётся ли скрытно этот отряд до Подкаменного? — высказал сомнение Спыхальский. — Даже если двигаться по ночам, и тогда кто-нибудь увидит и донесёт Яблоновскому или его региментарям [96]. Нас ещё по дороге словят, как куропаток...

— Что ж ты советуешь, Мартын? — спросил Арсен.

— Ничего не советую... Знаю одно: к Подкаменному надо подойти так, чтобы не вызвать ни малейшего подозрения.

— Ну... это можно сделать, — в раздумье сказал Арсен. — Поедет не военный отряд, а мирный купеческий обоз... Повезём во Львов товар...

— Было бы что везти! — буркнул Метелица. — Каждый из нас гол как сокол.

— Сообразим что-нибудь... Сено, шерсть, бочки все сгодится, чтобы наполнить наши возы. А под низ — седла. Мы ведь обоз потом бросим, уходить придётся верхами...

— Здорово придумано, холера тебя заberi! Был бы я такой башковитый, как ты, пане-брате, непременно стал бы региментарем! — воскликнул Спыхальский и с завистью посмотрел на лохматую, давно не стриженную голову Арсена.

Все засмеялись, а Арсен сказал:

— Есть у меня и другая думка...

— Какая?

— Просить короля... Собеский хорошо знает Палия, высоко оценил его под Веной. Может, махнуть мне к нему да все рассказать?

— Если он откажет... мы потеряем время... — неуверенно начал Роман.

— Сделаем так. Готовим купеческий обоз в двадцать возов. За старшего поедет Роман, а с ним — тридцать сорок охочих казаков... Пока все устроится, пока доедете до Подкаменного, я успею съездить к королю... Прикажет отпустить Палия — обойдёмся без кровопролития, откажет — пустим в ход сабли! Как вы на это? Согласны?

— Согласны! Согласны!

— Тогда пошли в дом батьки Семена... К слову, они уже поженились с Феодосией?

— Поженились. Сразу же по приезде из венского похода.

— Вот и хорошо. Нужно успокоить жену полковника. Там, у неё, соберём сотников и договоримся обо всем...

5

Свирид Многогрешный тихонько приоткрыл дверь в гетманские покои, просунул голову и, увидев Хмельницкого, дремавшего на канапе [97], спросил:

— Ваша ясновельможность, можно?

Юрась испуганно вскочил — пламя свечи заколыхалось.

— Тьфу, черт! Мог бы и поделикатнее... Заходи!

Многогрешный поздоровался, сел на табурет у стола, на котором стоял пустой графин из-под вина, вздохнул.

— Что так тяжело? Рассказывай! С чем вернулся из Немирова? — приказал гетман.

— Ни с чем, — буркнул Многогрешный. — Дела плохи...

— Отчего?

— Всюду на Правобережье, кроме Каменецкого пошалька, восстановлена власть Речи Посполитой. Польша воспользовалась победой под Веной и прибирает к рукам украинские земли, которые Бахчисарайским договором определены ничейными, а в действительности могут находиться под вашей булавой...

— Это я знаю, — прервал его нетерпеливо Юрась. — А как наши дела? С кем говорил? Кто признает мою власть?

— Э-э-э! Никто! — безнадежно отмахнулся Многогрешный. — Король Ян Собеский да гетман Станислав Яблоновский раздают приговорные письма на села и города, будто это их собственность... О том, чтобы идти на службу к вашей ясновельможности, никто и слушать не

желает! А меня, вашего посланца, полковник Семён Палий выгнал из Немирова, как пса, хотя сам на Немиров не имеет никакого права. Распоряжается там его приятель Андрей Абазин. Однако в долгу я не остался — отблагодарил его за обиду! Будет помнить до новых веников!

вернуться

95

Потурнак (укр.) — невольник, принявший мусульманство, отуречившийся.

вернуться

96

Региментарь (польск.) — полковник.

вернуться

97

Канапе (франц.) — диван с приподнятым изголовьем.

— Проклятье! — гетман ударил кулаком по столу. — Мало я их жёг! Мало вешал! Не люди, а бурьян какой-то! Но я скручу их в бараний рог и заставлю делать то, что прикажу! О боже, дай мне силы подняться над недолей, укрепи моё сердце, чтобы оно стало каменным, глухим к чужому горю и страданиям. Опираясь на дружескую поддержку падишаха, я зажму весь народ свой в этом кулаке!

Юрась ещё раз стукнул по столу и в бешенстве заскрипел зубами. Глаза его горели, как у больного. В уголках губ появилась пена. Давало знать себя выпитое без меры вино.

Юрий Хмельницкий никак не мог понять, что карта его бита, что Украина отшатнулась от него, как от прокаженного. Цеплялся за малейшую возможность удержаться на поверхности. Обманывал пашу Галиля, великого визиря и самого султана лживыми словами о том, что казаки ждут не дождутся, чтобы перейти под его гетманскую булаву. Обманывал и себя призрачными надеждами, продолжая все ещё на что-то уповать... На что?

Он обхватил руками голову и уставился безумным взглядом в тёмное окно, за которым была глухая ночь.

Многогрешный не решался нарушить зловещую тишину.

Минута плыла за минутой, а Юрась не менял позы. Казалось, что сидит не человек, а каменная статуя с перекошенным лицом.

Даже гул голосов в соседней комнате и топот многих ног не вывели его из этого состояния. Лишь после того, как дверь вдруг с шумом распахнулась и в комнату вошёл Азем-ага, а за ним — несколько янычар, Юрась повернулся и гневно воскликнул:

— Азем-ага, я приказывал не заходить ко мне без разреше... — И осёкся...

В протянутых руках Азем-аги темнело широкое деревянное блюдо, а на нем лежал свёрнутый кольцами длинный шёлковый шнурок.

Хмельницкий смертельно побледнел.

Многогрешный вскочил с табуретки, но, сообразив, что гетману прислан от султана смертный приговор, застыл на месте, как поражённый громом.

Тем временем Азем-ага медленно приблизился к столу и, не торопясь, торжественно поставил на него свою страшную ношу. Позади выстроились молчаливые, суровые янычары.

Юрась впился взглядом в шнурок.

Это был конец. Конец всему — надеждам, тревогам, жизни. Он прекрасно знал, что человек, получавший от султана такой подарок, жил не дольше, чем нужно для того, чтобы умереть. И ценил его султан невысоко — прислал свой жуткий подарок не на серебряном, а на деревянном блюде...

— Нет! Нет! — Гетман закрылся руками, словно защищаясь от удара. — Не может этого быть! Это фатальная ошибка! Не мог султан отдать такой приказ!

— Султаны никогда не ошибаются! — ледяным голосом произнёс Азем-ага. — Извини меня, гетман Ихмельниски, но приказ султана должен выполняться без промедления... Ты сам или тебе помочь?

— Не-е-е... — иступлённо закричал Юрась. — Не хочу-у-у!

Азем-ага подал едва заметный знак рукой. Из-за его спины вышли три янычара. Один схватил Юрия Хмельницкого за руки — заломил их назад. Двое мгновенно накинули на шею шнурок, потянули изо всех сил.

Юрась захрипел, заметался в петле, все ещё стараясь вырваться, но сразу же поник, упал.

Так никто и не понял — от удавки он умер или от страха.

Когда с гетманом было покончено, Азем-ага глянул на Многогрешного, который стоял ни жив ни мёртв.

— Ты поможешь нам, Свирид-ага! Вынесешь труп. — И он повернулся к янычарам, стоявшим позади. — Давайте мешок!

Те быстро развернули большой куль и опустили в него тело гетмана вниз головой. Потом крепко завязали.

— Бери, Свирид! — приказал Азем-ага. — Послужи своему гетману в последний раз!

У Многогрешного от испуга отнялся язык, а ноги будто приросли к полу.

— Ты что — оглох? — толкнул его в спину янычар.

Ему помогли взвалить мешок на плечи, затем вывели из дома. Впереди шёл Азем-ага, позади — янычары.

Многогрешный еле плёлся. От ужасной ноши, давившей на плечи, у него кружилась голова.

Ему казалось, что он делает последние шаги по земле.

На улице повернули направо, к Турецкому мосту.

Стояла тёмная, облачная ночь. Город словно вымер — ни прохожих, ни огонька, ни собачьего лая. Только тяжёлое сопение Многогрешного нарушало могильную тишину.

На мосту Азем-ага остановился.

— Сюда!

Кто-то подтолкнул Многогрешного к каменным перилам. Он споткнулся — и мешок свалился к ногам Азем-аги.

— Тише ты, шайтаново отродье! — выругался тот. — Бросайте!

Янычары вскинули мешок на широкие перила и столкнули его в глубокий каньон, прорытый бурными водами Смотрича. Спустя некоторое время оттуда донёсся едва слышимый всплеск. Многогрешный перекрестился.

— Господи, упокой душу его!

— Аллах упокоит... и примет его в свои «райские сады», — сказал Азем-ага. Не разобрать было, говорится это серьёзно или с насмешкой. — Он верно служил падишаху и заработал себе награду... А ты, Свирид-ага, убирайся отсюда! Побейте да подальше. Понял?

Как было не понять!

Многогрешный поклонился и кинулся наутёк. Он представил себе мёртвого Юрася Хмельницкого и мысленно поблагодарил бога за то, что не на его шее затянулся страшный шёлковый шнурок, что не его, скрюченного в тесном мешке, катят по скользким камням холодные мутные воды...

6

Секретарь Таленти, склонив в поклоне продолговатую голову с редющей чёрной шевелюрой, пятясь вышел из кабинета и, не закрывая за собою двери, повернулся к Арсену:

— Его ясновельможность милостиво разрешил тебе, пан Комарницкий, зайти на короткую аудиенцию.

Войдя в знакомый кабинет, Арсен поклонился.

Собеский сидел за большим массивным столом, широкоплечий, тучный, с копной слегка посеребрённых сединою волос, и перебирал бумаги. Отложив одну из них в сторону, пристально посмотрел на вошедшего.

— Доброго здоровья, ваша ясновельможность!

— А-а, пан Комарницкий, то бишь пан Кульчицкий, или как там тебя! Приветствую, приветствую героя Вены! Я никогда не забываю тех, кто храбро сражался под моими знамёнами... Садись, пожалуйста. Рассказывай, с чем прибыл!

Арсен сделал несколько шагов к столу, но не сел.

— Ваша ясновельможность, допущена большая несправедливость, и я приехал просить вашей милости и защиты...

— О Езус! И тут несправедливость! Кажется, все в этом мире соткано из одних несправедливостей! — воскликнул король, видимо все ещё находясь в плену своих мыслей или под впечатлением недавней беседы с секретарем.

— Скажите, кто оскорбил ваше королевское высочество, и я... — начал Арсен.

— Нет, нет, совсем не то, здесь сабля не поможет, — замахал руками Собеский. — Интриги магнатов, их самоуправство разваливают польскую державу! Вот что ранит мне сердце! Каждый тянет к себе. Никто и думать не желает об отчизне, все заботятся лишь о собственных поместьях, о своём тщеславии. Пока существовала прямая угроза со стороны Порты, шляхетство держалось дружно, а теперь — как сбесилось. Каждый магнат хочет стать королем, каждый голопузый шляхтич — магнатом! Повсюду — раздоры, подкуп, тяжбы по судам, вооружённые нападения, грабежи, разбой... Никто не боится королевской власти, все полагаются на оружие... Анархия — да и только!

Арсен молчал, оторопев от такого откровения.

Заметив его растерянность, Собеский опомнился и уже спокойным тоном спросил:

— Так что же случилось? От кого я должен защитить тебя?

— Не меня, ваша ясновельможность... Несправедливость допущена по отношению к известному вам полковнику Семёну Палию, который не менее храбро бился под знамёнами вашей ясновельможности с турками...

— С ним-то что произошло?

— Он коварно схвачен в Немирове людьми Станислава Яблоновского и брошен в темницу в Подкаменном...

— За что?

— Без всяких оснований... Только потому, что его оговорил один давний недруг, заявив, будто бы полковник — приверженец гетмана Самойловича и Москвы...

Собеский откинулся на спинку кресла.

— Ну а если это правда?

— Нет никаких доказательств, ваша ясновельможность! Вы сами видели, что Палий не жалел жизни и сил ни под Веной, ни под Парканом... Казачье войско, фастовский полк и другие полки на Правобережье возмущены своеволием Яблоновского. Мы просим вашу ясновельможность защитить полковника от несправедливого обвинения и приказать гетману Яблоновскому выпустить его из заточения!

— Так, значит, пан Комарницкий, то бишь Кульчицкий, казак? — удивился Собеский.

— Да, ваша ясновельможность.

— О-о! Тогда мне понятно, почему пан так отстаивает Палия... Но я, собственно, ничего не имею против полковника. Он, безусловно, храбрый человек, и я никогда не забуду его побед

под Веной. Скажи Яблоновскому, что я прошу рассмотреть это дело доброжелательно... Тем более, что мне не хотелось бы осложнений с Москвой, ибо мы договариваемся сейчас о вечном мире и союзе с ней, о совместной войне против Османской империи...

Король забарабанил пальцами по столу, и Арсен понял: аудиенция окончена.

У Арсена стало тягостно на сердце. Его далёкая поездка завершилась ничем. Хотя Собеский не отказал в помощи, но и не помог. Вместо письма гетману ограничился советом поговорить с Яблоновским. Да напыщенный магнат рассмеётся казакам в лицо и погонит прочь! Не было полной уверенности в том, что он выполнил бы письменное распоряжение короля, а словесное пожелание — и подавно...

Арсен молча поклонился и вышел.

Проходя через роскошные, расписанные золотой краской двери королевского кабинета, он невольно вспомнил, как некогда под Чигирином безрезультатно просил князя Ромодановского защитить Романа Воинова, когда того арестовал генерал Трауэрнихт. «Выходит, сильные мира сего повсюду одинаковы, чтоб им пусто было! Простому человеку за этими богатыми дверями правды не найти. А посему, казак, надейся только на собственные силы, на свою саблю!»

7

Обоз въехал в Подкаменное и остановился на площади перед замком. Солнце уже опустилось к горизонту, и от мрачных крепостных стен и островерхих башен на землю падали чёрные тени.

— Эй, мужики, тут становиться на ночлег запрещено! — закричал от ворот дежуривший гайдук. — Намусорите, а завтра прибирай после вас!

— Не кричи, пан! Мы не глухие! — ответил Арсен, одетый в обычную крестьянскую одежду: белые полотняные штаны, сорочка и соломенный брыль. — Поди-ка лучше сюда! Ведь не с пустыми руками приехали мы на ярмарку. — И он похлопал ладонью крутобокий бочонок.

Жест был настолько красноречив, что гайдук, пожилой гуцул из Прикарпатья, сначала заморгал глазами, затем облизнул сухие, воспалённые губы.

— Пиво?

— И таранка к нему найдётся из самого Днепра. — Арсен моргнул хлопцам — Яцько и Семашко: — Ну-ка, поищите на моем возу — выберите несколько рыбин получше! Чтобы пан остался довольным и дозволил нам тут переночевать...

Яцько поднёс стражнику большую кружку.

Гайдук мотнул было головой — на часах, мол. Немного подумал. Колебался, должно быть. Наконец, решившись, прищёлкнул языком, оглянулся — не видно ли кого поблизости — и только тогда взял в руки кружку. Понюхал. На лице проступило удивление.

— Разрази меня гром, если это не горилка! — Он приоткрыл усатый рот, сделал один глоток, поморщился. Затем, переведя дыхание, вновь приложился к кружке и осушил её до дна. — Ф-фу! А теперь, хлопцы, не мешало бы и закусить, если есть!

Таранку стражник ел медленно, смакуя, то и дело похваливая угощавших.

— Вы правильные хлопцы, как вижу... Просто чудесные! Кабы не служба, то я с вами тут и заночевал бы! Ей-богу! — болтал он, пьянея. — Уже вечереет, и было б совсем не плохо улечься на возу, подмостив себе сена, да задать храпака!

Арсен подморгнул Василию Семашко, и тот шагнул к телеге — освободить её для стражника. Гайдук хитро прищурился, погрозил хлопцу пальцем.

— Может, ты покличешь своих товарищей? — спросил Арсен. — Не то как пустим чарку по кругу — им, беднягам, ничего не перепадёт.

— Э-э, не стоит, ей-богу! — пробормотал уже порядочно опьяневший гайдук. — Нас только двое на карауле... Я на воротах, а второй, новенький, внизу... Такой набасурманенный — слова из него не вытянешь. Сидит да все думает, думает. А чего думает, поди спроси его?..

— Кого ж вы стережёте?

— Говорят, какую-то важную птицу... Такие кандалы на него надели!

— Когда же тебе, друг, замену пришлют? Иль так и будешь всю ночь торчать один?

— Черта с два! Дождёшься тут замены! Как надоест стоять — пойду, стукну в двери: мол, выходи кто! Кто-нибудь и выйдет...

Он еле держался на ногах. Язык заплетался, голова клонилась все ниже к груди. Чтобы не упасть, гайдук опёрся о телегу.

— Кажись, готовый? — тихо спросил Роман, подходя к переднему возу. — Можно и начинать! Казаки уже распрягли коней — седлают...

— Хорошо, — согласился Арсен. — Клади его, хлопцы! Он хотел поспать на сене — так пускай спит! А жупан снимите, Спыхальский наденет!

Яцько и Семашко сняли с гайдука жупан. Его самого кинули на телегу, прикрыли попоной. Он что-то пробурчал — и сразу уснул.

Тем временем над городком опустился синий весенний вечер. До замка долетали девичьи песни, смех парубков. Где-то далеко-далеко, вероятно на другом конце города, не переставая звучали неутомимые цимбалы.

Когда кони были осёдланы, казаки достали запрятанное в возах оружие.

— Друзья, кто остаётся здесь — будьте начеку! — приказал Арсен. — Как только услышите выстрелы, крик или свист — мчитесь на помощь! Понятно?

— Понятно, — ответил кто-то. — Удачи вам!

Арсен и Спыхальский с группой казаков направились к замку. Калитка в воротах, как они и надеялись, оказалась открытой. На подворье темно и тихо. Лишь одно оконце было освещено.

Арсен тенью метнулся к нему — заглянул через стекло. В большой, с низким потолком комнате вповалку спали несколько гайдуков. Ещё двое раздевались, готовясь ко сну. За столом сидел безусый парень и куском грубого сукна до блеска начищал пистолеты, грудой лежавшие перед ним.

«Не подозревают ничего, — подумал Арсен. Нащупал на двери засов и тихонько задвинул его. — Пускай посидят малость. Может, обойдётся без кровопролития...»

Оставив часть казаков на страже, он повернул к двери в подвал, где его ждали товарищи.

— Сюда, — шепнул пан Мартын. — Осторожно! Ступени крутые — недолго и шею свернуть...

Вытащив из-за пояса пистолет, Спыхальский первым начал спускаться вниз. За ним — Арсен, Роман, потом — Яцько, Семашко и Метелица.

Внизу, где кончались ступени, в арочном проёме мигал тусклый свет. Из подземелья тянуло холодом и плесенью. Послышался протяжный зевоч часового.

Пан Мартын, держась рукой за стену, продвигался крадучись, тихо, как кот. На нижней ступеньке остановился, с опаской выглянул из-за угла. Налево и направо от него уходил длинный коридор. В каменной стене напротив — потемневшие от сырости и времени двери с оконцами, забранными решёткой.

Гетманская тюрьма! Да, многим холопам пришлось тут изведать ужасные муки!

Возле одной двери, на низенькой табуретке, сидел, закутавшись в кожушок, часовой. В свете небольшого масляного фонаря, висевшего под потолком, хорошо были видны его мохнатая овечья шапка и сутулые плечи.

Услышав шорох, он встревоженно спросил:

— Кто там? — И, поднявшись, взял на изготовку мушкет.

Спыхальский вытаращил глаза: перед ним стоял его давний знакомый — Свирид Многогрешный.

— Холера ясная! — загремел под низким сводом могучий голос пана Мартына. — Неужто это ты, пан Свирид? Я и не знал, что мы оба на службе у пана воеводы!

— Прощу прощения, с кем имею честь?.. — не узнавая, допытывался Многогрешный.

— Холера тебя заведи! Мартына Спыхальского не узнаешь?

— О, пан Мартын! Никак не ожидал увидеться с тобой здесь... Пан служит у ясновельможного гетмана Яблоновского?

— И не первый день! А пан Свирид, похоже, недавно, что-то я раньше не встречал тебя среди гайдуков гетмана, — сказал Спыхальский, приближаясь к Многогрешному.

— Всего несколько дней... Но служба, однако ж, собачья — погибаю в этом подземелье! Может, пан Мартын посодействует мне найти местечко потеплее? Хе-хе! — И Многогрешный нарочито передёрнул плечами, показывая, как здесь холодно.

— Отчего же — посодействую! Хе-хе! — передразнил его Спыхальский и внезапно, схватив за грудки, прижал к стене и вырвал мушкет. — Пся крив! Наконец-то я тебя схапал! Сейчас тебе станет не только тепло, но и жарко! Раздавлю, как гниду!

— Пан Мартын, ты что — ошалел? Пусти! — задергался тот.

На крик подбежал Арсен с товарищами. Он сразу узнал, кого поймал Спыхальский, и придержал его руку, уже охватившую горло перепуганного до смерти Многогрешного.

— Так вот где мы встретились, дядька Свирид!.. — покачал головой Арсен.

— Звенигора! — простонал Многогрешный.

— Хлопцы, заткните ему рот! — приказал Арсен, обращаясь к Яцько и Семашко. — Свяжите руки, чтоб не сбежал, паскуда! Посадите на коня и смотрите в оба!

Яцько и Семашко подхватили Многогрешного — у того от страха отнялись ноги — и поволокли наверх.

Арсен кинулся к двери, к решётке которой уже прильнуло лицо Паляя.

— Батько Семён?

— Да, голубчик! Да! Выпустите меня, хлопчики, отсюда!

На двери висел большой замок.

Арсен рванул изо всех сил — замок не поддался.

— А ну-ка, сынку, пусти меня! — отстранил его Метелица. — Бывало, гнул я руками подковы. Попробую сейчас... есть ли ещё сила?

Он ухватил замок обеими ручищами и с таким усилием начал поворачивать в скобах, что лицо его побагровело. Все затаили дыхание. Но вот заржавленная дужка замка, жалобно заскрипев, переломилась надвое... Полковник оказался в объятиях друзей. На руках и ногах у него гремели кандалы.

— Быстрее, батько! — воскликнул Арсен. — Бежим!

Придерживая цепи руками, Палий вышел из подземелья. Ему подвели коня, помогли сесть.

— Ну, хлопцы, орлы мои, спасибо вам! — с чувством поблагодарил Палий.

Арсен подал знак — и отряд, бросив подводы, помчался по извилистым улицам Подкаменного на восток...

8

На первом же привале, в лесу, состоялся запорожский суд.

Свирид Многогрешный дрожал, как в лихорадке. В последнее время жилось ему не сладко: он поблек, исхудал, и одежда на нем висела, как на палке. Его маленькие хитрые глазки перебегали с одного лица на другое. Дольше всего они задержались на Арсене.

— Братцы, что вы со мной хотите делать? — заскулил он.

— А что делают с предателями? — грозно спросил Метелица.

— Я не предатель... Разрази меня гром, если я хоть кого-нибудь предал! — лепетал Многогрешный. — Я ни в чем не повинен!

Арсен чувствовал, как в сердце разгорается гнев, он едва сдерживал себя, чтобы не сразить мерзавца саблей. Произнёс глухо:

— Не выкручивайся, Свирид! Ты перед казачьим судом, судом чести, и ты обязан говорить

чистую правду. За малейшую ложь перед судом чести подсудимого вешают без приговора!

Многогрешный смертельно побледнел. Ему казалось, что язык во рту стал шершавым, а сердце будто оборвалось, ухнув куда-то вниз... Он едва держался на ногах.

Казаки стояли плотным кольцом, насупленные, суровые. Съёжившийся в страхе Многогрешный вызывал у них чувство омерзения.

Лишь Семён Палий не вмешивался в казачий суд. Сидя на коне, уже раскованный, он попыхивал трубкой и молча смотрел на подсудимого. «И откуда только берутся такие слизняки, ничтожества? — думал он. — Какие матери их рождают? В каких семьях вырастают? Почему одни люди трудов и крови своей не жалеют во имя отчизны, а другие норовят побольше сорвать с неё и продают любому, кто больше заплатит?»

Тем временем Многогрешный заголосил:

— Помилуйте, братцы! Побойтесь греха! За безвинную душу бог накажет вас, как татей-разбойников!..

— Братчики, — сказал Арсен побратимам, не слушая вопли обвиняемого. — Многое нам не известно об этом человеке — Свириде Многогрешном, но немало мы и знаем. И чтобы ни он и ни кто другой не могли упрекнуть нас, что мы учинили над ним самосуд, пускай он сперва ответит на наши вопросы, а потом уже мы решим, как поступить с ним... Согласны со мной?

— Согласны! — дружно ответили все.

— Тогда выберем судью. Кого бы вы хотели?

— Тебя, Арсен! — прогудел Метелица. — Кого ж ещё? Ты лучше нас всех знаком с этим проходимцем! Ты и спрашивай, а мы послушаем и прикинем — правду ли он говорит и чего стоит эта его правда!

— Правильно! Правильно! — зашумели казаки.

— Ну что ж, начнём... — Арсен вошёл в круг, остановился напротив Многогрешного, тихо, но строго спросил: — Скажи нам, Свирид Многогрешный, был ли ты в прошлом запорожцем?

— Да, — кивнул тот и взглянул на Метелицу.

— Был когда-то, — подтвердил казак, — однако таким паскудным, что, помнится, присудили мы однажды наказать его киями... А он пронюхал об этом и задал стрекача...

— Так это?

— Так.

— Ладно, перейдём к временам более поздним... Отвечай — был ли ты потурнаком? То есть — сменил ли нашу христианскую веру на басурманскую?

Многогрешный опустил голову.

— Ну, чего молчишь?! — гаркнул Метелица. — Было такое?

— Б-было, — выдавил из себя Свирид. — Но я ж не взаправду...

Казаки переглянулись: не думали, что подсудимый так легко и быстро признает себя виновным в этом тягчайшем грехе, считавшемся на Сечи равнозначным измене Родине.

— «Не взаправду!» — передразнил его Метелица. — Вот как садану саблюкой по твоей дурной башке...

Арсен взглядом остановил старого казака — мол, помолчи, батько!

— Будучи холуём у турецкого спахии, — обратился он к Многогрешному, — не ты ли выдал на суд и расправу повстанцев Мустафы Чернобородого в долине Трех Баранов?

Многогрешный проглотил слюну. Молчал, хлопая глазами.

— В войске Юрася Хмельницкого служил? Помогал туркам разорять Чигирин?

— Не я один служил...

— А теперь скажи мне — сколько заплатил тебе Кара-Мустафа за Златку?

— Какую Златку? — жёлтые глаза впились в Арсена. — Я не знаю никакой Златки.

— За ту Златку, которую ты выкрал в Немирове и отвёз в Каменец... В тот же вечер, когда ты меня в яму бросил!

— Никого я не выкрадывал!

— Брешешь! Сам Юрась говорил мне об этом, когда мы с Сафар-беем — помнишь такого? — допрашивали его на Дунае. Да и Златку я освободил уже, привёз в Фастовиз самого Стамбула. Это моя жена. Она мне все рассказала...

Многогрешный вдруг упал на колени, обхватил запыленный сапог Арсена, прижался к нему мокрой от слез щекой.

— Прости... Я не знал. Это проклятуший Юраська мне приказал... Разве мог я сам?..

Арсен брезгливо оттолкнул его и отступил назад.

— А теперь — последнее... Ты сам помог Порадовскому схватить нашего полковника Палия?

Многогрешный стоял на коленях. Его пепельная, с залысинами голова склонилась почти до земли. Плечи вздрагивали в беззвучном рыдании.

— Молчишь? Значит, и это правда? — Арсен посмотрел на казаков. — Какой приговор вынесет товариство?

На поляне наступила тишина. Слышались только лошадиное ржание да шум ветра в верхушках деревьев.

— Чего там долго думать! — воскликнул Метелица. — Этот прохвост давно заслужил петлю на шею!

— Смерть! — коротко бросил Роман

— На виселицу его, злыдня! — мрачно добавил Спыхальский.

— А ты, батько Семён? — Арсен повернулся к Палию. — Что скажешь?

Палий слез с коня, неторопливо приблизился. Многогрешный поднял было голову, глянул на него с надеждой, но сразу же отвёл взгляд, прочтя в глазах Палия ненависть и презрение.

— Что я скажу? — произнёс полковник. — Многогрешный сам уже вынес себе приговор своими позорными поступками. У него не нашлось ни единого довода в своё оправдание... Так пусть получает то, что заслужил!

— Да будет так! — сказал Арсен. — Этот человек не достоин ходить по нашей земле. Слышишь, Многогрешный? Вставай и исполняй приговор казачьего суда!

— Поми-илуйте! — взмолился Многогрешный. — Ради Христа!

— Поздно спохватился, изверг!.. Исполняй приговор! — Голос Арсена прозвучал жёстко.

Многогрешный, охая, поднялся. Вытер рукавом мокрое бледное лицо.

— Дайте мне пистолет, — прохрипел он. — Как милости прошу!

— Ты не достоин такой чести! От пули умирают воины, а предатели — в петле... Иди и выбирай верёвку. Да покрепче!

Обведя затуманенным взглядом неумолимых мрачных казаков, обступивших его со всех сторон, Многогрешный сделал несколько шагов к ближайшему коню, долго рылся в саквах.

Нашёл наконец длинную верёвку и начал дрожащими пальцами вязать петлю.

Казаки следили за ним, не проронив ни слова.

Затянув узлы у петель на обоих концах верёвки, так же медленно, вяло, как он делал все до этого, Многогрешный взгромоздился на коня.

Казаки, вскочив в седла, вновь окружили его, чтобы не сбежал.

Все продолжали молчать. Не хотели ни словом, ни делом вмешиваться в страшные приготовления. По стародавним запорожским обычаям ни один братчик не мог взять на себя позорной обязанности палача. Осуждённый к повешению запорожец должен был сам приготовить петлю, сам выбрать ветку, завязать на ней верёвку, подъехать верхом и, накинув петлю на шею, ногами ударить коня под бока...

Многогрешный долго приглядывался к веткам. Выбрал самую крепкую, перекинул через неё конец верёвки, затянул одну петлю...

Но тут силы изменили ему. Он повалился на гриву коня и зарыдал.

— Братчики, милые, простите, смилуйтесь! Хотя бы пристрелите!..

Вид его был жалок. Вздрагивая всем телом, размазывая слезы по грязному лицу, он скулил:

— Братчи-ики-и-и!..

— Будет тебе петь лазаря, скотина! — прикрикнул Метелица. — Сам знаешь, что никто не захочет поганить руки о такую тварь, как ты! Стань хоть в последнюю свою минуту человеком,

умри как подобает!

Многогрешный застыл в смертельном ужасе, но вдруг засуетился, заспешил, судорожно поправляя зачем-то на себе одежду...

Потом одним махом накинул на шею петлю и сильно ударил коня ногами...

9

В комнате сидели пятеро: Палий, Арсен Звенигора, Роман Воинов, Яцько и Семашко. На столе перед полковником лежал свёрнутый свиток бумаги.

Палий пригладил рукой густые волосы, обвёл взглядом присутствующих.

— Друзья мои, — произнёс он торжественно, — вы слышали, что я написал в Москву, правительнице Софии, и в Батурин, гетману Самойловичу... Считал и считаю, что поступаю правильно, ибо лишь от Москвы мы получали и получаем помощь во время лихолетья, опустошающего нашу землю. Вот и недавно, когда я по милости Яблоновского сидел в каземате, из Киева от воеводы Шереметьева прибыли в Фастов два обоза с харчами и оружием... Без этой помощи ни мы в Фастове, ни Самусь в Богуславе, ни Искра в Корсуни и Абазин в Немирове не смогли бы продержаться и года...

— Правильно, батько, — сказал Арсен.

— Остаётся препроводить эти письма по назначению. Кому-то нужно ехать, сынки мои... в Москву!..

— Кому же, как не нам с Романом. Не так ли, Роман? — обратился Арсен к побратиму.

— Правда твоя, — ответил тот.

Но тут поднялся молодой Семашко. Был он, как и мать, чернявый, красивый, с быстрым взглядом тёмных глаз.

— Нет, батько, — горячо возразил он. — На долю Арсена и Романа и так выпало немало тяжких дорог. Пора и меру знать! Мы с Яцьком только вступаем на одну из них... Так пускай это будет для нас первым испытанием. Верь — не подведём...

Палий любил Семашко, как родного сына. И сейчас любовался его красотой, радовался, видя решительность, зрелую отвагу, которой дышала вся его молодецкая стать. Полковник не сомневался в нём.

Он перевёл взгляд на Яцько. Этот голубоглазый, белокурый парень более хрупок на вид — выдержит ли?

— Как ты, Яцько?

У того загорелись глаза.

— Дозволь, батько! Сделаем как надо... Пора и нам начинать!

Они стояли рядом, юные, сильные, полные жажды действовать, и с надеждой смотрели на полковника.

— Ладно, — согласился Палий. — Поедете вы! И верно, нужно и вам когда-то начинать!

10

Стоял тёплый весенний день. Золотой шар солнца медленно катился по просторному голубому небу. Нёсся радостный журавлиный крик — кру, кру... Роща под горой зеленела молодой листвой, тянулась вверх тугими гибкими ветвями. Весело звенел над полями неутомимый жаворонок.

По дороге, круто поднимавшейся вверх, шагал Спыхальский с осёдланным конём в поводу. На боку у пана Мартына — сабля, к седлу приторочены дорожные саквы. Следом двигалась фура с парусиновым верхом. Правила лошадыми Зинка, крепко держа в сильных, загорелых на весеннем солнце руках ремённые вожжи. Из-за её спины выглядывали две чернявые головки — мальчика и девочки

Позади взбирались в гору пешие Арсен со Златкой и Роман со Стёхой.

На вершине, откуда в одну сторону открывался широкий вид на красавицу Унаву, извивавшуюся меж зелёных берегов, а в другую — на фастовскую крепость, стоящую на соседней горе, Спыхальский остановился, нацелил в небо острия своих усов и стал приговаривать:

— Эхма, как тутай красиво! Так красиво, что, прошу панство, — он раскинул руки, — схватил бы всю эту землю в объятия, прижал бы к груди да так и умер от великого счастья!

— Не умирай, пан Мартын! Мы надеемся ещё не раз видеть тебя в Фастове, у нас в гостях, — сказал, подходя, Арсен и положил ему руки на плечи. — Знай, что здесь тебе всегда будут рады.

— Дзенькую бардзо, Арсен, за твоё доброе сердце! Кабы не туга по отчизне любимой, то остался бы тутай с вами! Но должен ехать, ибо та земля польская — родная и так же прекрасна, как и ваша... Кличет она меня, манит к себе, как мама милая. — В его голубых глазах блеснули слезы, он начал прощаться. — Прощайте, друзья мои дорогие! Пусть вам счастливо живётся-можетя! Люблю вас, как родных! Не забывайте пана Мартына, а он вас до последнего дня своего не забудет! Пани Зинка будет напевать вечерами ваши чудесные песни, и мне станет казаться, что я снова с вами — и в радостях, и в горе... Если же доведётся кому из вас быть в наших краях, то помните, что есть там сельцо Круглик, что живёт в нем ваш побратим и верный друг Мартын Спыхальский!

Последние объятия, последние поцелуи — и пан Мартын уже на коне. Тронул жеребца ногами под бока, тот затанцевал нетерпеливо, сдерживаемый поводьями, взвился на дыбы и сорвался с места в галоп.

Зинка смахнула слезы со щёк, грустно улыбнулась всем, помахала рукой и крикнула на коней. Колёса заскрипели, воз тронулся и покатился по торному шляху на запад, все быстрее и быстрее.

На далёком холме Спыхальский поднялся на стрёменах, взметнул вверх руку с шапкой — и вскоре скрылся из виду...

— Вот и все, нет с нами пана Мартына. Будто частицу сердца забрал с собой, — глухо произнёс Арсен. — Не так давно расстался я с воеводой Младеном, Ненко, не успел поплакать над могилами Секача, Иваника и деда Шевчика, как пришлось, пожалуй, навсегда, проститься со

Спыхальским... Хоть ты, Роман, не надумай махнуть на Дон, да ещё со Стёхой!..

— За меня не волнуйся. Прирос я к Фастову, как кора к дереву. — И голубоглазый дончак привлёк к себе улыбающуюся жену.

Арсен обнял их за плечи, крепко прижал к груди, а потом легонько оттолкнул от себя.

— Ну, идите! А мы со Златкой немного побудем здесь...

Они остались вдвоём. Стояли на вершине и долго смотрели в ту сторону, куда уехал пан Мартын с новой семьёй. Потом казак заглянул любимой в глаза, словно в густую синеву моря...

Он нежно взял шершавыми, мозолистыми руками голову Златки, осыпал лицо её поцелуями.

— Златка! Милая моя!

— Арсен! Любимый!..

Струился, дрожал наполненный весенним благоуханием воздух. И небо, мирное, безоблачное, глядело на них с высоты и словно улыбалось им.

Присели у дороги. Арсен положил голову на колени Златке и закрыл глаза. Перед его мысленным взором промелькнули страшные картины минувшего — неволя, побег, бои, походы... Для чего все это? Кому нужны муки и кровь, бедствия и смерть людская? Чьё полное чёрной злобы сердце жаждет погромов, пожарищ, руин?.. Разве счастье не в ощущении того, что ты живёшь, дышишь воздухом родной земли, наслаждаешься улыбкой любимой и теплом её ласковых рук?

Сердце Арсена замирало от неги и ласки. Златка целовала его глаза, тонкими пальцами перебирала волнистый чуб, гладила твёрдые шрамы зарубцевавшихся ран. Заметив за ухом след от пули, нагнулась, коснулась его губами.

— Тяжело приходилось тебе, милый? — прошептала она.

— Тяжело.

— Ты никогда больше не оставишь меня? Правда? Будём теперь всегда-всегда вместе?

— Будем, Златка! Будем, родная!

Они умолкли. Златка любовалась беспредельным простором, внимая радостному пению жаворонка. Арсен тоже вслушивался в торжественную музыку весны.

Вдруг его ухо уловило далёкий топот копыт. Он встал, посмотрел вокруг. На горизонте двигалась какая-то темная точка. Что это? То ли ветер гонит перекасти-поле по бескрайней степи, то ли торопится с важной вестью всадник? Арсен пристальнее всмотрелся в даль. Нет, это не перекасти-поле! Стремительно, то исчезая на мгновение в не видимых отсюда балках, то выныривая на зелёных волнах холмов, приближается верховой.

Гонец!

Уже видно, как рдеет, точно головка мака, малиновый верх его шапки, искрятся в солнечных лучах самоцветы на ножнах дорогой сабли. Летит быстрокрылой птицей сильный конь...

Златка встревоженно проследила за взглядом Арсена и тоже увидела всадника.

Кто это? Куда мчится? Зачем? Неужели опять война?

Арсен молча привлёк любимую к груди, словно хотел защитить её от всего злого на свете. А сердцем прислушивался к дали, и уже чудились ему звуки казачьих сурм, зовущих в поход, ржание боевых коней на коротких привалах, приглушённые голоса товарищей, едва слышимое бряцание оружия в тревожной ночной тиши... И понял он, что счастье его быстротечно. Вот-вот жизнь снова позовёт в нескончаемую дорогу, навстречу ветрам и грозам... Ибо и сама она, жизнь, — дорога без конца!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Роман «Шёлковый шнурок» завершает тетралогия известного украинского писателя, лауреата премии имени Леси Украинки Владимира Кирилловича Малика. Историко-приключенческие романы «Посол Урус-Шайтана», «Фирман султана», «Чёрный всадник» и «Шёлковый шнурок» — четыре самостоятельные книги, объединённые общим идейно-художественным замыслом. Они составили грандиозное полотно исторической жизни Украины, Польши, Болгарии, Турции, Западной Европы во второй половине XVII века.

В основе тетралогии, которой автор дал общее название «Тайный посол», — реальные события: эпическая по своим масштабам и значению оборона объединёнными русско-украинскими силами Чигирина от турецко-татарских захватчиков в 1677—1678 годах, успешные военные действия запорожских казаков под водительством сечевого атамана Ивана Сирко против Крымского ханства в 1680 году и бои за Вену летом 1683 года, в которых вместе с австрийской и польской армиями сражалось против янычар украинское войско под командованием полковника Семена Палия.

На протяжении многих лет автор тщательно изучал документальные и литературные источники, относящиеся к той эпохе истории Украины и соседних с нею стран. Благодаря этим исследованиям в романах с большой достоверностью воссозданы подлинные ситуации, в которых жили и действовали герои эпопеи, боровшиеся и против феодально-крепостнического гнёта у себя на родине, и против чужеземных захватчиков.

Главный герой всех книг тетралогии — запорожец Арсен Звенигора. Прототипом его автору послужил казак-разведчик из Сечи, подвиги которого получили отражение в дошедших до нас документах того времени, но имя, сохранявшееся тогда по понятным причинам в глубокой тайне, до сих пор осталось неизвестным.

За долгие годы тяжёлых испытаний и опасных приключений, в плену и в военных походах, в краю болгарских повстанцев-гайдуков и даже в стане янычар Арсен приобретает единомышленников и преданных друзей. Это его боевые товарищи-запорожцы, русский солдат Кузьма Рожков и донской казак Роман Воинов, обедневший польский шляхтич Мартын Спыхальский, болгарский воевода Младен с вырванным из стана врагов сыном Ненко и соратниками-гайдуками, странствующий турецкий певец и врачеватель Якуб и многие, многие другие. Все они — честные, отважные, свободолюбивые люди, всегда готовые прийти на помощь друг другу, не щадя жизни защищать свободу и независимость родной земли. Им присущи лучшие человеческие качества — благородство, самоотверженность, подлинный гуманизм, верность долгу.

Ярко выраженная особенность тетралогии Владимира Малика — пронизывающая повествование и, по существу, определяющая развитие сюжета, — идея интернационализма.

Вполне понятно, насколько это важно при описании исторических событий, трагических конфликтов той грозной и сложной эпохи, неразрывно связанных с национально-освободительной борьбой народов против турецко-татарских завоеваний и притязаний польской шляхты на украинские земли. Естественно и закономерно угнетение вызывало отпор, поднимало народ на вооружённую борьбу против чужеземных захватчиков. Писатель раскрывает эту нелёгкую тему с большим тактом и мастерством. Морально-этическая позиция героев, их убеждения и поступки свидетельствуют об общности интересов простых людей независимо от национальной принадлежности.

Хотя большинство действующих лиц и коллизий романа являются лишь художественным вымыслом, прекрасное знание и особое чувство эпохи, высоко ответственное отношение к исторической правде помогли писателю добиться большой достоверности. Содействует этому также и то, что автором органично включены в романы многие исторические личности. Прежде всего — казак-разведчик, выведенный в тетралогии под вымышленным именем Арсена Звенигоры (добытый им подлинник фирмана султана хранится в Центральном государственном архиве древних актов в фонде бывшего Посольского приказа), мужественный и дальновидный кошевой атаман запорожцев Иван Сирко, талантливый полководец и общественный деятель конца XVII и начала XVIII века Семён Палий, безвольный и продажный Юрий Хмельницкий, великий визирь султана Кара-Мустафа, император Леопольд, король Ян Собеский, князь Григорий Ромодановский, генерал Патрик Гордон и другие.

Стержневая тема всех четырех романов — Запорожская Сечь. Писатель говорит о ней, основываясь на достижениях советской исторической науки и на результатах собственных плодотворных изысканий. Перед читателем раскрывается огромная, многоплановая, впечатляющая картина жизни, быта, военной основы необычной, вошедшей в мировую историю своеобразной «казачьей республики». Живописуя Запорожскую Сечь, эту мощную для своего времени социальную и военную организацию украинского казачества, В. К. Малик показывает и те глубокие противоречия, которые разделяли «голоту», вообще трудовых казаков, таких, как Метелица, Шевчик, и занимавшую привилегированное положение богатую верхушку.

Герои первых книг тетралогии действуют и в «Шёлковом шнурке». Исторический фон этого произведения — события трех лет, последовавших за битвой под Чигирином в 1678 году и победой русско-украинских войск на Бужинском поле. Это было время, когда Юрий Хмельницкий, подлый и бесталаный сын Богдана Хмельницкого, ставленник турецкого султана, вновь стал «управлять» Правобережной Украиной. Опираясь на татарские отряды, он организовывал разбойничьи набеги на Левобережье, грабил и сжигал села и хутора, а жителей насильно угонял на правый берег, в свою вотчину.

Кошевой Сирко посылал полковников запорожского войска Палия, Абазина, Искру и Самуся возглавить борьбу на Правобережье против предателей и чужеземцев, за возрождение этих земель, за возвращение их родине.

Заключительная книга тетралогии, как и предыдущие, читается с неослабевающим интересом. К числу её достоинств относится и то, что она даёт чёткое представление о взаимоотношениях между такими крупными державами, как Османская империя, Речь Посполита и эрцгерцогство Австрия в конце XVII века. С глубоким знанием исторического материала автор образно и живо повествует о ключевых событиях 1683 года в Центральной Европе. Тогда, не добившись осуществления своих захватнических планов на Украине, султан Магомет IV бросил колоссальное для тех времён двухсоттысячное войско против Австрии, чтобы затем расправиться порознь с Польшей и Украиной. Сердаром — главнокомандующим объединённых сил Османской империи и её вассалов — был назначен великий визирь Асан Мустафа

Кепрюлю, прозванный Кара-Мустафой. Втайне от султана он решил, захватив Вену, создать свою империю в Европе — стране Золотого Яблока. Началась осада турецкими войсками Вены, её героическая защита жителями столицы.

Расчёты султана и его пашей не оправдались. Австрию поддержали её союзники — Польша, Венеция, некоторые немецкие княжества.

В. К. Малик правильно характеризует политическую расстановку сил и отношение к событиям 1683 года государств Священной Римской империи, императором которой в то время был эрцгерцог Австрии Леопольд. Она состояла из десятков королевств и княжеств. Но из немецких государств, входивших в состав этой империи, помощь Австрии оказали только Бавария и Саксония. Под Вену прибыло также незначительное число франконцев и швабов. Даже такое крупное курфюршество, как Бранденбург (ставшее через восемнадцать лет королевством Пруссией), осталось вовсе в стороне от этих событий, хотя Леопольд и папа римский Иннокентий призывали все королевства и княжества империи выступить против турок и татар.

Хорошо показаны в романе и сама осада Вены, и ход сражения объединённых союзных сил под командованием Яна Собеского против турецко-татарского войска. Автор интересно и довольно подробно рассказывает об участии в разгроме турецких войск отрядов украинских казаков-волонтеров, запорожских казаков во главе с полковником Семёном Палием в составе польской армии. Это тем более важно, что в австрийской литературе, посвящённой войне 1683 года, о роли запорожских казаков даже не упоминается, хотя их героические действия имели весьма существенное значение в достижении победы над турками.

Было бы, однако, неверно воспринимать фабулу «Шёлкового шнура» как ограниченную лишь событиями, непосредственно относящимися к войне 1683 года, то есть только историей Османской империи, Австрии и Речи Посполитой. Много внимания, что вполне закономерно, в романе уделено развитию отношений между Речью Посполитой и Украиной, в частности — стремлениям Левобережной Украины к укреплению провозглашенного в 1654 году её союза с Москвой, к освобождению Правобережной Украины от гнёта польского панства. И не случайно заключительные страницы тетралогии как бы озарены философским обобщением. Как некогда Сирко, умирая, завещал всегда и всемерно крепить союз с Москвой, с русским народом, так теперь Палий и Арсен Звенигора передают этот завет, как эстафету, новому поколению. Они посылают Яцько и Василя Семашко в Москву с письмом к правительнице Софье, в Батурин к гетману Левобережной Украины Ивану Самойловичу с проникновенным призывом о присоединении Правобережной Украины к России.

Следует отметить, что книга «Шёлковый шнурок» не просто исторический роман-хроника. Немалое место в ней занимают и приключенческие элементы, и описания жизненных ситуаций, радостей и горестей, подвигов и свершений героев, новые проявления их дружбы и верности, героизма и самоотверженности. Здесь счастливо завершается одна из основных сюжетных линий — линия любви Арсена и Златки, прошедших через невероятные опасности и преодолевших самые изощрённые козни врагов.

Символичен последний эпизод. Златка и Арсен у себя дома. Наконец-то после стольких мук и жестоких невзгод они вместе. Вместе! И вдруг замечают на горизонте скачущего всадника. Сердца их одновременно охватила тревога — насколько же их счастье быстротечно. «Гонец!.. Неужели снова война?.. Вот-вот жизнь опять позовёт Арсена навстречу ветрам и грозам...»

Возможно, в этой картине автору видится начало новой книги: об участии России с 1686 года в антитурецкой коалиции (Польша, Австрия, Венгрия), Крымский поход русской армии в 1687

году и украинское казачество в её рядах...

В заключение хочется с удовлетворением сказать, что Владимир Кириллович Малик подарил читателям серию действительно увлекательных историко-приключенческих романов, которые, на мой взгляд, несомненно станут в ряд лучших произведений литературы этого жанра, адресованных прежде всего молодёжи.

Доктор исторических наук *М. А. Полтавский*

mir-knigi.org